

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА БОРИСА АКУНИНА
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

АЛЕКСЕЙ
ТОЛСТОЙ

Драматическая
трилогия

Алексей Константинович Толстой

Драматическая трилогия (сборник)

Библиотека проекта «История Российского государства» – это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков. Граф Алексей Константинович Толстой (1817–1875) – классик русской литературы, один из крупнейших наших поэтов второй половины XIX столетия, блестящий драматург, переводчик, создатель великолепной любовной лирики, непревзойденный до сих пор поэт-сатирик. Самой значительной в наследии А.К. Толстого является его драматическая трилогия, трагедии на тему из русской истории конца XVI – начала XVII века «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис». Трилогия Толстого, вызвавшая большой резонанс в России и имевшая небывалый успех на сцене русского театра, и по сей день остается одной из крупнейших вершин русской драматургии.

Содержание

#1	0005
Смерть Иоанна Грозного (трагедия в пяти действиях)	0006
Действующие лица	0007
Действие первое	0010
Действие второе	0059
Действие третье	0091
Действие четвертое	0119
Действие пятое	0178
Царь Федор Иоаннович (трагедия в пяти действиях)	0229
Действующие лица	0229
Действие первое	0232
Действие второе	0261
Действие третье	0308
Действие четвертое	0373
Действие пятое	0429
Царь Борис (трагедия в пяти действиях)	0461
Действующие лица	0461
Действие первое	0465
Действие второе	0517
Действие третье	0572
Действие четвертое	0629
Действие пятое	0670

Алексей Толстой

Драматическая трилогия

© В. Akunin, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Смерть Иоанна Грозного (трагедия в пяти действиях)

Рече царь: «Нестъ ли сей Вавилон великий, его же аз соградих в дом царства, в державе крепости моя, в честь славы моя!» Еще слову сушу во устех царя, глас с небесе бысть: «Тебе глаголется, Навуходносоре царю: царство твое преиде от тебе, и от человек отженут тя, и со зверьми дившими житие твое!»

Книга пророка Даниила, гл. IV, ст. 27

Действующие лица

Царь Иван Васильевич IV

Царица Мария Федоровна, из рода Нагих, седьмая жена его

Царевич Федор Иванович, сын его от первой жены

Царевна Ирина, жена Федора, сестра Бориса Годунова

члены Боярской Думы

Князь Мстиславский

Захарьин-Юрьев, брат первой жены царя

Князь Шуйский

Бельский

Князь Щербатый

Князь Голицын

Князь Трубецкой

Князь Сицкий

Шереметев

Татищев

Салтыков

Михайло Нагой, брат царицы Марии Федоровны

Борис Годунов, шурин царевича Федора

Гонец из Пскова

Мария Григорьевна, жена Годунова

ОКОЛЬНИЧЬИ

Григорий Годунов, родственник Бориса

Григорий Нагой, второй брат царицы Марии Федоровны

Гарабурда, посол Стефана Батория

ДВОРЯНЕ

Битяговский

Кикин

СХИМНИК

Мамка царевича Димитрия

Дворецкий Кремлевского дворца

Дворецкий Александровой слободы

Дворецкий Годунова

ВОЛХВЫ

Первый

Второй

врачи

Эльмс

Якоби

приставы

Первый

Второй

Шут

Ключник

Стрелецкий голова

Стрелецкий сотник

Стольник

Лабазник

Сенная девушка

Слуга князя Шуйского

Бояре, окольниковы, рынды, стрельцы, народ, скоморохи, слуги

Действие – в Москве 1584 года.

Действие первое

Прежде поднятия занавеса слышны на сцене шум и споры. Занавес подымается. Боярская дума. На лавках, стоящих вдоль стен и образующих фигуру *покоя*, сидят бояре: на средней лавке князь Мстиславский, Захарьин-Юрьев, Бельский и другие старшие бояре; на боковых младшие; на конце правой боковой лавки, у просцениума, Борис Годунов; с левой стороны, напротив Годунова, Михайло Нагой, схватив Салтыкова за ворот, старается стащить его с места.

Нагой.

Я государев шурин! Мне невместно
Быть меньше Салтыковых!

Салтыков.

Бражник! Прочь!
Твой дед служил у деда моего
Знакомцем и держальником!

Нагой.

Неправда!

Держальников не знали Салтыковы!
За то ль в бояре ты попал, что вместе
С Голицыным сдал Полоцк королю?

Голицын.

Нет, это ложь! Я защищал посады,
А в городе сидел тогда Щербатый!

Щербатый.

Ну да, сидел! И в то сиденье мы
В двенадцать дней семь приступов отбили,
А кабы ты посады отстоял,
К нам подошла б от Сокола подмога
И с тылу бы схватила короля!

Голицын.

А я ли виноват, что та подмога
Три целых дня тягалась о местах?

Нагой (продолжает спорить с Салтыковым).

Я государев шурин! Я на свадьбе
Перед других нес царский каравай!

Салтыков.

А я нес блюдо с золотою чарой!
Отец мой был ору́жничим! А твой
Кто есть отец? Великая то честь,
Что по седьмой жене ты царский шурин!

Нагой.

Да ты сестру-царицу не кори!

Салтыков.

Я не корю ее! А все ж она
Не первая царица, а седьмая!
Вишь, царский шурин! Мало ли шурьев
Перебывало у царя!

Захарьин.

Бояре!
Что вы чините? Вспомните, где вы!
Гораздо ль так чинить?

Нагой.

Царю я буду
В отечестве и в счете бить челом!

Салтыков.

Ну, бей челом! Пусть выдаст головою

Он мне тебя!

Мстиславский.

Да полноте, бояре!

Вот я да Шереметев, всех мы больше,
А о местах не спорим!

Голоса.

Нас вы больше?

А чем вы больше нас?

Захарьин.

Стыд вам, бояре!

(К Мстиславскому.)

Ты, князь Иван Феодорыч, ты старший —
Уйми же их!

Мстиславский.

Как их унять, боярин?

С ума сошли! Вишь, со Мстиславскими
Хотят считаться! Не велеть ли дьяку
Разрядные нам книги принести?

Захарьин.

Теперь не до разрядов, князь!

(Выступает вперед.)

Бояре!

Иль вы забыли, для чего мы здесь?
Возможно ль? Как? В теперешнюю пору,
Когда, свершив сыноубийство, царь
Терзается раскаяньем, когда
От мира он решился отойти
И мимо своего второго сына,
Феодора, его болезни ради,
Нам указал достойнейшего выбрать,
Кому б он мог державу передать,
Когда меж тем враги со всех сторон
Воюют Русь, – кругом и мор и голод, —
Вы в самую ту пору о местах
Тягаетесь? Опомнитесь, бояре!
Теперь должны мы каждый друг за друга
Держаться крепко, да не сгинет Русь!
Забудемте ж разряды! Без расчетов
К прискорбному приступим избиранью
И будемте без мест!

Бельский.

Без мест, пожалуй!

Все.

Без мест! Без мест!

Захарьин.

Боярин князь Мстиславский!
Ты старший – открывай совет!

Мстиславский.

Бояре!
Вы слышали, что вам сейчас Никита
Романович сказал? Как нам ни горько —
А покориться надо царской воле!
Пойдем на голоса!

Шуйский.

Позволь, боярин, —
Последнее ль то слово государя?

Мстиславский.

Последнее! Напрасно мы его

Молили. Он нам указал немедля

Постановить наш приговор и с новым
К нему явиться государем.

Трубецкой.

Страшно!

Голицын.

Не верится!

Мстиславский.

Не верилось и мне,

Пока не топнул он на нас ногою

И не велел мне Думу собирать.

Шуйский.

Когда его такая воля – что ж?

Щербатый.

Да, если так, бояре, – мы не властны

Ему перечить!

Шереметев.

Подлинно не властны!

Татищев (старик).

Тому о Пасхе будет двадцать лет,

Великий государь задумал то же;

Хотел, как ныне, бросить свой престол

И в Слободу отъехал от Москвы.
Народ мутиться начал; мы ж решили
Всем ехать за царем, просить его.
Поехали. Царь принял нас сурово;
Сначала слушать не хотел; потом
Моленьям внял, вернулся на Москву
И снова принял государство.

Сицкий.

Да!

И учинил опричнину! Мы помним!

Татищев.

Ужасное, не приведи Бог, время!
Но без царя еще бы хуже было:
Народ бы нас каменьями побил,
Вся Русь бы замутилась, и татары,
И ляхи нас, и немцы б одолели —
Согласья вовсе не было меж нас!

Сицкий.

Завидное теперь меж нас согласие!

Шуйский (к Татищеву).

К чему ж ты речь, боярин, вел?

Татищев.

К тому,
Что, может быть, и ныне, как в ту пору,
Царь-государь смягчится.

Мстиславский.

Нет, боярин,
Теперь другое время – царь не тот.
Он опустил плотию и духом;
Не мненье на бояр, как было прежде, —
Раскаянье его с престола гонит!

Бельский.

Не ест, не пьет, давно не знает сна;
О тех переговорах, что так тайно
Он с английскою королевой вел,
Уж речи нет. Посол ее теперь
Напрасно просит у него приема.

Захарьин.

Да, не похож он на себя теперь!
До этого греха недели за три
Он к Курбскому, к изменнику, писал,
Корил его жестоко и ответа

Ждал из Литвы, а сам дрожал от гнева;
Теперь же позабыл он и о Курбском,
И кроток стал, и милостив в речах.

Шуйский.

Не нам царю указывать. От Бога
Его и гнев и милость. Что ж, бояре?
Приступим к избиранию!

Все.

Приступим!

Молчание.

Мстиславский.

Кого ж, бояре?

Нагой.

Да кого ж другого,
Коль миновать мы Федора должны,
Кого ж еще, как не царева ж сына,
Димитрия Иваныча?

Мстиславский.

Младенца?

Нагой.

А мать на что? Царица-то на что?
Когда же с вас сестры-царицы мало —
Правителя придать ей!

Салтыков.

Не тебя ли?

Нагой.

Меня ли, брата ль, все равно – мы оба
Димитрию дядья!

Салтыков.

Да нам не дядьки!

Татищев.

Избави Бог! Мы помним малолетство
Царя Ивана! От дядьев царевых
Избави Бог!

Шуйский.

Не приведи господь!

Захарьин.

Не приведи! Нам нужен властный царь,

А не опека над царем!

Мстиславский.

Вестимо!

И сам Иван Васильич указал,
Чтоб из себя мы выбор учинили.

Шереметев.

Кого ж тогда?

Щербатый.

Да уж кого ни взять,
Он должен быть породы знаменитой,
Чтоб все склонились перед ним.

Сицкий.

Нет, князь!

Пусть тот царит, кто доблестней нас всех!

Его искать недалеко – Никита
Романович Захарьин перед вами!

Говор.

У царского кровавого престола
Он тридцать лет стоит и чист и бел.
Он смелым словом тысячи безвинных
Спасал не раз, когда уже над ними

Подъятые сверкали топоры.
Себя ж он не берег. Всегда он смерти
Глядел в глаза – и смерть, нам всем на ди-
во,

Его главы почтенной не коснулась —
И стелется пред нами жизнь его
Без пятнышка, как снежная равнина!

Голоса.

Захарьина! Захарьина! Никиту
Романыча! Захарьина на царство!

Трубецкой (к Сицкому).

Кто против этого! боярин чист!
Корить его не станем. По заслугам
И честь ему мы воздаем; но он
Не княжеского рода – быть под ним
Невместно нам, потомкам Гедимины!

Шуйский.

Нам и подавно, Рюрика потомкам!

Голицын.

Нет, он не князь – нам быть под ним него-
же!

Салтыков.

Не князь он, правда, – но с царем в свойстве!

Нагой.

Не он один! С царем в свойстве и мы!

Салтыков.

Ты брат седьмой жены, Захарьин – первой!

Захарьин.

Из-за меня не спорьтесь, бояре!

Благодарю тебя за честь, князь Сицкий,
(кланяется некоторым)

Благодарю и вас, бояре, но

Я чести бы не принял, хоть и все б вы

Меня хотели, я б не принял чести!

Я слишком прост, бояре! Не сподобил

Меня Господь науки государской.

А коль хотите доброго совета,

То есть один, который и породой

И службою нас будет выше всех:

Боярин, воевода, князь Иван

Петрович Шуйский, что теперь сидит

Во Пскове против короля Батура, —
Вот вы кого возьмите! Перед этим
Склониться не обидно никому!

Шереметев.

Нет, Шуйского нельзя! Король недаром
Уж пятый месяц осаждает Псков!
А воевода князь Иван Петрович
Засел в нем на смерть, и на том он крест
Со всей своей дружиной целовал.
Бог весть, на сколько времени еще
Продлится obleganie; мы ж не можем
И часу оставаться без царя!

Шуйский.

Так как же быть?

Мстиславский.

Не ведаю, бояре!

Шуйский.

Царь ждет ответа – надо кончить выбор!

Захарьин (к Годунову).

Борис Феодорыч! Ты что ж доселе

Не вымолвил ни слова? В трудном деле
Ты выручал нас часто из беды —
Скажи, как мыслишь?

Годунов (встает).

Мне ль, отец названный,
Мне ль говорить теперь, когда исхода
Напрасно ищут лучшие из вас?
Но если вы мне речь вести велите,
То я скажу, бояре...

Голоса.

Громче! Громче!
Не слышно!

Годунов.

Мне казалось бы, бояре...

Голоса.

Не слышим! Громче!

Захарьин.

Да зачем ты сел
Так далеко и ниже всех, Борис?
Иль места ты не знаешь своего?

Не слышно нам! Ступай сюда, поближе!
(Берет его за руку и подводит к средней лавке.)

Вот где тебе приходится сидеть!

Годунов (кланяется на все стороны).

Бояре, вы великих предков внуки!

И ты, названный мой отец, Никита

Романович, наставник мой любезный!

Я б не дерзнул мое вам молвить слово,

Когда б вы сами мне не приказали!

Салтыков.

Куда он гнет?

Нагой.

Хвостом вертит, лисица!

Салтыков.

А забрался-таки на середину!

Нагой.

Небось он даром на конце сидел!

Голоса.

Тс! Тише! Смирно! Слушать Годунова!

Годунов.

Вам ведомо, великие бояре,
Какие на Руси теперь настали
Крутые времена: король Батур
За городом у нас воюет город;
В его руках Усвят, Велиж и Полоцк;
Великих Лук уж взорваны им стены,
И древний Псков, наш кровный русский
город,

Бесчисленным он войском обложил.
Меж тем в Ливонию ворвался швед,
Завоевал Иван-город, Копорье;
А там с востока и с полудня хан
Опять орду вздымает; сотни тысяч
Уже идут на Тулу и Рязань;
Болезни, голод, мор – а в довершенье
Нам черемисы мятежом грозят!
Бояре, можно ль при такой невзгоде,
При горестном шатанье всей Руси,
О перемене думать госуда́ря?
Положим, вы такого б и нашли,
Который был бы по́ сердцу всей Думе, —
Уверены ли вы, что и народ

Его захочет? что угоден будет
Он всей земле? А если невзначай
Начнутся смуты? Что тогда, бояре?
Довольно ли строенья между нас,
Чтобы врагам, и внутренним и внешним,
Противостать и дружный дать отпор?
Великая в обычае есть сила;
Привычка людям – бич или узда;
Каков ни будь наследственный владыко,
Охотно повинуются ему;
Сильнее он и в смутную годину,
Чем в мирную новоизбранный царь.
Полвека будет, что Иван Василич
Над нами государит. Гнев и милость
Сменялись часто в этот длинный срок,
Но глубоко в сердца вросли корни
Привычка безусловного покорства
И долгий трепет имени его.
Бояре! Нам твердыня это имя!
Мы держимся лишь им. Давно отвыкли
Собой мы думать, действовать собой;
Мы целого не составляем тела;
Та власть, что нас на части раздробила,
Она ж одна и связывает нас;
Исчезни власть – и тело распадется!

Единое спасенье нам, бояре,
Идти к царю немедля, всею Думой,
Собором целым пасть к его ногам
И вновь молить его, да не оставит
Престола он и да поддержит Русь!

Говор.

Он дело говорит! – Мы без Иван
Василича пропали! – Лучше прямо
Идти к нему! – Он государь законный! —
Под ним не стыдно! – Да! Идти к нему! —
Просить его! – Просить его всей Думой!

Сицкий.

Бояре! Бога ли вы не боитесь?
Иль вы забыли, кто Иван Василич?
Что значат немцы, ляхи и татары
В сравненье с ним? Что значат мор и го-
лод,
Когда сам царь не что как лютый зверь!

Шуйский.

Что он понес? Да он царя бесчестит!

Мстиславский.

Князь Петр Ильич! Да ты с ума сошел!

Сицкий.

Не я, а ты, вы все ума лишились!
Иль есть из вас единый, у кого бы
Не умертвил он брата, иль отца,
Иль матери, иль ближнего, иль друга?
На вас смотреть, бояре, тошно сердцу!
Я бы не стал вас подымать, когда бы
Он сам с престола не хотел сойти, —
Не хуже вас Писание я знаю —
Я не на бунт зову вас – но он сам,
Сам хочет перестать губить и резать,
Постричься хочет, чтобы наконец
Вздыхнула Русь, – а вы просить его
Сбираетесь, чтоб он подоле резал!

Годунов.

Князь, про царя такие речи слышать
Негоже нам. Ты молвил сгоряча —
Доносчиков не чаю между нами —
Тебе ж отвечу: выбора нам нет!
Из двух грозящих зол кто усомнится
Взять меньшее? Что лучше: видеть Русь
В руках врагов? Москву в плену у хана?

Церквей, святыней поруганье? – или
По-прежнему с покорностью сносить
Владыку, Богом данного? Ужели
Нам наши головы земли дороже?
Еще скажу: великий государь
Был, правда, к нам немилостив и грозен;
Но время то прошло; ты слышал, князь,
Он умилился сердцем, стал не тот,
Стал милостив; и если он опять
Приимет государство – не земле,
Ее врагам он только будет страшен!

Голоса.

Так! Так! Он прав! Он дело говорит!

Сицкий.

Боярин, ты сладкоречив, я знаю!
Ты хитростным умеешь языком
Позолотить все, что тебе пригодно!
Вестимо: ты утратить власть боишься,
Когда другой на место Иоанна
Возьмет венец! Бояре, берегитесь:
Он мягко стелет – жестко будет спать!

Годунов.

Бояре все! свидетельствуюсь вами —
Не заслужил я этого упрека!
Вам ведомо, что власти не ищу я.
Я говорил по вашей воле ныне —
Но, может быть, я и не прав, бояре;
Меня князь Сицкий старше и умней;
Когда вы с ним согласны, я готов
Признать царем боярина Никиту
Романыча или кого велите!

Голоса.

Нет, не хотим Захарьина! Не надо!

Годунов.

Иль, может быть, Мстиславского, бояре?

Голоса.

Нет, не хотим! И сами мы не меньше Мсти-
славского!

Годунов.

Иль Шуйского, бояре?

Голоса.

И Шуйского не надо! Быть под Шуйским

Мы не хотим! Хотим царя Ивана!

Сицкий.

Идите же! Идите все к нему!
Идите в бойню, как баранье стадо!
Мне делать боле нечего меж вас!

(Уходит.)

Голоса и крики.

Он бунтовщик! Он оскорбил всю Думу!
Он против всех идет! Он всем досадчик!

Годунов.

Не гневайтесь на него, бояре!
Он говорил, как мыслил. Если ж вы
Решили в мудрости своей всей Думой
Идти к царю – пойдем, не надо мешкать!

Захарьин.

Когда бы не шатание земли,
Не по сердцу была б мне эта мера,
Но страшно ныне потрясать престол.
Пойдем к царю – другого нет исхода!

Мстиславский.

Кто ж будет речь вести?

Захарьин.

Да ты, боярин;

Кому ж другому? Ты меж нами старший!

Мстиславский.

Неловко мне! сегодня на меня

И без того разгневался уж царь.

Голоса.

Пусть Шуйский говорит!

Шуйский.

И мне неловко!

Захарьин.

Пожалуй, я речь поведу, бояре!

Мне гнев его не страшен – мне страшна

Земли погибель!

Годунов.

Нет, отец названный!

Не допущу тебя я до опалы!

Дай мне вести пред государем речь —
Меня не жаль!

Мстиславский.

Пойдемте ж! Годунов
Речь поведет; он всех нас лучше скажет!

Все бояре встают и уходят за Мстислав-
ским.

Салтыков (уходя, к Голицыну).

А Сицкий-то был прав! Ведь Годунов
Так и глядит, как бы взобраться в гору!

Голицын.

Сел ниже всех, а под конец стал первый!

Шереметев.

А говорили: быть без мест!

Трубецкой.

Дай срок!

И скоро всех татарин пересядет!

Уходят.

Царская опочивальня

Иоанн, бледный, изнуренный, одетый в черную рясу, сидит в креслах, с четками в руках. Возле него, на столе, Мономахова шапка; с другой стороны, на скамье, полное царское облачение. Григорий Нагой подает ему чару.

Нагой.

О государь! Не откажись хоть каплю
Вина испить! Вот уж который день
Себя ты изнуряешь! Ничего ты
И в рот не брал!

Иоанн.

Не надо пищи телу,
Когда душа упитана тоской.
Отныне мне раскаяние пища!

Нагой.

Великий государь! Ужели вправду
Ты нас покинуть хочешь? Что же будет
С царицею? С царевичем твоим
С Димитрием?

Иоанн.

Господь их не оставит!

Нагой.

Но кто ж сумеет государством править,
Опричь тебя?

Иоанн.

Острупился мой ум;
Изныло сердце; руки неспособны
Держать бразды; уж за грехи мои
Господь послал поганым одоление,
Мне ж указал престол мой уступить
Другому; беззакония мои
Песка морского паче: сыроядец —
Мучитель – блудник – церкви оскорбитель

Долготерпенья Божьего пучину
Последним я злодейством истоцил!

Нагой.

О государь! Ты в мысли умножаешь
Невольный грех свой! Не хотел убить ты
Царевича! Нечаянно твой посох
Такой удар ему нанес!

Иоанн.

Неправда!

Нарочно я, с намерением, с волей,
Его убил! Иль из ума я выжил,
Что уж и сам не знал, куда колол?
Нет – я убил его нарочно! Навзничь
Упал он, кровью обливаясь; руки
Мне лобызал и, умирая, грех мой
Великий отпустил мне, но я сам
Простить себе злодейства не хочу!
(Таинственно.)

Сегодня ночью он являлся мне,
Манил меня кровавою рукою,
И схиму мне показывал, и звал
Меня с собой, в священную обитель
На Белом озере, туда, где мощи
Покоятся Кирилла-чудотворца.
Туда и прежде иногда любил я
От треволненья мира удаляться;
Любил я там, вдали от суеты,
О будущем покое помышлять
И забывать людей неблагодарность
И злые козни недругов моих!
И умилительно мне было в келье
От долгого стоянья отдыхать,
В вечерний час следить за облаками,

Лишь ветра шум, да чаек слышать крики,
Да озера однообразный плеск.
Там тишина! Там всех страстей забвеньё!
Там схиму я приму, и, может быть,
Молитвою, пожизненным постом
И долгим сокрушеньем заслужу я
Прощеньё окаянству моему!

(Помолчав.)

Поди, узнай, зачем так долго длится
Их совещаенье? Скоро ли они
Свой постановят приговор и с новым
Царем придут, да возложу немедля
Я на него и бармы и венец!

Нагой уходит.

Все кончено! Так вот куда приводит
Меня величья длинная стезя!
Что встретил я на ней? Одни страданья!
От младости не ведая покоя,
То на коне, под свистом вражьих стрел,
Языцей покоряя, то в синклите,
Сражаясь с боярским мятежом,
Лишь длинный ряд я вижу за собою
Ночей бессонных и тревожных дней!
Не кротким был я властелином – нет!
Я не умел обуздывать себя!

Отец Сильвестр, наставник добрый мой,
Мне говорил: «Иване, берегись!
В тебя вселиться хочет сатана!
Не отвержай души ему, Иване!»
Но я был глух к речам святого старца,
И душу я диаволу отверз!
Нет, я не царь! я волк! я пес смердящий!
Мучитель я! Мой сын, убитый мною!
Я Каина злодейство превзошел!
Я прокажен душой и мыслью! Язвы
Сердечные бесчисленны мои!
О Христе-Боже! Исцели меня!
Прости мне, как разбойнику простил ты!
Очисти мя от несказанных скверней
И ко блаженных лику сочетаи!

Нагой поспешно возвращается.

Нагой.

Великий государь! Сейчас от Пскова
Прибыл гонец!

Иоанн.

Уж я не государь —
Пусть обратится к новому владыке!

Нагой.

Он говорит, что с радостною вестью
Его прислал князь Шуйский!

Иоанн.

Пусть войдет!

Нагой впускает гонца.

Гонец.

Великий царь! Тебе твой воевода
Боярин князь Иван Петрович Шуйский
С сидельцами псковскими бьет челом!
Усердными молитвами твоими,
Предстательством угодников святых
И силой честного креста – отбили
Мы приступ их. Несметное число
Легло врагов. За помощью в Варшаву
Бежал король, а продолжать осаду
Он ближним воеводам указал!

Иоанн.

Благословен Господь! Как было дело?

Гонец.

Уж пять недель они вели подкопы,
Копали борозды и неумолчно
Из пушек били по стенам! Князь Шуйский
Навстречу им подкопы рыть велел.
Сошлись под землю. Бой великий
Там закипел; в котлы пороховые
Успели наши бросить огонь – и разом
Взлетели с ляхами на воздух. Много
Погибло наших, но, хвала Творцу,
Все вражьи взорваны работы.

Иоанн.

Дальше!

Гонец.

Подземных хóдов видя неудачу,
Они тогда свезли на ближний холм
Все стенобойные снаряды вместе
И к вечеру пролом пробили. Тотчас
К нему мы подкатили пушки: *Барсу*
И *Трескотуху*, и, когда они
Уж устремились с криками к пролому,
Мы встретили их крупным чугуном
И натиск их отбили.

Иоанн.

Дальше!

Гонец.

К утру

Великий приступ приказал король.

Мы ж в колокол ударили осадный,

Собором всем, хоругви распустя,

Святые мощи Всеволода-князя

Вкруг древних стен с молитвой обнесли

И ляхов ждали. Гул такой раздался,

Как будто налетела непогода...

Мы встретили напор со всех раскатов,

С костров, со стен, с быков, с обломов, с ба-

шен,

Посыпались на них кувшины зелья,

Каменья, бревна и горящий лен...

Уже они слабели – вдруг король

Меж них явился, сам повел дружины —

И как вода шумящая на стены

Их сила снова полилась. Напрасно

Мы отбивались бердышами – башню

Свинарскую обсыпали литовцы —

Как муравьи полезли – на зубцах

Схватились с нами – новые ватаги
За ними лезли – долго мы держались —
Но наконец...

Иоанн.

Ну?

Гонец.

Наконец они
Сломали нас и овладели башней!

Иоанн.

Так вот вы как сдержали целованье?
Клятвопреступники! Хриstopродавцы!
Что делал Шуйский?

Гонец.

Князь Иван Петрович,
Увидя башню полною врагов,
Своей рукой схватил зажженный светоч
И в подземелье бросил. С громом башня
Взлетела вверх – и каменным дождем
Далёко стан засыпала литовский.

Иоанн.

Насилу-то! Что дальше?

Гонец.

Этот приступ
Последний был. Король ушел от Пскова,
Замойскому осаду передав.

Иоанн.

Хвала Творцу! Я вижу надо мною
Всесильный промысл Божий. Ну, король?
Не мнил ли ты уж совладать со мною,
Со мною, Божьей милостью владыкой,
Ты, милостию панскою король?
Посмотрим, как ты о псковские стены
Бодливый лоб свой расшибешь! А сколько
Литовцев полегло?

Гонец.

Примерным счетом,
Убитых будет тысяч до пяти,
А раненых и вдвое.

Иоанн.

Что, король?
Доволен ты уплатою моею

За Полоцк и Велиж? А сколько ихных
С начала облежания убито?

Гонец.

В пять приступов убито тысяч с двадцать,
Да наших тысяч до семи.

Иоанн.

Довольно

Осталось вас. Еще раз на пять хватит!
Входит стольник.

Стольник.

Великий царь...

Иоанн.

Что? Кончен их совет?

Стольник (подавая письмо).

Один врагами полоненный ратник
С письмом отпущен к милости твоей.

Иоанн.

Подай сюда! (*К Нагому.*)
Читай его, Григорий!

Стольник уходит.

Нагой (развертывает и читает).

«Царю всея Руси Иоанну
От князь Андрея, князь Михайлы сына...»

Иоанн.

Что? Что?

Нагой (смотрит в письмо).

«От князь Михайлы, сына Курб...»

Иоанн.

От Курбского! А! На мое посланье
Ответ его мне милость посылает! *(К гонцу.)*
Ступай! *(К Нагому.)*
Прочти!

Нагой.

Но, государь...

Иоанн.

Читай!

Нагой (читает).

«От Курбского, подвластного когда-то
Тебе слуги, теперь короны польской
Владетельного Ковельского князя,
Поклон. Внимай моим словам...»

Иоанн.

Ну? Что же?

Нагой.

Не смею, государь!

Иоанн.

Читай!

Нагой (продолжает читать).

«Нелепый
И широковещательный твой лист
Я вразумил. Превыше Божьих звезд
Гордынею своею возносяся
И сам же фарисейски унижаясь,
В изменах ты небытных нас винишь.
Твои слова, о царь, достойны... смеху...
Твои упреки...»

Иоанн.

Ну? «Твои упреки»?

Нагой.

«Твои упреки – басни пьяных баб!
Стыдился б ты так грубо и нескладно
Писать в чужую землю, где немало
Искусных есть в риторике мужей!
Непрощеную ж исповедь твою
Невместно мне и краем уха слышать!
Я не пресвитер, но в чину военном
Служу я государю моему,
Пресветлому, вельможному Стефану,
Великому земли Литовской князю
И польского шляхетства королю.
Благословеньем Божиим мы взяли
Уж у тебя Велиж, Усвят и Полоцк,
А скоро взять надеемся и Псков.
Где все твои минувшие победы?
Где мудрые и светлые мужи,
Которые тебе своею грудью
Твердыни брали и тебе Казань
И Астрахань под ноги покорили?
Ты всех избил, изрезал и измучил,
Твои войска, без добрых воевод,

Подобные беспастырному стаду,
Бегут от нас. Ты понял ли, о царь,
Что все твои шуты и скоморохи
Не заменят замученных вождей?
Ты понял ли, что в машкерах плясанье
И афродитские твои дела
Не все равно, что битвы в чистом поле?
Но ты о битвах, кажется, не мыслишь?
Свое ты войско бросил...»

Иоанн.

Продолжай!

Нагой.

«Свое ты войско бросил... как бегун...
И дома заперся, как хороняка...
Тебя, должно быть, злая мучит совесть
И память всех твоих безумных дел...
Войди ж в себя! А чтоб...»

Иоанн.

Ну, что же? Дальше!
«А чтоб»?.. Читай!

Нагой.

«А чтоб свою ты дурость
Уразумел и духом бы смирился,
Две *эпистолии* тебе я шлю
От Цицерона, римского витии,
К его друзьям, ко Клавдию и к Марку.
Прочти их на досуге, и да будет
Сие мое смиренное посланье
Тебе...»

Иоанн.
Кончай!

Нагой.
О государь!

Иоанн.
«Да будет
Сие мое смиренное посланье...»

Нагой.
«Тебе лозой полезною! Аминь!»

При последних словах Нагого Иоанн вырывает у него письмо, смотрит в него и начинает мять бумагу. Его дергают судороги.

Иоанн.

За безопасным сидя рубежом,
Ты лаешься, как пес из-за ограды!
Из рук моих ты не изволил, княже,
Приять венец мгновенных мук земных
И вечное наследовать блаженство!
Но не угодно ль милости твоей
Пожаловать в Москву и мне словесно
То высказать, что ты писать изволишь?
(*Озирается.*)

И нету здесь ни одного из тех,
Которые с ним мыслили? Ни брата —
Ни свояка – ни зятя – ни холопа!
Нет никого! Со всеми я покончил —
И молча должен проглотить его
Ругательства! Нет никого в запасе!
Входит стольник.

Стольник.

Великий государь! К тебе бояре
Пришли из Думы всем собором!

Иоанн.

А!

Добро пожаловать! Они пришли

Меня сменять! Обрадовались, чай!
Долой отжившего царя! Пора-де
Его как ветошь старую закинуть!
Уж веселятся, чай, воображая,
Как из дворца по Красному крыльцу
С котомкой на плечах сходить я буду!
Из милости, пожалуй, Христа ради,
Кафтанишко они оставят мне!
Посмотрим же, кому пришлось место
Мне уступать! Прошу бояр войти!
Стольник выходит.
Воистину! Что им за государь я?
Под этой ли монашескою рясой
Узнать меня? Уж я их отучил
Перед венчанным трепетать владыкой!
Как пишет Курбский? Войско-де я бросил?
И стал смешон? И уж пишу нескладно?
Как пьяная болтаю баба? Так ли?
Посмотрим же, кто их премудрый царь,
Который заживо взялся по мне
Наследовать?
Входят бояре.
Бью вам челом, бояре!
Довольно долго совещаались вы;
Но наконец вы приговор ваш думный

Постановили и, конечно, мне
Преемника назначили такого,
Которому не стыдно сдать престол?
Он, без сомненья, родом знаменит?
Не меньше нас? Умом же, ратным духом,
И благочестием, и милосердьем
Нас и получше будет? – Ну, бояре?
Пред кем я должен преклонить колена?
Пред кем пасть ниц? Перед тобой ли, Шуй-
ский,

Иль пред тобой, Мстиславский? Иль, быть
может,

Перед тобой, боярин наш Никита
Романович, врагов моих заступник?
Ответствуйте – я жду!

Годунов.

Великий царь!

Твоей священной покоряясь воле,
Мы совещались. Наш единодушный,
Ничем не отменимый приговор
Мы накрепко постановили. Слушай!
Опричь тебя, над нами господином
Никто не будет! Ты владыкой нашим
Доселе был – ты должен государить

И впредь. На этом головы мы наши
Тебе несем – казни нас или милуй!
(Становится на колени, и все бояре за ним.)

Иоанн (после долгого молчания).
Так вы меня принудить положили?
Как пленника связав меня, хотите
Неволей на престоле удержать?

Бояре.
Царь-государь! Ты нам дарован Богом!
Иного мы владыки не хотим,
Опричь тебя! Казни нас или милуй!

Иоанн.
Должно быть, вам мои пришлись бармы
Не по плечу? Вы тягость государства
Хотите снова на меня взвалить?
Оно-де так сподручней?

Шуйский.
Государь!
Не оставляй нас! Смилуйся над нами!

Иоанн.

Свидетельствуюсь Богом – я не мнил,
Я не хотел опять надеть постылый
Венец мой на усталую главу!
Меня влекли другие помышленья,
Моя душа иных искала благ!
Но вы не так решили. Кораблю,
Житейскими разбитому волнами,
Вы заградили пристань. Пусть же будет
По-вашему! Я покоряюсь Думе.
В неволе крайней, сей златой венец
Беру опять и учиняюсь паки
Царем Руси и вашим господином!
(Надевает Мономахову шапку.)

Бояре (вставая).

Да здравствует наш царь Иван Василич!

Иоанн.

Подать мне бармы!

(Надевает царское облачение.)

Подойди, Борис!

Ты смело говорил. В заклад поставил

Ты голову свою для блага царства.

Я дерзкую охотно слышу речь,

Текущую от искреннего сердца!

(Целует Годунова в голову и обращается к боярам.)

Второй уж раз я, вопреки хотенью,
По приговору Думы, согласился
Остаться на престоле. Горе ж ныне
Тому из вас, кто надо мной что-либо
Задумает, иль поведет хлеб-соль
С опальником, или какое дело
Прошедшее мое, хотя келейно,
Посмеет пересуживать, забыв,
Что несть судьи делам моим, бо несть
Верховной власти, аще не от Бога.

(Озирается.)

Я Сицкого не вижу между вами?

Годунов.

Не гневайся, великий государь!
Прости безумного!

Иоанн.

Что сделал Сицкий?

Годунов.

Он не хотел идти тебя просить.

Иоанн.

Он не хотел? Смотри, какой затейник!
Вишь, что он выдумал! Когда вся Дума
Собором всем просить меня решила —
Он не хотел! Он, значит, заодно
С литовцами? И с ханом Перекопским?
И с Курбским? – Голову с него долой!

Захарьин.

Царь-государь! Дозволь тебе сегодня,
Для радостного дня, замолвить слово
За Сицкого!

Иоанн.

Ты поздно спохватился,
Мой старый шурин! Если ты хотел
Изменников щадить – ты должен был
Сам сесть на царство – случай был сегодня!
(К боярам.)

Дать знать послу сестры Елисаветы,
Что завтра я глаз на́ глаз назначаю
Ему прием. Теперь идем в собор
Перед Всевышним преклонить колена!
(Уходит с боярами.)

Действие второе

Покой во дворце Иоанна

Захарьин и Годунов.

Годунов.

Уж битый час он с английским послом
Сидит один. Приказ он отдал строгий,
Чтоб не впускали никого.

Захарьин.

Борис!

Уж не ошиблись ли с тобою мы?
Не кротким он владыкой свой престол
Приял опять.

Годунов.

Что было делать нам!

Захарьин.

Борис! Борис! Когда б не вышло хуже,
Чем было прежде! Ведомо ль тебе,
О чем они толкуют?

Годунов.

Да, отец мой,
Хотя б и рад я был того не ведать:
С царицею царь хочет развестися
И сватает себе через посла
Племянницу великой королевы,
Хастинскую княжну.

Захарьин.

Помилуй бог!
Осьмого брака хочет он? Я ведал,
Что прежде преступленья своего
Он помышлял об этом, но теперь —
Теперь, когда едва лишь отказался
От схимы он, теперь – не может быть!
Ты точно ль знаешь?

Годунов.

Он мне сам сегодня
То объявил.

Захарьин.

А ты что отвечал?
Сказал ли ты ему, что грех великий
Он затевает? Что в его лета,
При горестных невзгодах государства,

Не о женитьбе думать, но о том,
Как землю поддержать?

Годунов.

Нет, мой отец.

Захарьин.

Нет? Не сказал?

Годунов.

Нет, мой отец, – не время.

Он не забыл, что свой венец вчера
Хотел сложить. От мысли, что он власти
Лишиться мог, она ему теперь

Еще дороже стала, словно он
Какой ущерб вознаградить в ней ищет.

Все, что с тобой для блага государства
Через него мы учинить хотели б,

Теперь скрывать должны мы от него
И нашу мысль в нем зарождасть незримо,
Чтобы ее не нашей мыслью он,
Но собственной считал.

Захарьин.

Ты прав, Борис;

Его всегда ты сердце лучше ведал.
Чини ж как знаешь, но, во что б ни стало,
Ты удержи его.

Годунов.

И днем и ночью
Лишь об одном, отец, я помышляю:
И как и чем удерживать его?
Но я ищу возможности напрасно —
Нет приступу к нему!

Захарьин.

Тогда, Борис,
Ошиблись мы! к беде нас приведет
Его гордыня, если ты ее
Направить не сумеешь.

Годунов.

Дай совет мне!

Захарьин.

Не мне тебе советовать, Борис.
Тебя Господь искусством одарил
И мудрости уклончивой сподобил.
Недаром ты снискал любовь царёву,

А от грехов и темных дел его
Остался чист. Храни ж свое уменье
И делай сам. Лишь одного страшись:
Не забывай, что не себе ты служишь,
Но всей земле, что ум от честолюбья
Недалеко и что порой опасен
Окольный путь бывает для души!

Годунов.

Как рад бы я, отец мой, без уклона
Всегда вперед идти прямым путем!
Но можно ль мне? Ты знаешь государя,
Ты знаешь сам противников моих
И как они высматривают случай,
Чтоб устранить иль извести меня.
Что делать мне? Я должен неусыпно
За кознями врагов моих следить
И хитрости противопоставить хитрость
Иль отказаться должен навсегда
Служить земле.

Захарьин.

Избави Бог тебя!
Ты Богу дашь о ней ответ! Борис,
Судьба Руси в твоих руках!

Годунов.

О, если б

Она была в моих руках! Я знал бы,
Что́ делать мне! Пусть только б царь Иван
Хоть месяц дал мне править государством!
Ему б в один я месяц доказал,
Какие силы русская земля
В себе таит! Я б доказал ему,
Что́ может власть, когда на благодати,
А не на казнях зиждется она!
Но тяжело, отец мой, все то видеть —
И лишь молчать бессильно!
Стольник отворяет дверь.

Стольник.

Царь идет!

Иоанн (входит с грамотами в руках).

Нам пишет Шуйский: в королевском стане
От голода открылись мор и бунт;
Король же их опомнился, должно быть,
И из Варшавы шлет ко мне посла.

Захарьин.

Дай Бог здоровья воеводе князь
Иван Петровичу!

Иоанн.

Сидельцы ж наши
Вновь целовали крест чинить по Боге:
Всем лечь, а не сдаваться. Но, я чаю,
Сосед Степан уж потерял охоту
Брать города, и если с новым войском
Пожалует он к нам, в голодный край,
Мы шапками их закидаем.

(К Захарьину.)

Ты

Ступай на площадь, объяви народу,
Что мира просит у меня король!

Захарьин.

Царь-государь, а если не о мире
Он шлет посла?

Иоанн.

Сдается мне, что нас
Учить твоя изволит милость! Видно,
Ошибкой нам, а не тебе бояре
Венец наш поднесли! Ступай, старик,

И объяви на площади народу,
Что мира просит у меня король!

Захарьин уходит.

(К Годунову.)

Я с английским послом покончил дело;
Но больно он тягуч и жиловат:
Торговые, вишь, льготы англичанам
Всё подавай! О льготах говорить
Мне с ним не время. Пригласи его
К себе, к обеду, потолкуй с ним дельно
И, что он скажет, то мне донеси.

Годунов.

Великий царь! Ты мне сказал вчера,
Что дерзкую охотно слышишь речь,
Текущую от искреннего сердца.
Дозволь мне ныне снова пред тобой
Ее держать! Боюсь я, англичанин
Подумает, что слишком дорожишь ты
Союзом с королевой, и тогда
Еще упрямей сделается он.
Не лучше ль было б дать ему отъехать,

Не кончив дела? Если ж королева,
Сверх чаянья, на льготах настоит —
Ты к ней всегда посла отправить можешь
С согласиём твоим.

Иоанн.

Иною речью,
Не по сердцу боярину Борису,
Чтоб царь Иван с великой королевой
Вступил в родство? Так, что ли? Говори!
Тебя насквозь я вижу!

Годунов.

Государь!
Напрасно я с тобой хотел лукавить:
Не от тебя сумеет кто сокрыть,
Что мыслит он. Так, государь! Виновен
Я пред тобой. Вели меня казнить —
Но выслушай: не мне, великий царь,
А всей Руси не по сердцу придется
Твой новый брак. Вся Русь царицу любит
За благочестие ее, а паче
За то, что мать Дмитрия она,
Наследника второго твоего,
Который быть царем однажды должен.

Как за тебя, так за твою царицу
Народ вседневно молится в церквах.
Что скажет он? Что скажет духовенство,
Когда ты мать Димитрия отринешь
И новый брак примешь с иноверкой —
Осьмой твой брак, великий государь!
Не скажут ли, что все невзгоды наши
(И, может быть, их много впереди)
Накликал *ты* на землю? Государь,
Казни меня – но я у ног твоих

(становится на колени)

Тебя молю: тобою лишь одним
Русь держится – не захоти теперь
Поколебать ее к тебе доверье!
Не отвращай напрасно от себя
Любви народа!

Иоанн.

Кончил? Ободренье
Мое пошло тебе, я вижу, впрок,
И дерзок ты воистину немало!
Мою ты видя милость над собой,
Конечно, мнишь, что я для руководства

Тебя держу? Что ты ко мне приставлен
От земства, что ль? Хулить иль одобрять
Мои дела? И можешь гнуть меня,
Как ветер трость? Достоиню смеху, право,
Как всем бы вам со мной играть хотелось
В попы Сильвестры! На твоих губах
И молоко в ту пору не обсохло,
Как я попу Сильвестру с Алексеем
Уж показал, что я не отрок им!
По моему с тех пор уразуменью,
Как прибыльней для царства моего,
Так я чиню и не печалюсь тем,
Что скажет тот иль этот обо мне!
Не на́ день я, не на́ год устрою
Престол Руси, но в долготу веков;
И что́ вдали провижу я, того
Не видеть вам куриным вашим оком!
Тебя же, знай, держу лишь для того,
Что ты мою вершишь исправно волю;
А в том и вся твоя заслуга. Встань —
На этот раз тебя прощаю – впредь же
В советчики не суйся мне! Посла
Ты пригласишь и принесешь мне завтра
Его последний уговор!
(Уходит в другую дверь.)

Годунов (один).

Он прав!

Я только раб его! Предвидеть это
Я должен был! Иль я его не знал?
Я поступил как женщина, как мальчик!
Я как безумный поступил! Вот он,
Тот путь прямой, которым мне Захарьин
Идти велит! На первом он шагу
Мне властью царёвой, как стеною,
Пересечен! Для блага всей земли
Царицу защищая, я с ней вместе
Спасал Нагих, моих врагов исконных,
Которые теперь же, в этот час,
Ведут совет, как погубить меня, —
Я был готов их пощадить сегодня,
Лишь только б царь не потрясал Руси!
И вот исход! Легко тебе, Никита
Романович, идти прямым путем!
Перед собой ты не поставил цели!
Спокойно ты и с грустью тихой смотришь
На этот мир! Как солнце в зимний день,
Земле сияя, но не грея землю,
Идешь ты чист к закату своему!
Моя ж душа борьбы и дела просит!

Я не могу мириться так легко!
Раздоры, козни, самовластье видеть —
И в доблести моей, как в светлой ризе,
Утешен быть, что сам я чист и бел!

(Уходит.)

Дом Шуйского

Шуйский, Мстиславский, Бельский, Михайло Нагой и Григорий Нагой сидят у стола за кубками.

Шуйский (наливая им вино).

Прошу вас, пейте, гости дорогие!
Во здравие Бориса Годунова!
Ведь он-то в Думе дело порешил!

Гости пьют неохотно. Мстиславский не пьет вовсе.

Что ж, князь Иван Феодорыч? Иль, может,
Не нравится тебе мое вино?
Не выпить ли другого нам, покрепче?

Мстиславский.

Нет, князь, спасибо. Не вино, а здравье,
Признаться, мне не нравится.

Шуйский.

Что так?

Про Годунова, князь, ты пить не хочешь?

Да вот и вы поморщились, бояре;

Иль он вам нелюб?

Мстиславский.

Выскачка! Татарин!

Вишь, ближним стал боярином теперь!

Бельский.

А мы, должно быть, дальние бояре!

Михайло Нагой.

Всем сядет скоро на голову нам!

Григорий Нагой.

Нет, он не сядет – он уже сидит!

Шуйский.

Помилуйте, бояре, Годунов-то?

Его насильно ставят выше нас,

А он и сам не рад! Он нам всегда

И честь как должно воздает, и в Думе

Готов молчать иль соглашаться с нами!

Михайло Нагой.

Да, к этому вьюну не придерешься!
Поддакивает, кланяется, бес,
А все-таки поставит на своем!

Шуйский.

Ну, этот раз ему за то спасибо!

Бельский.

Да этот раз не первый, не последний.
Покойный Сицкий правду говорил:
Он всех нас сломит!

Михайло Нагой.

Да – коль мы его
Не сломим прежде!

Григорий Нагой.

Как его сломить?

Бельский.

Кой-что шепнуть мы про него могли бы!

Мстиславский.

Да нам-то не поверят. Он же нас,
Как Сицкого, одним словечком срежет!

Михайло Нагой.

Нет, так нельзя; а можно бы иначе —
Да, вишь, князь Шуйский за него стоит!

Шуйский.

Я? За него? Да что ж он мне, бояре?
Он мне ни кум, ни шурин, ни свояк!
Я лишь сказал, что он хлопот не стóбит!

Бельский.

Ну, слеп же ты!

Шуйский.

Нет, я не слеп, бояре!
Когда б дошло до дела, вы бы сами
Раздумали!

Бельский.

Нет, этого не бойся!

Мстиславский.

Уж друг за друга мы бы постояли!

Григорий Нагой.

Готовы крест на этом целовать!

Шуйский.

Эх, вам охота даром в петлю лезть.

Бельский.

Ну, князь, прости мое худое слово:
Ты слеп как крот, и первого тебя
Татарин этот выживет как раз!

Шуйский.

Ты думаешь?

Бельский.

Да уж наверно так!

Шуйский.

Ну, коли так – тогда другое дело!

Бельский.

Так ты согласен?

Шуйский.

Что ж мне одному

Быть против всех! Пожалуй, я согласен —
Да как же дело-то начать?

Михайло Нагой.

А вот как:

Теперь у нас везде, по всей Руси,

Поветрие и хлебный недород.

Уж были смуты: за Москвой-рекой

Два бунта вспыхнуло. В такую пору

Народ озлоблен; рад, не разбирая,

Накинуться на первого любого.

От нас зависит время улучшить

И натравить их в пору на Бориса!

Григорий Нагой.

Оно б недурно! Пусть бы нас народ

Избавил от него – мы в стороне!

Мстиславский.

Да, в стороне! А как поднять народ?

Ведь не самим же нам идти на площадь!

Михайло Нагой.

Вестимо, нужен верный человек!

Бельский.

Или такой, которого бы мы
В руках держали непрерывным страхом!

Мстиславский.

А где его достать?

Шуйский (отворяя дверь в другой покой).

Войди, Данилыч!

Входит Битяговский.

Вот он, бояре, кто теперь нам нужен!
Я с ним уж говорил – он рад служить.

Общее удивление.

Бельский.

Так ты... Ну, князь, признаться, удивил!

Григорий Нагой.

Перехитрил нас! Нечего сказать!

Мстиславский.

А пил еще здоровье Годунова!

Шуйский смеется.

Михайло Нагой (указывая на Битяговского).

Так он берется сладить это дело?

Но кто же он? Его нам надо знать!

Шуйский.

Он из дворян: Михайло Битяговский.

Прошу любить и жаловать его;

Он нас не выдаст!

Бельский.

Князь, конечно, ты

Нам доказал, что ты хитрить умеешь;

Мы положиться можем на тебя;

Но все ж дозволь, в таком опасном деле,

Тебе не в гнев, ему не в осужденье,

Спросить тебя: чем отвечаешь ты?

Шуйский.

Бояре, дело просто: в зернь да в карты

Именье он до нитки проиграл;
В долгах сидит по шею; правежом
Ему грозят; исхода два ему:
Послужит нам – долги его заплатим;
Обманет нас – поставим на правеж.
Данилыч! Так ли? Ясен уговор?

Битяговский.

Да, ясен.

Шуйский.

Если ж ты уладишь дело,
Мы наградим тебя.

Битяговский.

Само собой.

Шуйский.

Я говорил тебе не в укоризну,
А чтоб бояре лучше веру взяли.
Теперь садись.

Битяговский.

Могу и постоять.

Шуйский.

На, выпей чару!

Битяговский.

Чару выпить можно.

(Пьет, кланяется и ставит чару на стол.)

Бельский.

Так вправду ты сумеешь на Бориса
Поджечь и взбунтовать народ?

Битяговский.

Сумею.

Михайло Нагой.

С кого ж начать ты хочешь?

Битяговский.

С черных сотен.

Григорий Нагой.

Про что ж ты будешь говорить?

Битяговский.

Про голод.

Бельский.

Что скажешь ты?

Битяговский.

Что в голову придет.

Мстиславский.

А за успех стоишь ты нам?

Битяговский.

Стою.

Михайло Нагой.

Народ не в шутку должен возмутиться.

Сначала подготовь его искусно:

Борис, мол, вот кто цены вам набил!

Он, мол, царем как хочет, так и водит;

Все зло, мол, от него! Он зять Малюты!

Он и царя на казни подбивал!

Потом, в удобный день, на праздник, что
ли,

Когда пойдет он в церковь иль из церкви,

Ты их и подожги! Да не мешало б

Тебе товарища найти.

Битяговский.

Не нужно.

Бельский.

Тут надобны не крики и не шум;
А чтоб они, увидя Годунова,
Так на него б и кинулись и разом
На клочья б разорвали!

Битяговский.

Разорвут.

Шуйский.

Уж положитесь на него, бояре!
Он неохоч до слов, но он на деле
Собаку съел; ему ведь не впервой.
А вы меж тем изведайте бояр:
Чем больше будет с нами, тем мы легче
И подведем его!

Бельский.

На всяк случа́й
Я кой-кого еще пущу в народ.
Есть на примете у меня один:

Рязанский дворянин, Прокофий Кикин.

Шуйский.

Коль за него ты можешь отвечать,
Пошли его, пожалуй, от себя;
Пусть с двух концов они волнуют город;
Не одному удастся, так другому.

Мстиславский.

Твоими бы устами, князь Василий
Иваныч, мед пить!

Михайло Нагой.

Ну, теперь недурно
Идут дела! Благослови Господь!
Входит слуга.

Слуга.

Боярин Годунов!

Шуйский (про себя).

Ах, бес проклятый!

Входит Годунов. Гости встают в замешательстве.

(Идет навстречу Годунову с распростер-

тыми объятиями.)

Борис Феодорыч! Вот гость любезный!
Челом тебе на ласке бью твоей!

Обнимаются.

Садись, боярин! Здесь, под образами!
Уважь домишко мой! Да чем же мне
Попотчевать тебя? Вот романея!
Вот ренское! Вот аликант! Вот бастр!

Годунов (кланяется).

Благодарю, боярин князь Василий
Иванович! Не помешал ли я?
Быть может, ты с гостями дорогими
Был делом занят?

Шуйский.

Делом? Нет, боярин!
Мы так себе балякали. Садись,
Прошу покорно! Да уважь, боярин,
Хоть чарочкой!

Годунов (пьет).

Во здравие твое!

Мстиславский (подходит к Шуйскому).

Хозяин ласковый, пора домой мне;
Прости!

Бельский.

И мне пора домой, прости!

Оба Нагие.

Пора и нам! Прости же, князь Василий
Иванович!

Шуйский.

Что ж, гости дорогие?
Зачем так рано?

Михайло Нагой.

Дома дело есть.

Шуйский.

Простите же, бояре! Много вас
За честь благодарю!

*(Провожает гостей и возвращается к Году-
нову.)*

Ну, слава Богу!

Ушли! Спасибо же тебе, боярин,

Что навестил меня! Ты не поверишь,

Как на тебя отрадно мне глядеть!
Ведь мы с тобой издавна заодно!
Что ты – то я!

Годунов.

Спасибо, князь Василий
Иванович! А я вот за советом
К тебе пришел.

Шуйский.

Приказывай, боярин!

Годунов.

Ты знаешь, князь, меня не любят в Думе —
Я новый человек.

Шуйский.

Так что же в том?

Я за тебя горой стою; а правда,
Есть недруги у нас! Вот хоть бы этот
Мстиславский или Бельский – кто их зна-
ет!

Завидно им, что любит царь тебя!

Годунов.

Царь жалует меня не по заслугам;
Я скользкою тропою, князь, иду.
Пожалуй, на меня царю нашепчут;
А до беды у нас недолго, князь!

Шуйский.

А я на что ж? Я за тебя готов
В огонь и в воду! Ты мне тот же брат!

Входит слуга.

Слуга (к Шуйскому).

Князь, царь прислал за милостью твоей!

Шуйский (встает).

За мной? Теперь? Ну, не взыщи, боярин, —
Царь ждать не может!

Годунов.

Не чинися, князь.

Шуйский поспешно уходит. Годунов остается с Битяговским и пристально смотрит на него. Битяговский смущается и отворачивается.

Ты дворянин Михайло Битяговский?

Битяговский.

Да, дворянин. *(Хочет уйти.)*

Годунов.

Ни с места! Стой и слушай.

Ты разорился в карты. На правож
Тебя хотят поставить – дело плохо, —
Но может выйти хуже для тебя.
Ты грамоту писал в литовский стан
И предлагал Замойскому услуги.

Битяговский.

Нет, это ложь! Меня оклеветали!

Годунов.

Я грамоту твою перехватил —
И вот она от слова и до слова!
(Вынимает из кармана грамоту.)

Битяговский нагибается и сует руку за го-
ленище.

Ты лезешь за ножом? Не беспокойся!
Твоя бумага за семью замками,

А это только список. Слушай, друг:
С тобой вчера князь Шуйский сторговался,
Чтоб на меня поднять народ. Сегодня
С двумя Нагими, с Бельским и Мстислав-
ским

Об этом вместе толковали вы.
Мне стоит захотеть – и через час
Твое клевать вороны будут мясо!

Битяговский.

Боярин... я... я не хотел...

Годунов.

Молчи!

Теперь ты должен притвориться, будто
Ты служишь Шуйскому. Ступай шататься
По площадям, по рынкам, по базарам,
Но распускай молву, что Шуйский с Бель-
ским

Хотят царя отравой извести;
Что погубить и Федора решили
И Дмитрия царевичей; что если б
Не Годунов – они бы царский корень
Уж извели; что Годунов один
Блюдет царя и охраняет царство.

Ты понял?

Битяговский.

Понял.

Годунов.

Приходи сегодня

Ко мне, в мой дом, по заднему крыльцу,

Когда стемнеет. Там тебя дворецкий

Проводит дальше. Каждый вечер ты

Ко мне являться будешь. Все, что Шуйский,

Иль Бельский, иль другой тебе прикажут,

Ты будешь мне передавать. И помни:

Где б ни был ты, я за тобой слежу —

Не захоти и думать о побеге.

Различье ж, знай, меж мной и Шуйским

то,

Что правезом тебя стращает Шуйский,

А я тебе грожу такую казнью,

Какой бы не придумал и Малюта

Скуратов-Бельский, мой покойный тесть!

(Уходит.)

Битяговский остается в оцепенении.

Действие третье

Покои Царицы Марии Федоровны

Царица и мамка царевича Димитрия.

Царица.

Что ж, мамка? Уложила ты его?

Заснул ли он, голубчик мой, царевич?

Мамка.

Заснул, царица-матушка, заснул!

Уж любовалась, на него я глядя:

Лежит смирнехонько, закрывши глазки

И этак ручки сжамши в кулачки.

Вишь, бегая, мой светик уморился;

Такой живой! Не в старшего он братца,

Не в Федора Иваныча пойдет!

Тот тих и смирен, словно не царевич,

Не то что братец был Иван Иваныч!

Тот, Царствие Небесное ему,

На батюшку похож был. Ох-ох-ох!

Подумаешь, как кончился-то он!

Ах, грех какой! Не верится доселе!

Царица.

Не будем говорить про это, мамка.
Не присылал ли государь сказать,
Что он придет? Не присылал ли он
Кого спросить, здоров ли мой царевич?

Мамка.

Нет, матушка, не присылал.

Царица.

Бывало,
Он каждый день наведывался сам!

Мамка.

Нет, матушка, не присылал. А вот
Когда мы давеча гулять ходили,
К нам подходил боярин Годунов,
Брал на руки царевича, ласкал
И любовался им.

Царица.

И ты дала
Ему ласкать царевича? Никто
Его ласкать не должен. Слышишь, мамка?

Мамка.

Так, матушка. Боярин Годунов
Мне тоже говорил: смотри, мол, мамка,
Блюда царевича! Ты, говорит,
За каждый волосочек, мол, его
Пред Богом и землею отвечаешь!

Царица.

Послушай, мамка, этак не годится
Болтать со всяким. Никому вперед
Ты не давай с ребенком говорить!

Мамка.

Так как же, матушка? А вот Никита
Романович к нам подходил намеренно —
И с этим, значит, говорить нельзя?

Царица.

Нет, с этим можно! Этому я верю,
Он все равно мне что родной отец!

Входит сенная девушка.

Девушка.

Царица! Может ли к тебе Никита
Романович взойти, Захарьин-Юрьев?

Царица.

Он здесь? Проси, проси его скорей!

Входит Захарьин.

Захарьин.

Царица Марья Федоровна, здравствуй!
Как можешь?

Царица (идет к нему на встречу).

Здравствуй, дядюшка Никита
Романович! Тебя сам Бог прислал!
Мне говорить с тобою надо! Мамка,
Ступай себе к царевичу, оставь нас.
Мамка уходит.

Мне надо говорить с тобой, Никита
Романович! Садись, сюда, поближе:
Не знаю, что со мною, право, случилось;
Все эти дни так тяжело на сердце,
Как будто чувствуется беда! Скажи,
Ты ничего не слышал? Что случилось?
Что царь задумал?

Захарьин.

Матушка-царица,
Ведь я пришел тебя предостеречь!
И сам уже не знаю, что с ним делать?
Беда, и только! Словно дикий конь,
Внезапно закусивший удила,
Иль ярый тур, все ломящий с разбега,
Так он не знает удержу теперь.
Подобная реке, его гордыня
Из берегов уж выступила вон
И топит все кругом себя!

Царица.

Скажи,
Что он задумал?

Захарьин.

Бог ему судья!

Царица.

О чем-то страшном шепчут во дворце —
Он с английским послом наедине
О чем-то долго толковал, — я знаю —
Я догадалась — он жениться хочет
На чужеземке, а меня он бросить
Сбирается с Димитрием моим!

Захарьин.

Будь, дитяtko, готова ко всему!

Царица.

Недаром сердце у меня щемило!

Захарьин.

Царица, он хотел сегодня утром
Быть сам к тебе. Не покажи и вида,
Что я с тобой об этом говорил.
Я буду здесь. Ты ж выслушай его
С покорностью и, что б он ни сказал,
Не возражай ни слова – будь нема!
Единый звук, единый вздох, движенье
Единое твое – и ты пропала!
Дай буре прошуметь. Еще, быть может,
Смягчится он покорностью твоею;
А если нет – я на свою главу
Приму удар, скажу ему открыто,
Что он бессовестно чинит!

Царица.

Боярин,
Спаси меня! Не за себя мне страшно!

Я хлопочу не о себе, ты знаешь!
Когда меня Иван Васильич взял,
Не радовалась я высокой чести;
И если бы со мной, тому три года,
Он развелся, я Бога бы за то
Благодарила – но теперь, боярин,
Я не одна! Теперь я стала мать!
И если он жену возьмет другую —
Ребенок мой – мне страшно и подумать —
Мой маленький Димитрий – о боярин!
Сама не знаю, что я говорю,
Чего боюсь, не ведаю – но смутно
Мне чуется для Дмитрия опасность!
Усовестит, уговори царя!
Тебя он чтит! Пусть он с тобою прежде
Обсудит дело!

Захарьин.

Дитятко-царица!
Кого он чтит! Я, правда, перед ним
Еще ни разу не кривил душою,
Но сам не знаю, как я уцелел!
Лишь одного на свете человека
Порою слушается он: дай Бог
Здоровья Годунову! Он один

Еще его удерживать умеет!

Царица.

О дядюшка! Не верь ты Годунову!
Нет, он не тот! Его смиренный вид,
Его всегда степенные приемы,
И этот взгляд, ничем не возмутимый,
И этот голос, одинако ровный,
Меня страшат не даром! Не могу я
Смотреть, когда ребенка моего
Ласкает он!

Захарьин.

Что ты, царица, что ты?
Помилуй! Годунов-то?
Вбегает девушка, запыхавшись.

Девушка.

Царь идет!
Сейчас здесь будет!

Царица (с испугом).

Дядюшка! Мне страшно!
Я не могу...

Захарьин.

Оправься поскорей,
Чтоб не заметил он чего! Отри
Скорей глаза!

Царица.

Ох, сердце замирает!

Захарьин.

Уйди ж на миг! Принарядись, а я
Приму его!

Царица уходит. Иоанн входит в сопровождении Годунова.

Иоанн (к Захарьину).

Что делаешь ты здесь?

Захарьин.

Царицы дожидаюсь, государь.

Иоанн.

Какое дело у тебя с царицей?

Захарьин.

Наведаться зашел к ней.

Иоанн.

Где ж она?

Захарьин.

Услыша голос твой, она пошла
Для милости твоей принарядиться.

Иоанн.

Могла и так остаться. От нарядов
Пригожее не будет!
(К Годунову, садясь.)

Продолжай!

Ты говоришь, что виделся с послами?

Годунов.

С обоими, великий государь.

Иоанн.

Ну, что ж?

Годунов.

Посол Елисаветин, Баус,
Стоит на том, что выдать за тебя
Племянницу, Хастинскую княжну,

Согласна королева; но о том-де
Он подписать не властен уговора,
Пока с царицей всенародно ты
Не разведешься; да еще прибавил,
Чтоб на Руси ты запретил торговлю
Всем иноземцам всяких государств,
Опричь одних лишь английских гостей;
На этом, говорит он, королева
Нам обещает дружбу и союз
И цесаря немецкого упросит,
Чтобы на Польшу двинул он полки.

Иоанн.

Благодарю сестру Елисавету,
Что нашей дружбой и худым родством
Не брезгает она! Но обойтись
Без милостей ее теперь мы можем
И цесаря не просим нам помочь.
Уже мы сами скоро за рубеж
Переведем полки. А что узнал ты
От польского посла? Какие земли
Сосед Степан за мир нам обещает?

Годунов.

Мы за вином, великий государь,

Сидели с ним до самого рассвета.
Гара́бурда хоть не природный лях,
А пить здоров и говорить охотник;
Но выведать я у него не мог,
С чем он приехал. Одному тебе
Открыться хочет он.

Иоанн.

Заране, видно,
Хвалиться нечем!

Годунов.

Утром прискакал
К нему гонец от короля. Напрасно
В глазах посла старался угадать я
Письма значенье. На лице его
Не двинулася ни одна черта;
Усталый же гонец, как выпил чару,
Так и упал на землю и заснул.

Иоанн.

Я чай, не спал во всю дорогу! Видно,
Крутенюко им пришлось и невтерпеж!

Годунов.

Когда бы только...

Иоанн.

Что?

Годунов.

Когда бы он

Для нас недоброй вести не привез!

Иоанн.

Недобрых я вестей не получал;

Чего ж не знаю я – того и нет!

Годунов.

Будь осторожен, государь!

Иоанн.

Бориско!

Уж не опять ли ты советы мне

Давать изволишь? Струсил, говорю я,

Сосед Степан и новые уступки

Прислал в наказ Гарáбурде! Гей! Марья!

(Стучит ó пол посохом.)

Ты долго ль там укручиваться будешь?

Входит царица, в большом наряде, и, поклонившись Иоанну, останавливается перед ним молча.

(Смотрит на нее пристально.)

Зачем твои заплаканы глаза?

Царица молчит, потупя взор.

Ты слышишь ли? Что случилось с тобою?

Царица.

Мой господин, прости меня... я...

Иоанн.

Ну?

Царица.

Я видела недобрый сон.

Иоанн.

Какой?

Царица.

Мне снилось, государь... мне снилось, что...
Я разлучаюсь с тобой!

Иоанн.

Сон в руку,
Ты неудобна мне. Я объявить
Тебе пришел, что ты отныне боле
Мне не жена.

Царица.

Так это правда? Правда?
Меня с Димитрием ты бросить хочешь?
С Димитрием моим? Ты хочешь...

Иоанн.

Тише!
Я бабьих слез и криков не люблю!

Царица.

Нет, господин мой, – я не плачу – нет —
Ты видишь, я не плачу – но скажи,
Как развестись со мною хочешь ты?
Что скажешь ты святителям? Какую

На мне вину найдешь ты?

Иоанн.

Это что?

Ты, кажется, меня к допросу ставишь?

Кто ты? Какого ты владыки дочь?

Кому ответ держать мне о тебе?

Иль ты других пригожее и краше,

Чтоб мне тебя, как клад какой, беречь?

Иль я уж в доме у себя не властен?

Иль ты царица по себе?

Царица.

Прости,

Мой господин! Прости! Я не ропщу —

Я не молю о милости – на все

Готова я – но бедный мой Димитрий

Чем виноват?

Иоанн.

О нем не хлопочи.

Мой сын в удел получит город Углич.

Вины твоей не нужно мне. Тебя

Постричь велю я – вот и весь развод.

Святителей же, слава Богу, я

Не приучил в мой обиход вступаться
И требовать отчета от меня!

Захарьин.

Царь-государь! Дозволь мне слово мол-
вить!

Иоанн.

Старик, я вижу, что сказать ты хочешь!
Что б я ни сделал, все не по тебе!
Я знаю вас!

Захарьин.

Великий государь...

Иоанн.

Я знаю вас! Вы рады бы мне руки
Опять связать, как при попе Сильвестре
Да при Адашеве! Ты был им друг!
Когда на них опалу положил я,
Каких уж бед ты не пророчил мне!
Тебя послушать – царство распадалось!
И что ж? С тех пор минуло двадцать лет —
Где твой Адашев? Где Сильвестер твой?
А мы меж тем благословеньем Божьим

Не уменьшили наших государств!
Без ваших наставлений, помаленьку,
Таки живем себе умишком нашим,
И руководства твоего, старик,
Не просим мы!

Захарьин.

Великий государь!

Что мы мечом завоевали, то

Мечом же можно и отнять у нас.

Всё в Божьей воле, государь; но Бог

Лишь добрые дела благословляет,

Ты ж, государь, недоброе затеял!

Твоя царица пред тобой чиста,

Чиста как день! Грешно тебе царицу

Хотеть менять на новую жену!

Чем с Англией искать тебе союза,

Взгляни на Русь! Каков ее удел?

Ты, государь, – скажу тебе открыто —

Ты, в юных днях испуганный крамолой,

Всю жизнь свою боялся мнимых смут

И подавил измученную землю.

Ты сокрушил в ней все, что было сильно,

Ты в ней попрали все, что имело разум,

Ты бессловесных сделал из людей —

И сам теперь, как дуб во чистом поле,
Стоишь один, и ни на что не можешь
Ты опереться. Если – Бог избави —
Тебя оставит счастье твое,
Ты пред несчастьем будешь наг и беден.
Несчастье ж недалеко, государь!
Не радуйся победе над Батуром —
Есть на Руси другие тесноты!
Орда и швед грозят нам, а внутри
Неправосудье, неустройство, голод!
Их английским союзом не избыть!
Я стар, великий государь, и близок
Уже ко гробу. Незачем мне даром
Тебе перечить! Да и сам-то ты
Уж нѐмолод, великий государь.
В твои лета о новом браке думать
Грешно, да и негоже. Бога б ты
Благодарил за добрую царицу,
А не искал себе другой!

Иоанн.

Микита!

Я дал тебе домолвить до конца.

Ко гробу ближе ты, чем мыслишь. Мне
Наскучило тебя щадить. Легко б я

Мог отвечать на болтовню твою,
Но мой ответ: я так хочу! Довольно!
Ни слова боле! Время нам принять
Батунова посла. Ступай за мной.
(К царице.)

Ты ж будь готова в монастырь идти!
(Уходит с Захарьиным.)

Престольная палата

Весь двор, в богатом убранстве, входит и размещается вдоль стен. У дверей и вокруг престола становятся рынды с топорами на плечах. Трубы и колокола возвещают приход Иоанна. Он входит из внутренних покоев вместе с Захарьиным.

Иоанн (к Захарьину).

Впустить посла! Но почестей ему
Не надо никаких. Я баловать
Уже Батура боле не намерен!

Захарьин уходит. Иоанн садится на престол. Через приемную дверь входит Гарáбурда и с низким поклоном останавливается перед Иоанном.

(Меря его глазами)

Не в первый раз тебя я вижу, пан

Гара́бурда, перед моим престолом.
По смерти Жигимонта-короля
Ты с поручением ко мне от сейма
Был прислан?

Гарабурда.
Так, великий государь.

Иоанн.
Мне помнится, что польские паны
Корону предлагали мне?

Гарабурда.
Так есть.

Иоанн.
Но учиниться вашим королем,
Не сделав власть мою наследной властью,
За благо мне не рассудилось. Вы же
Условия не изволили принять.

Гарабурда.
Великий царь, не можно было нам
Республики нарушить привилегий:
У нас закон, чтоб всякий раз король

От сейма выбран был.

Иоанн.

Хорош закон!

Достойного он в Генрике владыку
Доставил вам!

Гарабурда.

А бес его возьми!

То был совсем дрянной король! Когда
От нас утек он, мы рукой махнули
И выбрали другого.

Иоанн.

Да! Батура,

Того, который дань платил султану,
Когда был князем Седмиградским. Ну,
Чего он хочет? С чем тебя прислал он?

Гарабурда.

Пресветлый мой великий господин,
Король на Польше, Седмиградский князь,
Великий князь Литовский...

Иоанн.

Погоди-ка!

Ты православной веры? Мне сказали,
Что ты ходил к обедне в наш собор?

Гарабурда.

Так, государь.

Иоанн.

Зачем же господином
Схисматика латинского зовешь ты?

Гарабурда.

А потому, великий царь, что он
Все вольности Украины утвердил,
Святую церковь нашу чтит и нам
Ксендзѳв проклятых дал повыгонять.

Иоанн.

Все веры для него равны, я слышал;
И басурманов также он честит.
Ну, говори, какое челобитье
Он нам прислал? О чем просить изволит
Сосед Степан?

Гарабурда.

Он просит наперед,
Чтоб ты, пан царь, не звал его соседом,
А воздавал и письменно и устно
Ему ту честь, названия, и титул,
И почести, которые его
Пресветлому довлеют маестату!

Иоанн.

Ах он шутник! Теперь? В тот самый час,
Когда домой бежал он из-под Пскова?
Недурно! Дальше!

Гарабурда.

Дале от тебя
Он требует, чтоб из земли Ливонской
Немедля вывел ты свои полки
И навсегда б короне польской отдал
Смоленск и Полоцк, Новгород и Псков.

Ропот в собрании.

На этом мир с тобою заключить
Согласен он.

Иоанн.

Посол! ты много ль выпил
Ковшей вина? Как смел ты предо мною
Явиться пьяный?

(К стольникам.)

Кто из вас дерзнул
Нетрезвого впустить в мои палаты?

Гарабурда.

Коли же милости твоей, пан царь,
Условия такие не смакуют,

Король Степан велит тебе сказать:

«Чем даром лить нам кровь народов на-
ших,

Воссядем на коней и друг со другом
Смертельный бой на саблях учиним,
Как рыцарям прилично благородным!»

И с тем король тебе перчатку шлет.

(Бросает перед Иоанном железную перчатку.)

Иоанн.

Из вас обоих кто сошел с ума?

Ты иль король? К чему перчатка эта?

Не для того ль, чтоб ею мне тебя
Бить по лицу? Да ты забыл, собака,
Что пред тобой не избранный король?
Помазанника Божья смеешь ты
На поле звать? Я поле дам тебе!
Зашитого тебя в медвежью шкуру
Велю я в поле псами затравить!

Гарабурда.

Ни, этого, пан царь, не можно.

Иоанн.

Что?

Да он не шутит ли со мной? Бояре,
Ужель забавным я кажусь?

Гарабурда.

Ни, ни!

Посла никак зашить не можно в шкуру.

Иоанн.

Вон с глаз моих! Плетьми его отсюда!
Плетьми прогнать обратно к королю!
Вон из палаты! Вон, собака! Вон!

(Хватает у рынды топор и бросает в Гара-

бурду.)

Гарабурда (отклоняя удар).

Поторопился ж ты, пан царь. Ты, видно,
И не слышал еще того, пан царь,
Что из Варшавы прибыл с новым войском
Король Степан? Что на границе он
Уж в пух и прах разбил твои полки?
Ты, видно, не слышал, что швед уже
Нарову взял и вместе с королем
Готовится на Новгород идти?
Дрянные ж воеводы у тебя,
Что не дали и знать тебе об этом!

Иоанн (вставая с престола).

Ты лжешь, злодей!

Гарабурда.

А, ей-же-богу, так.

Зачем мне лгать? Нет, лгать нехорошо.
Коли ж, пан царь, ты выехать не хочешь
На честный бой с пресветлым королем,
К тебе король, пожалуй, на Москву
Приедет сам. Теперь же будь здоров!
(Уходит.)

Общее смятение.

Годунов (вбегая).

Великий государь! Что сделал ты?
Ты оскорбил Батунова посла?

Иоанн.

Он лжет как пес!

Годунов.

Нет, государь! Все правда!
Сейчас гонцы от войска прискакали —
Я видел их — Нарову взяли шведы —
Полки разбиты наши!

Иоанн.

Лгут гонцы!

Повесить их! Смерть всякому, кто скажет,
Что я разбит! Не могут быть разбиты
Мои полки! Весть о *моей* победе
Должна прийти! И ныне же молебны
Победные служить по всем церквам!

*(Падают в изнеможении в престольные
кресла.)*

Действие четвертое

Площадь в Замоскворечье

Площадь наполнена возами. В стороне хлебные лабазы. За рекой виден Кремль. Вечереет. Толпа народа волнуется перед лабазом.

Лабазник.

Ступайте прочь! Чего наперли снова!
Ведь сказана цена вам: семь алтын
За полчетверки!

Один из народа.

Батюшка, помилуй!
Скинь хоть алтын!

Другой.

Четыре дня не ели!

Третий.

Побойся Бога!

Четвертый.

Смилуйся, родимый!

Отсыпь хоть в долг! О Пасхе заплачу —
Вот те Христос!

Лабазник.

Проваливай! «О Пасхе!»

Вишь, в долг давай хозяйское добро!

Прочь, говорю вам!

(Дерется.)

Первый.

Что ж ты, людоед?

Околевать нам, что ли?

Второй.

Лучше прямо

Ножом зарежь!

Третий.

Разбойник! Душегубец!

Четвертый.

Жидовская душа! Ты разве сам

Свой съешь запас? Сам, что ли?

Лабазник.

Караул!
Лабаз мой разбивают!

Подходят два пристава.

Первый пристав.

Что за шум?
Кто тут буянит?

Лабазник.

Помогите! Бунт!
Ломают дверь!

Один из народа.

Вступитесь, государи!

Другой.

Велите цену сбавить, государи!

Третий.

Не дайте с голодухи помереть!

Лабазник.

Они меня сбিরались грабить!

Первый.

Врет!

Он сам дерется! Чуть не изувечил!

Первый пристав (к лабазнику).

Как смеешь ты народ увечить? А?

Второй пристав.

В приказ его! К допросу!

Лабазник.

Государь!

Помилуйте! за что меня в приказ?

Хозяйское отстаивал добро!

(Сует им деньги.)

Первый пристав.

Ну, разве так!

Второй пристав.

Что ж сразу не сказал!

Первый пристав (к народу).

Прочь, вы, разбойники! Вот я вас! Прочь!

Второй пристав.

В застенки их! В приказ! К допросу!

Народ отступает.

То-то!

Оба пристава идут далее.

Лабазник (смотрит им в след).

Христопродавцы! Ишь! Пошли по рынку

Выглядывать, с кого б еще содрать!

Один из народа.

И поделом тебе!

Другой.

С своим запасом

Чтоб лопнул ты!

Третий.

Мы с голодухи мрем,

А он сидит, как крыса в закромах,

Да дуется!

Лабазник отходит.

Четвертый.

А приставам пожива!

Первый.

Порядок, вишь, приставлены блюсти!

Четвертый.

Ну, уж порядок! Пусть бы царь узнал!

Первый.

За взятки царь таки казнил их прежде!

Я видел сам; раз девять человек

Висело рядом, а на шею им

Повешены их по́сулы все были!

Второй.

Да, царь в обиду не давал народ!

Бывало, сам выходит на крыльцо,

От всякого примаёт челобитье

И рядит суд; а суд его недолог:

Обидчик будь хоть князь иль воевода,

А уличен – так голову долой!

Подходит Кикин, переодетый в странника,
в черном подряснике, с палкою и четками в
руках.

Кикин.

Так прежде было, сыне, прежде было!
Теперь не то! Теперь, грех наших ради,
Враг помрачил царёвы очи. Ныне
Уже не царь, а Годунов всем правит,
Очами Годунова смотрит царь!
Народ столпляется вокруг Кикина.
Вы слышали, что говорил лабазник?
Хозяйское, мол, не свое добро!
А кто хозяин? Тот же Годунов!
Кто цены набивает? Годунов же!
Легко сказать! Четырнадцать алтын
Четверка ржи! Кабы не Годунов,
Она всего пошла бы два алтына!

Ропот в народе.

Ох, прогневили Господа мы, братья!
Нам мука поделом! Глядим на грех,
Сложимши руки, а еретик тот
Меж тем царя обходит да обходит!

Ропот усиливается.

Господь недаром знаменье явил:
Кровавую хвостатую звезду!

Чай, видели ее вы?

Один из народа.

Как не видеть!

Другой.

Котору ночь она восходит там,

Над тою башней!

Третий.

Вот она сейчас

Взойдет опять, лишь небо потемнеет!

Кикин.

Великий гнев Господь являет ею!

То огненный подъят над нами меч

За то, что мы царя, а с ним всю землю

Еретику в обиду злому дали!

Первый.

Отколе же то ведомо тебе?

Кикин.

Скитаюсь, сыне, по святым местам;

Был в Соловках и на горе Афонской,

В Ерусалиме был, всего наслышан,
Моря исплавал, земли исходил,
Тит-рыбу видел, птицу Евстрафиль
И Алатырь, горючий белый камень!
Теперь иду от Киева; там чудо
Великое свершилось; со креста
Софийского был слышан велий глас:
Пророчил гибель русскому народу
За то, что терпит Годунова!

Первый.

Братцы!

Вы слышите, что странник говорит!

Кикин.

И глас вещал: восстаньте, христиане!

На Годунова чресла опояшьте,

Бо от него все беды на Руси!

Второй.

Слышь, замечай! Все зло от Годунова!

Кикин.

Так, сыне, так! Все зло от Годунова!

Он держит хлеб, он язвы насылает,

Он короля призвал на Русь, он хана
Поднять хвалился на Москву!

Третий.

А, братцы?

Что ж, в самом деле? Если вправду он
Всеми виной – мы порешим его!

Четвертый.

Да вправду ль так?

Кикин.

Воистину и вправду!

Грех, сыне, нам не верить в Божий глас!

Пятый.

Ты сам ли слышал, отче странник?

Кикин.

Сам!

Как раз когда народ валил из церкви

От всеобщей. Софийский крест в огне

Явился весь, и глас с него раздался.

Не я один, весь киевский народ

Ему внимал, и ниц все пали в страхе!

Третий.

Ребята! Что ж? Когда весь Киев-город
Тот слышал глас, так, стало быть, уж прав-
да!

Говор в народе.

Вестимо, правда! Значит, Годунов
Изменник! Да! Изменник и колдун!
Он, стало, Божий гнев на нас накликать!
Антихрист он!

Один из народа.

Эй, что вы, братцы? Полно!
Грех вам его порочить!

Другой.

Вправду грех!
Опричь добра, о Годунове, братцы,
Мы не слышали ничего!

Крики в народе.

Вороны!
Что слушать их! Они за колдуна!
Крепки ли ребра? Бей того, кто будет

За вора говорить! Он хлеб наш держит!
Антихрист он! Всех наших бед заводчик!
Так порешим его! Чего тут ждать!
Слышен голос Битяговского, поющего уда-
лую песню.

Битяговский (поет за сценой).

«Ух ты, пьяница-пропойца, скажи,
Что несешь ты под полою, покажи?»

Первый.

Кто там горланит? Что он, на́ смех, что ли,
В такую пору песню затянул?

**Битяговский (является, шапка набе-
крень, кафтан нараспашку).**

«Из корчмы иду я, братцы, удалой,
А несу себе я гусли под полой!»

Кикин (к Битяговскому).

Великий грех в такую пору, чадо,
Когда на нас прогневался Господь,
Когда являет знаменья на небе,
На землю ж глад и скорби посылает,
Великий грех нам суете служить,

Веселию мирскому предаваться
И суесловием и песнопеньем
Диавола во аде потешать.

Битяговский.

Красно, товарищ, сказано! Жаль только,
Что невпопад! Когда ж и веселиться,
Коль не теперь? Аль не слышали, братцы,
Какую милость нам Господь явил?

Говор.

Какую? Говори! Какую милость?

Битяговский.

А вот, ребята, слушайте! Бояре
Князь Шуйский с Бельским – накажи их
Бог! —

Задумали – чтоб им на том свету
В смоле кипеть! – задумали царя
Отравой извести!

Говор.

Слышь, слышь, ребята!

Кикин делает знаки Битяговскому.

Битяговский (не обращая на него внимания).

Господь греху не попустил свершиться!
Проведал их злодейство Годунов
Да тот пирог, что для царя спекли,
Собаке бросил. Та его как съела —
Так и издохла!

Народ.

Ах они злодеи!
Ах окаянные! Да кто, сказал ты,
Кто спас царя? Кто бросил псу пирог?

Битяговский.

Вестимо кто! Боярин Годунов!
Кому ж другому? Он и днем и ночью
Блюдет царя! А без него давно
Проклятый Бельский с Шуйским извели
бы
Весь царский корень!

Один из народа (к Кикину).

Что ж ты говорил,
Что Годунов изменник!

Кикин.

Да, изменник!

Иль даром нам Господь из-за него

И знаменья и голод посылает?

(Тихо к Битяговскому.)

С ума ты, что ль, сошел аль пьян напился?

Второй (к Кикину).

Какой же он изменник, коль царя

От смерти спас он?

Третий (к Битяговскому).

Полно, так ли, брат?

Вот странник слышал сам, как обличал

С креста глас Божий Годунова!

Битяговский.

Странник?

Какой? Вон этот, что ли? Ха-ха-ха!

Хорош он странник! Он Прокофий Кикин,

Рязанский дворянин! Мы с ним частенько

По кружалам таскались! Из Рязани

Он дале не ходил, как до Москвы!

(Ударяет Кикина по плечу.)

Прокофий Силыч, ты кого морочишь?

Вишь, нарядился Лазарем каким!

Кикин (тихо к Битяговскому).

Рехнулся ты?

Битяговский (тихо к Кикину).

Ты за кого стоишь?

Кикин (тихо к Битяговскому).

Как за кого? За Бельского! Ведь Бельский

Нас торговал!

Битяговский (презрительно).

Пораньше было встать!

Кикин.

Так вот ты как, Иуда? Погоди-ка:

Я Бельскому скажу!

Битяговский.

Небось не скажешь!

Вязать его, ребята! Шуйский с Бельским

Его к нам подослали!

Кикин.

Нет, неправда!

Его вяжите! Он от Годунова

Сюда подослан!

Народ.

Кто их разберет!

Один из двух морочит нас! – Ребята!

Что долго думать! Вздернем их обоих! —

Зачем обоих! – Будет одного! —

Которого? – А первого! – Второго! —

Нет, первого!

Слышен звон бубен. Григорий Годунов показывается верхом, с двумя бирючами. За ними валит новая толпа.

Постой, ребята! Тише!

Боярин едет с бирючами! – Смирно!

Он говорить к нам хочет! Тише! – Слушать!

Он говорит!

Григорий Годунов (говорит с коня).

Зареченские люди

Московских черных сотен и слобод!

Слуга царев, его боярин ближний,
Борис Феодорович Годунов,
Шлет вам поклон. Скорбя о вашей доле
И ведая все ваши тесноты,
Поветрие и ржи дороговизну,
Он хлебные запасы, на Москве
Какие есть, из собственной казны
Скупает все и завтра приказал
Раздать их вам безденежно, а вас
Молиться просит о его здоровье!

Народ.

Отец он наш! – Дай Бог ему здоровья! —
Кормилец наш! – Слышь, Годунов нам да-
ром
Хлеб раздает! – Спаси его Господь! —
Воздай ему сторицей! – Да живет
Боярин Годунов! – А кто сказал,
Что он нам враг? – Кто подымал нас, брат-
цы,
На Годунова? – Где он, вор-собака?
Да мы его на ключья разнесем!
Кикин хочет бежать, народ бросается на
него с криком.
Бей, бей его! Лови!

Битяговский (заложа руки за пояс).

Что, дурень, взял?

Вперед смотри, откуда ветер дует!

Внутренние покои царя

Ночь. Царица Мария Федоровна, царевна Ирина Федоровна и Мария Григорьевна Годунова глядят в окно. На звездном небе вырезаются башни Кремля и церковные главы. Между церквями Благовещения и Ивана Великого видна комета.

Мария Годунова (к Ирине).

Золушка, смотри, как далеко

Звезда свой хвост раскинула! Как раз

Над городом полнеба охватила!

Ирина.

Она как будто ярче с каждой ночью

И больше все становится!

Входит царевич Федор Иоаннович.

Федор (дергая Ирину за рукав).

Оставь,

Аринушка! Довольно; отойди;

Глядеть на это долго не годится;
Оно ведь не к добру!

Царица (к Федору).

Где государь?

Ужели все на знамение смотрит?

Федор.

Да, матушка. Стоит все на крыльце
И смотрит на звезду. Мне с ним хотелось
Заговорить, но страшно было. Он
Все молча смотрит, а кругом бояре
Очей поднять не смеют на него.

Царица (задумчиво).

Уже который вечер ходит он

Все на звезду смотреть!

Ирина.

И каждый раз

Все пасмурней приходит и ни слова

Не вымолвит!

Федор.

Нерадостные вести

Его тревожат.

Ирина.

Правда ли, что хан
Уж подошел к Оке?

Федор.

Борис сказал,
Что точно правда. Страшно и подумать!
Я вот хотел бы к Троице пешком
Отправиться, молебен отслужить,
Да как спросить у батюшки, не знаю.

Ирина.

Ах, господи! беда со всех сторон!
Уж не затем ли и звезда явилась?

Мария Годунова.

Бог весть! Недавно привезли сюда
Волхвов и ворожей, которых царь
Собрать велел, чтобы они ему
Поведали, зачем она явилась.

Царица.

Волхвов? Помилуй Бог! Царь видел их?

Федор.

Нет, матушка; но говорил Борис,
Что уж они гадали всем собором
И батюшке сегодня принести
Должны ответ.

Ирина.

Он, говорят, послал
За схимником каким-то?

Федор.

Да, Арина;
Я от Бориса слышал, что послал.
То муж святой. Уж тридцать с лишком лет
Затворником живет он. У него
Царь-батюшка спросить совета хочет.

Царица.

Дай Бог, чтоб схимник дал ему совет!

Ирина.

Дай Господи! Зачем бы государю
Сбирать волхвов и на́ душу брать грех!

Федор (озираясь).

Арина, тс! В сенях шаги как будто
Я батюшкины слышу!

Стольник (поспешно отворяет дверь и говорит шепотом).

Царь идет!

Иоанн входит, опираясь одною рукою на посох, другою на плечо Бориса Годунова. За ним бояре.

Иоанн (к Федору и женщинам).

Ступайте все сюда! – Все подойдите
И слушайте!

(Садится.)

Я знамение понял!

Волхвы, которых я собрать велел,
Мне нового не скажут – сам я понял!

Молчание. Федор тихонько подталкивает
Ирину.

Ирина (боязливо к Иоанну).

Царь-батюшка... дозвошь тебя спросить,
Что́ понял ты?

Иоанн.

Вы видите звезду?

Она мне смерть явилась возвестить!

Федор (бросаясь на колени).

Помилуй, батюшка! Помилуй, что ты!

Иоанн.

Встань и не хнычь. Еще успеешь хныкать.

Сперва принять ты должен государство.

Встань, говорю тебе!

Женщины поднимают вопль.

Молчите, бабы!

Успеете! Позвать ко мне врача!

Царица Марья, – я с тобой намедни

Негоже говорил – забудь о том.

Сын Федор, – ты в тяжелый, трудный час

Восходишь на престол – ты думал ли,

Что будешь делать, как меня не станет?

Федор.

Царь-батюшка! Когда ты нас покинешь,

Не знаю, как и быть!

Иоанн.

Ты должен знать!

Ты скоро царь. Не век на колокольне
Тебе звонить. Ты продолжать ли будешь
Войну иль мир с Батуром учинишь?

Федор.

Как, батюшка, прикажешь!

Иоанн.

По грехам

Мне наказанье послано от Бога!

Иван, Иван! Мой старший сын Иван!

Ты мне не так бы отвечал! – Врача!

Входит врач Якоби.

А, вот ты! Что? К чему мне послужила

Твоя наука? Умереть я должен!

Скажи, когда умру я? Говори!

Я знать хочу!

Якоби (пощупав пульс).

Великий царь, ты болен,

Но умирать тебе причины нет!

Иоанн.

Неправда! я умру – я знаю верно!

Кровавая звезда – я разве слеп?
Я понял все!

Якоби.

Когда своим ты мненьем,
Великий царь, себе не повредишь,
Ты будешь здрав. Тебе я головою
Готов за это отвечать.

Иоанн.

Ты лжешь!
Тебя бояре подкупили; Курбский
И все мои злодеи подкупили,
Чтоб умер я без покаянья. А?
Кто подкупил тебя?

Якоби.

Великий царь,
Твой мозг от долгих бдений раздражен,
И кровь твоя воспалена. Дозволь
Тебе напиток на́ ночь приготовить;
Он освежит тебя.

Иоанн.

Я не умру

Без покаянья! Слышишь? Я успею

Покаяться!

(К боярам.)

Успею – вам назло!

Позвать волхвов! От них узнаю я,

Когда мой час придет. А до того

Я царь еще! Я наказать сумею

Того из вас, кто хочет, чтоб я умер,

Как пес, без покаянья!

Входят два волхва.

Вот они.

Зачем вас только двое? Где другие?

Первый волхв.

Все вместе, царь, мы в Рафлях и в Зодее

Три дня читали. Ныне наш собор

Нас двух к тебе с ответом присылает.

Иоанн.

Ну – что же?

Второй волхв.

Царь, нам страшно говорить!

Иоанн.

Я знаю все. Мне смерть? Скажите прямо!

Первый волхв.

Так, государь.

Иоанн.

Когда?

Первый волхв.

В Кириллин день.

Второй волхв.

В Кириллин день – осьмнадцатого марта.

Иоанн (про себя).

Осьмнадцатого марта! Это скоро!

Я думал, позже – я не ждал так скоро!

(К волхвам.)

Откуда вы?

Первый волхв.

Я родом из карелов.

Второй волхв.

Я из Литвы.

Иоанн.

А кто вас научил
Кудесничать и звезды толковать?

Первый волхв.

Из рода в род к нам перешло от предков.

Иоанн.

Вы христиане?

Второй волхв.

Нас крестили, царь.

Иоанн.

Проклятые! Вы знаете ль, что наша
Святая церковь ворожбы не терпит?

Первый волхв.

По твоему лишь царскому указу
Гадали мы.

Иоанн.

По моему указу
Волхвов казнят! Зловещие уста

Я вам живым велю землей засыпать!

Второй волхв.

Мы не виновны, царь! Не наша власть
Из наших уст к тебе вещает.

Иоанн.

Чья же?

Первый волхв.

Не спрашивай.

Второй волхв.

Не спрашивай нас, царь, —
Ты знаешь сам.

Иоанн.

Нет! Бог свидетель мне,
От власти той я отрекаюсь! Вас же,
Богоотступников, я выдам церкви!
Сковать обоих и с другими вместе
Отвести в тюрьму!
Волхвов уводят.
Осьмнадцатого марта!
Немного дней осталось мне. Явиться

Перед Судьей пришла пора. Но я
Не дам моим врагам торжествовать
И с миром все мои покончу счеты!
(К Годунову.)

Борис! Сходи в опочивальню – там
На полнице лежит, под образами,
Начатый мной синодик. Принеси
Его сюда.

Годунов уходит. Иоанн продолжает, косясь
на бояр.

Ни одного из тех,
Которых я казнил за их измены,
Я не оставлю без поминовенья —
Ни одного! Последнему холопу
Назначу вклад за упокой! – Что, взяли?
Годунов возвращается с бумагою.
Поди сюда. Так. Это тот синодик.
Прочти мне вслух – возьми перо – и, если
Кого-нибудь еще припомню я,
Того ты впишешь!

Годунов (берет перо и читает).

«Упокой, Господь,
Твоих рабов: боярина Михайлу,
Окольничих Ивана и Петра,

Боярина Василия с женою,
Да их холопей тридцать человек.
Помилуй воеводу князь Григорья
С княгинею, с двумя их дочерьми
Да с малолетним сыном, а при них
Холопей их сто двадцать человек.
Боярина князь Якова с княгиней
Мариною, с княжной Елисаветой,
С княжатами, с Никитой и с Иваном,
Да их холопей сорок человек.
Игуменов Корнилия, Васьяна,
Архиерея Леонида, с ними ж
Пятнадцать иноков...»

Иоанн.

Постой – пятнадцать?

Их было боле – двадцать напиши!

Годунов (пишет и продолжает).

«Помилуй, Господи, и упокой
Крестьян опальных сел и деревень
Боярина Морозова, числом
До тысячи двухсот! Трех нищих старцев,
Затравленных медведем. Девять женок,
Что привезли из Пскова. Всех сидельцев,

Которые сдались королю
И были им отпущены на волю,
Числом две тысячи... Новгородцев,
Утопленных и избитых,
Двенадцать тысяч, их же имена
Ты веши, Господи!..»

Иоанн.

Постой! – За дверью
Там кто-то говорит!

Бельский выходит и тотчас возвращается.

Бельский.

Дворецкий твой
Из Слободы приехал, государь.

Иоанн.

Об эту пору? Ночью? Что случилось?
Позвать его!

Входит дворецкий.

Зачем приехал ты?

Дворецкий.

Царь-государь! Гнев Божий нас постиг!
Вчерашнего утра в твой царский терем
Ударил гром и сжег его дотла!

Иоанн.

Теперь? Зимой?

Дворецкий.

Гнев Божий, государь!
В морозное, безоблачное утро
Нашла гроза. В твою опочивальню
Проникла с треском молонья – и разом
Дворец вспылал. Никто из старожилов
Того не помнит, чтоб когда зимою
Была гроза!

Иоанн (про себя).

Да! Это Божий гнев!
В покое том я сына умертвил —
Там он упал – меж дверью и окном —
Раз только вскрикнул, и упал – хотел
За полог ухватиться, но не мог —
И вдруг упал – и кровь его из раны
На полог брызнула...

(Вздвoгнув.)

Что это было?

Борис, – оставь, оставь теперь синодик —
Мы после кончим! Слышите? Что там
Скребет в подполье? Слышите? Еще!
Еще! Все ближе! Да воскреснет Бог!
Я царь еще! Мой срок еще не минул!
Я царь еще – покаяться я властен!
Ирина, Федор, Марья! Станьте здесь —
Друг подле друга. Ближе, так, бояре!
Все рядом станьте здесь передо мной —
Чего боитесь? Ближе! Я у всех,

(кланяется в землю)

У всех у вас прощенья прошу!

Бельский (тихо к Шуйскому).

Помилуй нас Господь!

Шуйский (тихо к Бельскому).

Остережемся —

Быть может, он испытывает нас!

Иоанн (стоя на коленях).

Вы, верные рабы мои и слуги!

Меж вами нет ни одного, кого б

Не оскорбил я делом или словом!

Простите ж мне! Ты, Бельский, – ты, Захарьин, —

Ты, князь Мстиславский, – ты,

князь Шуйский, – ты...

Шуйский.

Помилуй, государь! Тебе ль у нас

Прощения просить?

Иоанн.

Молчи, холоп!

Я каяться и унижаться властен

Пред кем хочу! Молчи и слушай: каюсь —

Моим грехам несть меры ни числа!

Душою скотен – разумом растлен —

Прельстился я блещаньем багряницы,

Главу мою гордыней осквернил,

Уста божбой, язык мой срамословьем,

Убийством руки и грабленьем злата,

Утробу объядением и пьянством,

А чресла несказуемым грехом!
Бояре все! Я вас молю – простите,
Вы все простите вашему царю!
(Кланяется в землю.)

Захарьин.

Царь-государь! Когда то Божья воля,
Чтоб ты от мира в вечность отошел,
Ты о делах теперь подумать должен
И о войне, которую оставишь
В наследство сыну, а грехи твои
Мы все тебе усердно отпускаем
И Господа все молим за тебя!

Иоанн (вставая).

Ты прав, старик. Сын Федор, подойди!
Немного дней – и ты на царство сядешь —
Услышь теперь последний мой наказ:
(Опускается в кресла.)

Цари с любовью, и с благочестьем,
И с кротостью. Напрасно не клади
Ни на кого ни казни, ни опалы.
Моим врагам, которыми от царства
Я прогнан был и, аки бедный странник,
Искал себе приюта на Руси,

Не мсти по мне – Всевышний нас рассудит!
Мою царицу, мачеху твою,
Блюди и милуй; с Дмитрием же, с братом,
Будь заодин; не захоти никак
Присвоивать себе его удела,
Зане же Каин Авеля убил,
Наследства же не взял братоубийца.
Войну с Литвой старайся кончить миром
И силы все на хана устреми.
Советуйся с Борисом; верь ему;
Он ведает мои предначертанья
И в думном деле мной самим от млада
Был вразумлен. На первый раз тебе
Он делатель изрядный будет. После ж
Делам посольским, ратным и судейским
Сам навывай, чтоб не тебе другие,
А ты б другим указывал во всем.
Опричину ж ты снова ль учредишь
Иль будешь всей землею государить —
В твоей то воле – ты рассудишь сам,
Как то тебе и брату прибыльнее,
А образец вам учинен готов.
Ты все ли понял?

Федор.

Батюшка! Даст Бог,
Ты не умрешь! Даст Бог, еще меня ты
Переживешь молитвами моими!
А мне куда на царство? Сам ты знаешь,
Я не готовился к тому!

Иоанн (гневно).

Феодор!

Тебя не спросят: нелюбо иль любо —
Ты за меня на царство должен сесть,
Когда меня не станет!

Федор.

Не гневись,

Царь-батюшка, но я молю тебя —
Поставь другого! Мало ль на Руси
Людей, меня достойнейших и лучших,
А я, царь-батюшка, доволен был бы
И небольшим уделом!

Иоанн.

Пономарь!

Я говорю с тобой как с мужем, ты же
Как баба отвечаешь! Горе! Горе!
Сыноубийце мстит за брата брат!

Иван, мой сын! Мой сын, убитый мною!
Я для того ль всю жизнь провел в борьбе,
Сломил бояр, унизил непокорство,
Вокруг себя измену подавил
И на крови наследный мой престол
Так высоко поставил, чтобы вдруг
Все рушилось со мной!
Григорий Нагой входит с бумагами.

Григорий Нагой.

Великий царь,
Две грамоты к тебе!

Иоанн.

Отдай Борису —
Пусть он прочтет!

Годунов (просмотрев обе грамоты).

Из Серпухова пишут,
Великий государь, что чрез Оку
Переpravляться хан уж начинает;
А из Казани, что кругом восстала
Вся луговая черемиса вместе
С ногами.

Иоанн.

Нет! Столько разом бед

Упасть не может на одну главу!

Не верю! Нет! Подай сюда листы!

Годунов подает ему грамоты; он долго в них смотрит, роняет и остается недвижим. Молчание. Входит стольник и шепчет на ухо Бельскому.

Бельский (к Иоанну).

Великий царь! К тебе пришел тот схимник,

Которого ты привести велел.

Иоанн (вздрагнув).

Впустить его. Вы все ступайте прочь — Я с ним хочу наедине остаться.

Все выходят.

(Один.)

Всевышний Боже! Просвети мой разум!

Остается погружен в размышления. Через

несколько времени входит схимник. Иоанн встает и преклоняет перед ним главу.

Благослови меня, отец!

Схимник (благословляет его).

Во имя

Отца и Сына и Святого Духа!

Иоанн (садясь).

Я много слышал о тебе. Ты долго
Затворником живешь. В глубокой келье
Свой слух и зренье суете мирской
Ты заградил. Таким мужам, как ты,
Господь дарит чудесное прозренье
И их устами истину гласит.

Схимник.

Так, сын мой; есть в Минеях Четиих
Тому примеры; но до тех мужей
Мне далеко.

Иоанн.

Давно ты схиму принял?

Схимник.

В тот самый год, когда ты, государь,
Казань завоевал; а сколько лет
Тому прошло – не ведаю.

Иоанн.

Тому
Уж тридцать лет. И с самой той поры
Ты заперся от мира?

Схимник.

Я сегодня
Его увидел снова в первый раз.
Из подземельной келии моей
Меня насильно вывели.

Иоанн.

Прости,
Святой отец, что потревожил я
Твое уединенье и молитвы.
Но мне был нужен твой совет. Скажи,
Наставь меня, как отвратить мне гибель
От всей земли и от престола?

Схимник.

Гибель?

Какую гибель?

Иоанн.

Разве ты не знаешь?

Схимник.

Не знаю, сын мой. Вести до меня

Не доходили.

Иоанн.

Отче, за грехи

Господь меня карает. Королю

Он одоление надо мной послал —

Ливонию воюют шведы — хан

Идет с ордою на Москву — ногаи

И черемисы бунтом восстают —

Что делать мне?

Схимник.

Великие ж с тех пор

Настали перемены! Ты в то время

Врагам был грозен. Ты стоял высоко,

Никто не смел подняться на тебя;

Мы ж знаменье не раз воспоминали,

Которым, при рождении твоём,
Свидетелями были: в самый час,
Как ты рождался, гром ударил в небе,
Весь день гремел при солнечном сиянье,
И было так по всей Руси; и много
Отшельников пришло из разных стран
Предвозвестить тебе твое величье
И колыбель твою благословить.

Иоанн.

Так, мой отец. И милостив был долго
Ко мне Господь; но ныне от меня
Свою десницу отнял он. Престол мой
Шатается; враги со всех сторон
Меня теснят!

Схимник.

Пошли навстречу им
Твоих вождей. Довольно у тебя
Есть воевод. Они тебе привыкли
Языцей покорять.

Иоанн.

Святой отец,
Вождей тех нет, которых ты знавал!

Схимник.

Ни одного? А где ж Горбатый-Шуйский,
Князь Александр Борисович, который
Разбил на Волге князя Япанчу?

Иоанн.

Он изменил мне – и казнен.

Схимник.

Горбатый?

Он верный был тебе слуга. А где

Князь Рязанский, тот, что столько слав-

НЫХ

Побед над ханом одержал?

Иоанн.

Казнен.

Схимник.

А Федоров, конюший твой, который

В земле Рязанской сокрушил орду

И полонил царевича Мамаю?

Иоанн.

Он мной убит за то, что захотел
Похитить у меня престол мой.

Схимник.

Царь,

В твоих речах я истины не слышу!
Все те мужи тебе служили верно —
Я знал их всех. Но у тебя остался
Боярин князь Михайло Воротынский?
Когда Казань мы брали, первый он
Крест водрузил на вражией стене;
Врагам он ведом!

Иоанн.

Он на пытке умер.

Схимник.

Князь Воротынский? – Царь! – А где же
Пронский
Князь Турунтай, который в славной битве
Под Полоцком Литву разбил?

Иоанн.

Утоплен.

Схимник.

Да будет милостив к тебе Господь!..

Но Курбский, князь Андрей Михайлыч,
твой

Сподвижник добрый в славный день ка-
занский?

Иоанн.

Не спрашивай о нем! Меня он бросил —

Мне изменил – и ко врагам моим

Ушел в Литву.

Схимник.

В былое время, помню,

Тебя любили; от тебя никто

Не уходил; из дальних стран стекались

Тебе служить. Но где ж князя Щербатый,

Щенятев? Оболенский?

Иоанн.

Мой отец,

Не называй их – их уж нет.

Схимник.

А Кашин?

А Бутурлин? Серебряный? Морозов?

Иоанн.

Все казнены.

Схимник.

Как? Все до одного?

Иоанн.

Все, отче, – все.

Схимник.

Всех погубил ты?

Иоанн.

Всех.

Молчание.

Я каялся, отец мой. Мне недолго

Осталось жить – я должен умереть —

И срок уж мне назначен.

Схимник.

Кто тебе

Назначил срок?

Иоанн.

Не спрашивай, отец мой, —
Не спрашивай – но вразуми меня,
Как царство мне спасти?

Схимник.

Когда б ты не был
И слаб и хвор, я бы сказал тебе:
Встань, государь! И за святое дело
Сам поведи на брань свои полки!
Но ты согбен недугом – я в тебе
Не узнаю воителя Казани,
И должен ты другому воеводство
Свое вручить, такому, чье бы имя
Одушевило Русь. Твой сын Иван
Теперь быть должен возмужалый воин —
Пошли его.

Иоанн (быстро вставая).

Монах! Ты для того ли
Его назвал, чтоб издеваться, мне?
Ты смел назвать Ивана? Я тебе
Велю язык твой вырвать!

Схимник.

Царь, твой гнев
Не страшен мне, хотя и непонятен.
Уже давно я смерти жду, мой сын!

Иоанн (садясь).

Прости меня! Прости, отец святой!
Но неужель ты ничего не слышал?
Ужель в твою обитель никакая
Весть не проникла?

Схимник.

Дверь в мою обитель
До дня сего заделана была,
И проникал в глухое подземелье
Лишь дальний гул Господней непогоды
Да слабый звон святых колоколов.

Иоанн.

Отец мой, – я исполнить не могу
Совета твоего – мой сын Иван —
Преставился!

Схимник.

Кто ж твой наследник ныне?

Иоанн.

Второй мой сын, Феодор; но и телом
И духом слаб он. Нечего и думать
Ждать от него пособия иль дела!

Схимник.

Тогда – у Бога помощи проси!

Иоанн.

И никакого наставленья боле
Ты мне не дашь?

Схимник.

Царь, прикажи меня
Отвезть обратно в келию мою.

Иоанн (вставая).

Святой отец, молися за меня!

Схимник.

Всемилоостивый Бог да ниспошлет
Мир совести твоей!

**Иоанн (проводит схимника и, отворив
дверь, говорит).**

Святого старца

Отвесть опять в его обитель! Вы же
Все можете войти!

Федор и бояре входят.

(Садится и говорит, помолчав.)

Мстиславский! Бельский!

Захарьин! Годунов! Целуйте крест,

Что будете Феодору служить

До смерти и до крови! – Ты ж, Феодор,

Им четверым доверься. Ничего

Не начинай без их совета. Если ж

Господь дозволит, чтобы князь Иван

Петрович Шуйский уцелел во Пскове,

Он будет пятый. Им я завещаю

С тобою вместе Русью управлять!

(Подает им свой нагрудный крест.)

Целуйте крест!

**Мстиславский, Захарьин, Бельский и Го-
дунов (прикладываясь к окресту).**

Целуем, государь!

Иоанн.

Послов в Литву отправить сею ж ночью

И добрый мир, во что бы то ни стало,

Хотя на срок с Батуром учинить.
«Челом-де бью возлюбленному брату
Стефану-королю» – и полный титул
Весь прописать его, в конце ж назвать
Владельцем ливонским – так он хочет —
«Землею-де Ливонской бью челом
Возлюбленному брату и прошу
Оставить мне один лишь город Юрьев,
А достальное будет все его!»
Ему же уступаю города:
Велиж, Усвят, Озэрище и Пóлоцк,
Избóрск, Себéж, Холм, Зáволочье, Остров,
Гдов, Нéвель, Луки, Красный и другие
Все города, им взятые у нас!
Ропот между боярами.

Захарьин.

Помилуй, государь! Такое стыдно
Нам заключать условье!

Мстиславский.

Государь!
Вели нам всем идти на бой с Батуром,
Лишь не вели срамиться нам!

Бельский.

Дозволь,
Великий царь, мы все именье наше
Пожертвуем!

Все бояре (говорят на перерыв).

Все ляжем за тебя!
Всё продадим! Заложим земли наши!
До смерти постоим! Прольем до капли
Всю нашу кровь! Умрем до одного!
Лишь наших русских, кровных городов
Не прикажи нам отдавать!

Иоанн.

Молчите!
Я разве рад тому? – Нельзя иначе!
Забыли вы, что хан уж под Москвой?
Что черемисы поднялись? Что шведы
Грозят идти на Новгород?

Захарьин.

Но, царь,
Псков наш еще! Доколе он не сдастся,
Батур не может тылом стать к нему!
Он дале не пойдет! В его полках

Мятеж и мор, безденежье и голод —
Пожди еще – пожди – и скоро он,
Осаду сняв, уйдет и все свои
Завоеванья нам отдаст!

Иоанн.

Нельзя!

Нельзя мне ждать! Кровавая звезда
Меня зовет! От Федора же боле
Еще Батур потребует! Нельзя!

Бельский.

Но, государь, ты слышишь: бунт, и голод,
И мор в их войске! Неужель теперь,
Теперь – когда напором дружным можно
Их разгромить – мы им уступим столько
Владений русских?

Иоанн.

Нам не победить!

Забыли вы, что не ему, а мне

Вон та звезда погибель предвещает?

Захарьин.

Царь-государь! Когда б и в самом деле

Ты сам погиб – зачем же хочешь ты
И Русь еще губить с собой?

Мстиславский.

Зачем
Унизить хочешь нашу честь?

Иоанн (гордо).

Когда,
Мои грехи пред смертью искупая,
Я унижаюсь – я, владыко ваш, —
Тогда не вам о вашей чести думать!
Ни слова боле! – Шуйский! Ты к рассвету
Мне грамоту к Батуру изготовишь,
А Пушкину с товарищи велишь,
Чтобы, чем свет, они сбирались ехать;
Чтобы они в своих переговорах
Вели себя смиренно, кротко, тихо,
Чтобы сносили брань и оскорбленья
Безропотно – чтоб всё сносили – всё!

Бояре.

Нет, государь! Нет! Этого нельзя!
Ты в наших головах, в именье нашем,
Во всем волён! Но в нашей земской чести

Ты не волён! Нет, государь! Такого
Никто наказа не подпишет!

Иоанн (вставая).

Так-то

Присягу бережете вы свою?

Так помните Писанье? В оный день,

Когда хотел с престола я сойти,

Зачем меня собором вы молили

Остаться на престоле? Иль в тот день

Я власть от вас условную приял?

Иль я не тот же царь, который вам

От Бога дан и вами ж избран снова?

Иль есть у вас иной ответ, как только

Повиноваться мне? Или, быть может,

Так мало дней осталось мне жить,

Что уж не стоит мне повиноваться?

Клятвопреступники! Мой срок не минул!

Я царь еще! Кто смеет говорить,

Что я не царь? Ниц! В прах передо мною!

Я ваш владыко!..

(Шатается.)

Годунов (подхватывая его).

Государю дурно!

Позвать врачей!

Иоанн (поддерживаемый Годуновым).

Под страшной смертной казнью,
Послов немедля снарядить! Велеть им,
Чтоб всё сносили – всё терпели – всё —
Хотя б побои!

Бояре удаляются.

Боже всемогущий!

Ты своего помазанника видишь —
Достаточно ль унижен он теперь!

Действие пятое

Дом Годунова

Годунов и жена его провожают с поклонами царевича Федора.

Годунов.

Прости ж, царевич! Много благодарны
Тебе за честь! Да не кручинься боле!
Ты видишь – вот Кириллин день настал,
Беды ж с собою не принес; напротив,
Сегодня стало государю легче,
И добрые всё вести к нам пришли:
Царёв гонец успел его посольство
Вернуть назад; разлив мешает хану
Прейти Оку; а что король со Пскова
Осаду снял, та весть еще и прежде
Оправила царя! Пожди немного,
И скоро здрав он будет.

Мария Годунова.

Государь,
Куда ж спешишь ты? Я ведь и закуской
Попотчевать тебя-то не успела!

Федор.

Уволь, невестушка! Хотя и легче
Сегодня стало батюшке-царю,
А все на сердце как-то беспокойно.
Вся на тебя моя надежда, шурин;
Не отрекись от слова своего;
Когда бы что, не дай Господь, случилось,
Я буду как в лесу! Тогда уж ты мне
Указывай, что делать!

Годунов.

Я, царевич,
Тебе слуга и верный твой холоп;
Но если б что случилось, посмотри:
Мне не дадут тебе служить; все будут
Меня чернить!

Федор.

Я не поверю им!
Отец тебя мне слушаться велел,
И на тебя во всем я положуся.
Прости ж, Борис! Прости же, дорогая
Невестушка! Прошу не провожать!
(Уходит, сопровождаемый Годуновым.)

Мария (одна).

О Господи! Когда бы этот день
Скорей прошел! Что муж ни говори,
А сам он беспокоен. Мне ж всю ночь
Камень драгоценное все снилось
И крупный жемчуг – и руками царь
Все рылся в нем, и яхонты, любуясь,
Пересыпал. К беде, а не к добру
Такие сны!

(Задумывается.)

Годунов (возвращается и смотрит на нее).

Мария, что с тобою?

Мария.

Прости меня. Мне страшен этот день!
Ворожеи...

Годунов.

Ворожеи солгали:
Царь стал бодрей. Я видел сам его.

Мария.

Однако если б – если б не солгали

Ворожеи?

Годунов (понижая голос).

Когда бы то случилось —
Скажи, Мария, – мы теперь одни —
Ужели б ты?..

Мария.

Нет, господин мой, нет!
Не за него, а за тебя мне страшно!

Годунов.

Как? За меня?

Мария.

Не говорил ли Федор,
Что, если что случится, он не знает,
Как быть ему? Что должен будешь ты
Ему во всем указывать? Борис!
Что, если вдруг сегодня на тебя
Падет вся тягость государства? Если
За мятежи, за голод, за войну,
За все, за все перед землею будешь
Ты отвечать?

Годунов.

Когда бы в самом деле
Случилось то, чего боишься ты,
Не слабою рукою б я тогда
Приял бразды! Не власти я страшуся,
Я чувствую в себе довольно силы
Русь поддержать в годину тяжких бед!
Нет, я страшусь, что выпадет на долю
Неполная мне власть. Правитель царства,
Каков ни будь, он тень лишь государя;
Он с завистью других бороться должен
И мысль свою не может воплотить
Заветную всецельно, без ущерба,
Как мог бы я, когда бы не в поддánстве,
А на престоле был рожден!

Мария.

О, будем

Мы Господа благодарить за то,
Что не высоко рождены. Ужасен
Ответ царей!

Годунов.

А этого царя

Ответ еще ужасней будет. Но
Напрасно ты тревожишься. Недуг
Его прошел, и много лет, быть может,
Еще пройдет, пока ему придется
Свой дать ответ.

Мария.

Ты беспокоен сам!

Годунов.

Спокоен я – все к лучшему – солгали
Ворожеи. Поди к себе, Мария,
Оставь меня; мне дело есть.

Мария уходит. Годунов отворяет боковую
дверь и впускает двух скованных волхвов. По-
том садится и смотрит на них молча.

(Значительно.)

Сегодня

Кириллин день, осьмнадцатое марта!

Первый волхв.

Так, государь.

Годунов.

Царю сегодня лучше.

Второй волхв.

Спаси его Господь.

Годунов.

Вы, стало быть,

Ошиблися, когда ему сегодня

Кончину предсказали?

Первый волхв.

Что мы в звездах

Прочли, то и сказали.

Годунов.

Отчего же

Так скоро спал с него недуг?

Первый волхв.

Не знаем;

Но долог день, и солнце не зашло.

Молчание.

Годунов.

А обо мне, как я вам указал,
Гадали вы?

Первый волхв (озираясь).

Гадали, государь.

Годунов.

Вы можете здесь говорить открыто —
Нас не услышат. Что узнали вы?

Первый волхв.

Сплетаются созвездия твои
С созвездьями венчаных государей,
Но три звезды покамест затмевают
Величие твое. Одна из них
Угаснет скоро.

Годунов.

Говори яснее!

Первый волхв.

Чем дале путь твой стелется, тем шире,
Тем ярче он.

Годунов.

Куда он приведет?

Второй волхв.

Чего давно душа твоя желала,
В чем сам себе признаться ты не смел —
То сбудется.

Годунов.

Волхвы! Скажите прямо,
Что ожидает в будущем меня?

Оба волхва (становятся на колени).

Когда на царский сядешь ты престол,
Своих холопей помяни, боярин!

Годунов (вставая).

В уме ли вы!

Первый волхв.

Так выпало гаданье.

Годунов.

Тс! Тише! Тише! Стены нас услышат!
(Подходит к дверям, осматривает их и

останавливается перед волхвами.)

Кудесники! Когда б я мог подумать,
Что вы теперь морочите меня,
Для вас на свет бы лучше не родиться!

Первый волхв.

Мы говорим, что́ видим. Мы читали
В небесных знаках; прочие ж на кровь
И дым гадали, и во мгле туманной
Все на престоле видели тебя
В венце и в царских бармах...

Годунов.

Тише, тише!
Когда случится то, что вы сказали?

Первый волхв.

Когда – не знаем.

Годунов.

Много ли мне лет
Царить придется?

Второй волхв.

Твоего цареня

Семь только будет лет.

Годунов.

Хотя б семь дней!

Но чем достигну я верховной власти?

Первый волхв.

Не ведаем.

Годунов.

Кого бояться мне?

Второй волхв.

Не спрашивай.

Годунов.

Я знать хочу, кто главный

Противник мой?

Первый волхв.

Темны его приметы.

Годунов.

Скажите их!

Первый волхв.

Он слаб, но он могуч.

Второй волхв.

Сам и не сам.

Первый волхв.

Безвиновен перед всеми.

Второй волхв.

Враг всей земле и многих бед причина.

Первый волхв.

Убит, но жив.

Годунов.

Нет смысла в сих словах!

Первый волхв.

Так выпало гаданье. Боле знать
Нам не дано.

Годунов.

С меня пока довольно.
В темницу вас обратно отведут;

Я ж вовремя вас выпустить велю
И награжу по-царски. Но смотрите!
Приказываю вам под смертной казнью
Самим забыть, что вы сказали мне!
(Отворяет дверь.)

Волхвы уходят.
(Один.)

«Чего давно душа моя желала,
В чем сам себе признаться я не смел!»
Да, это так! Теперь я вижу ясно,
Какая цель светила мне всегда!
Теперь вперед, вперед идти мне надо
И прорицанье их осуществить.
Нас не судьба возносит над толпою,
Она лишь случай в руки нам дает —
И сильный муж не ожидает праздно,
Чтоб чудо кверху подняло его.
Судьбе помочь он должен. Случай есть —
И действовать приходит мне пора!
(Топает ногой.)

Входит дворецкий.
Позвать сюда которого-нибудь
Из государевых врачей!
Дворецкий уходит.
Семь лет!

Семь только лет! И ведать не дано мне,
Далек тот день иль близок? Между тем
Часы бегут. Безумьем Иоанна

Все рушится – и для моей державы
Готовятся развалины одни...

«Но солнце не зашло еще!» – сказали
Сейчас волхвы... Кто знает? Может быть!..

Умри сегодня этот зверь, сегодня ж
Мой слабодушный деверь власть свою
Мне передаст – я буду господином!..

Но то ли мне волхвы сулили? Нет!
Они в венце и в бармах, на престоле,
В венце и в бармах видели меня!

Они сказали: «Три звезды покамест
Мое величье затмевают – три!»

Одна из них – то Иоанн, другая —

Царевич Федор, третья – кто ж иной,

Как не Димитрий? Тот противник силь-
ный,

Которого бояться должен я,

Кому ж и быть ему, как не младенцу
Димитрию? Он, он преграда мне!

«Слаб, но могуч – безвиновен, но виновен —
Сам и не сам» – оно как раз подходит
К Димитрию! Но что могло бы значить:

«Убит, но жив»? Как дико мне звучит
Зловещее, загадочное слово:
«Убит, но жив»! Кем будет он убит!
Не может быть! А если б кто и вправду
Решился руку на него поднять,
То как ему, убитому, воскреснуть?
Я словно в бездну темную гляжу,
Рябит в глазах, и путаются мысли...
Довольно! прочь бесплодные догадки!
Жив иль убит – судьба его в грядущем,
Мне ж дорог ныне настоящий миг!

Входит дворецкий.

Дворецкий.

К тебе пришел, боярин, царский дохтур.

Годунов.

Пускай войдет!

Входит Якоби.

Роман Елиазарыч,
Я за тобой послал, чтоб ты подробно
Поведал мне, насколько государю

Сегодня легче? Можно ль уповать,
Что миновалась для него опасность?

Якоби.

Его болезнь, боярин, многосложна:
Не плоть одна страдает – болен дух.
От юности привыкший, чтобы все
Перед его державной гнулось волей,
Последнего не мог он униженья
Перенести. Но добрые его
Оправили и ободрили вести.
И будет здрав он, если нам удастся
От раздражений охранить его.

Годунов.

А если бы, не дай Бог, чем-нибудь
Он раздражился?

Якоби.

Мы бы не могли
Тогда ответить ни за что. Сосуды,
Которые проводят кровь от сердца
И снова к сердцу, так напряжены,
Что может их малейшее волнение
Вдруг разорвать.

Годунов.

Но чем же помешать нам,
Чтоб как-нибудь не опалился он?

Якоби.

Все случаи волнения и досады
Во что б ни стало надо удалить.
Пусть только то и видит он и слышит,
Что развлекать его способно.

Годунов.

Как
Оставил ты его?

Якоби.

Он после ванны
Прилег заснуть, но ключнику велел,
Чтобы меж тем в соседнюю палату
Сокровища из главной кладовой
Перенесли, дабы, по пробужденье,
Осматривать их мог он. Близь него
Остался мой товарищ, Ричард Эльмс.

Годунов.

Вы трудное условие положили
Для исцеленья царского недуга —
Вы знаете царя!

Якоби.

Боярин Бельский,
Чтоб от забот и дел его отвлечь,
Собрал толпу шутов и скоморохов.
Мысль недурна. Пусть в играх этот день
Пройдет и в смехе.

Годунов (встает).

Мы стараться будем
Исполнить наставления твои.

Якоби.

Прости, боярин.
(Уходит.)

Годунов топает ногой. Входит дворецкий.

Годунов.

Здесь ли Битяговский?

Дворецкий.

Здесь, государь.

Годунов.

Пошли его сюда.

Дворецкий уходит и вскоре выпускает Битяговского.

Что деется в народе?

Битяговский.

Слава Богу.

Годунов.

На Шуйского и Бельского они
Озлоблены ль как надо?

Битяговский.

Так и рвутся.

Годунов.

И стало быть, подымутся на них,
Когда мы захотим?

Битяговский.

Коли б не прежде.

Годунов.

Ты должен быть готов перед царем
Свидетелем предстать, что возмущенье
Нагие подготовили.

Битяговский.

Могу.

Годунов.

И присягнуть, что слышал ты своими
Ушами, как холопей подсылали
Они в народ.

Битяговский.

Зачем не присягнуть!

Годунов.

Будь у меня сегодня под рукою;
Быть может, ты понадобишься мне;
Теперь ступай!
Битяговский уходит.

(Один.)

Я больно ошибаюсь,
Иль многое решится в этот день!
(Уходит.)

Богатая палата во дворце

Слуги вносят и расставляют драгоценную утварь. За ними надзирают дворецкий и ключник.

Дворецкий (к слугам).

Живей! Живей! Кончайте поскорей!
Сейчас проснуться государь изволит!

Ключник (к дворецкому).

Скажи, пожалуй, для чего он рухлядь
Сбирается смотреть?

Дворецкий.

Да говорят,
Невесте хочет за море подарки
Отправить.

Ключник.

Как? Он разве не раздумал
На ней жениться?

Дворецкий.

Да, раздумал было,
Да вот сегодня, кажется, опять
За прежнее взялся. Вишь, много легче

Сегодня стало милости его!

Ключник.

Ну, как он знает! Жаль царицы Марьи Феодоровны! Добрая царица!

Дворецкий (смотрит в окно).

Народу-то! Народу-то! Кишмя
Так и кишат!

Ключник.

Да! Уж который день
У теремов с утра они толпятся:
Всё о здоровье царском узнают!

Дворецкий.

Ну, слава Богу! Видно, обманулись
Ворожей! Кириллин день настал,
А государю легче!

(К слугам.)

Что? Готово?

Ключник (смотрит в список).

Всё налицо!

Дворецкий (к слугам).

Ну, с Богом! Уходите!

Слуги уходят.

Вишь, как статьи подобраны подряд!
Чего тут нет! Каменьев самоцветных,
И золота, и шелку, и парчи!
Так вся палата и горит!

Ключник.

Тс! Кто-то

Идет сюда!

Дворецкий.

Ах, Господи, не царь ли?

Входит Бельский.

Ключник.

Нет, это Бельский.

Бельский.

Все ль у вас готово?

Дворецкий.

Все, государь.

Бельский.

Сейчас изволит царь
Пожаловать. Смотрите же, чтоб он
Остался всем доволен; чтоб ему
От нас досады в чем не приключилось!
Врачи сказали: боже сохрани
Его прогневать чем-нибудь сегодня!
Слышен хохот.

Кто там хохочет?

Входит шут. За ним толпа скоморохов в
странных нарядах, с гудками, волынками,
сковородами и разной звонкой посудой.

Шут (к Бельскому).

Дядюшка Богдан!

Я хоровод тебе привел! Послушай!

Скоморохи (спляской).

Ой, жги, жги, жги!

Настежь, баба, ворота!

Тащи козла за рога!

Ой, жги, жги, жги!

Пошла баба в три ноги!

Шут.

Ну что? Как нравится тебе?

Бельский (осматривает скоморохов).

Изрядно!

Смотрите ж, хари! Пяток не жалеть!

Перед царем вертеться кубаря́ми!

Теперь пока ступайте в ту палату,

Там спрячьтесь. Когда я крикну: *Люди!* —

Вбегайте все да эту песню гряньте

Повеселей!

Скоморохи проходят через сцену в боковую дверь.

(К шуту.)

Ты около царя

Все время будь — гляди ему в глаза, —

И только лишь он брови понахмурит —

Ты шутку выкинь посмешней!

Шут.

Да! Выкинь!

Не хочешь ли сам выкинуть? А он
Тебя в окошко выкинет!

Дверь отворяется.

Вот он!

Поди шути!

Иоанна вносят на креслах. Он в халате; лицо его изнурено болезнью, но выражает торжество. Кресла опускают среди палаты, и перед ними ставят небольшой треугольный стол. За Иоанном входят Годунов, Мстиславский, Шуйский и другие бояре, кроме Захарьина.

Иоанн (сидя в креслах, к Годунову).

Нельзя еще сегодня

Нам видеть королевина посла.

Пусть завтра к нам он, без меча и корда,

Откланяться придет. В опочивальне

Мы примем запросто его. Теперь же

Посмотрим, что назначить нам в подарок

Сестре Елисавете да ее

Племяннице, невесте нашей!

Бельский.

Вот

Из Персии, великий государь,
Узорочие разное. Быть может,
Оно пригодно королеве?

Иоанн.

Нет,

Тряпьем ее не удивишь. Обычай
Ее не бабий. Писемский нам пишет
Из Лондона, что любит-де она
В лесах гонять оленей; любит также
Потеху птичью и звериный бой.

Мы припасем подарок ей по вкусу.

Подайте мне ту сбрую с бирюзой,
С жемчужными наузами, да к ней
Вон тот чепрак, что яхонтами сажен!
Иоанну подают требуемые предметы.

(Он осматривает их и велит знаком отложит в сторону.)

Еще пошлем ей двух живых медведей
На золотых цепях; да кречетов
Сибирских шесть. Пусть тешится сестрица
Да поминает нас! Княжне ж Хастинской —
Другое дело! Ей найдем наряд.

Подать сюда все кольца и монисты!

Иоанну подают разные драгоценности.

(Он берет их в руки и осматривает одну за другою.)

Вот это ожерелье из алмазов
И яхонтов лазоревых с червцами
Пошлем княжне. Лазорев темный яхонт,
Когда взглядеться в глубину его,
Покоит душу, скорби разбивает;
Червец же верность женскую блюдет,
Затем что цвет его сердечной крови.
Из перстней же вот этот ей пошлем:
Он всех ценней, зовется камень лал;
Привозится к нам из земли Индийской,
А достается нелегко, затем
Что страховидные там звери, грифы,
Его стрегут. От укушенья змей
Он исцеляет. Пусть его невеста
На пальчик свой наденет, нам в любовь!
А что до тканей, в них я не знаток;
О них спросить царицу Марью. Бабы
На том собаку съели. Что царице

Полюбится, то и послать княжне!

Шут.

Царь-батюшка!

Иоанн.

Что?

Шут.

Ты когда жениться
Сбираешься?

Иоанн.

Тебе на что?

Шут.

Да так;

(Указывая на Михайла Нагого.)

Хочу вот Мишке службу сослужить:

Нагих-то время при дворе прошло,

Так я хочу вот этого пристроить!

(Сымает свой колпак и ходит с ним от одного к другому, будто прося милостыни.)

Иоанн.

Что делаешь ты, шут?

Шут.

По нитке с миру
Сбираю, царь, Нагому на рубаху!

Иоанн.

Ха-ха! Вот это шут так шут! Не бойся,
Нагим не станет по прозванью. *(К Нагим.)*

Вы!

Коль будете по правде мне служить,
Я не оставлю вас!

(Окидывает глазами сокровища.)

Есть, слава Богу,
Казны довольно у меня; могу
Пожаловать кого хочу; надолго
Еще мне станет!
Слышны крики на площади.
Что за крики там?

Годунов.

Народ шумит, великий государь,
И веселится о твоём здоровье!

Иоанн.

Пусть веселятся! Выкатить на площадь
Им сотню бочек меду и вина!
А завтра утром новая потеха
Им будет: всех волхвов и звездочетов,
Которые мне ложно предсказали
Сегодня смерть, изжарить на костре.
Борис, ступай и казнь им объяви,
Да приходи поведать мне, какие
Они построят рожи!

Годунов уходит.

Вишь, хотели
Со мной шутить! Кириллиным, вишь,
днем

Хотели запугать! Никто не может
Кончины день узнать вперед! Никто!
Вы! Слышите ли?

Шуйский.

Слышим, государь.

Иоанн.

Что ж вы молчите? Разве может кто
Сказать вперед: я проживу вот столько?

Иль так-то жизнь окончу я мою?

Мстиславский.

Нет, государь!

Иоанн.

Ну, то-то ж! Что же вы

Молчите, а?

Шуйский.

Великий государь,

И день и ночь мы о твоём здоровье

Все молим Бога!

Мстиславский.

Исцели тебя

Скорей Господь!

Иоанн.

Да разве я еще

Не исцелен? Что вы сказать хотите?

Я разве болен? Солнце уж заходит,

А я теперь бодрей, чем утром был,

И проживу довольно лет, чтоб царство

Устроить вновь! В мой смертный час, ко-

гда

Митрополит у моего одра
Молиться будет со святым синклитом,
Я им скажу: «Не плачьте, я утешен,
Бо легкую примет сын державу
Из рук моих!» Так отойду я к Богу!

Бельский делает знак шуту, который рассматривал разные вещи на столах. Шут берет ящик с шахматами и подносит к Иоанну.

Шут.

Надёжа-царь! Вишь, куколки какие!

Иоанн (к боярам).

Волхвов за ложь на казнь я осудил.
Неправ мой суд, по-вашему?

Бояре.

Прав, царь!

Иоанн.

А коли прав, так что же языки
Связало вам?

Бояре.

Великий государь!

Помилуй нас! Не знаем, что сказать!

Иоанн.

Не знаете? Так, стало, я безвинных

На казнь обрек? Так, стало, не солгали

Ворожеи?

Бояре.

Солгали, государь!

Они солгали! По вине им мука!

За их вину и казни мало им!

Иоанн.

Насилу-то! Вишь, рот раскрыть боятся!

Из них слова тащить клещами надо!

Молчанье.

Что шепчетесь вы там?

Шуйский.

Нет, государь,

Мы не шептались!

Иоанн.

Вы как будто ждете
Чего сегодня? А? Чего вы ждете?

Шут.

Царь-солнышко! да посмотри ж сюда,
На куколки!

Иоанн.

Что это у него?

Бельский.

То шахматная, государь, игра,
Которую прислал тебе в подарок
Персидский царь.

Шут (разглядывая фигуры).

Нарядные какие!

Бельский (берет со стола доску).

Вот и доска к ним!

Иоанн.

Покажи сюда!

(Осматривает шахматы.)

Давно в игру я эту не играл.

Садись, Богдан, посмотрим, кто сильнее!

Слуги вносят свечи. Иоанн расставляет игру. Бельский садится против него на столце и также расставляет.

Шут (к Иоанну, указывая на шахматы).

Точь-в-точь твои бояре! Знаешь что?
Живых-то ты всех пóбоку, а этих
Всех в Думу посади. Дела не хуже
У них пойдут, а есть они не просят!

Иоанн.

Ха-ха! Дурак не слишком глуп сегодня!

Подвигает пешку. Игра начинается. Все становятся полукругом за царскими креслами и смотрят.

Шут.

Иль вместо их меня поставь в бояре!
Я буду в Думе заседать один,
И разногласья у меня не будет!
Не то пошли меня, надёжа-царь,
Послом в Литву, поздравить короля!

Иоанн.

С чем, шут?

Шут.

Да с тем, что о псковские стены
Он лоб разбил!

Иоанн.

Тебя послать недурно;
Послал же он Гарáбурду ко мне
С своей перчаткой! Чай, теперь иди
На Новгород раздумали!

Шуйский.

Куда им!

Иоанн.

На сейме ихном королю в пособие
Отказано! Достойно, право, смеху!
Свои же люди своему владыке
Да денег не дают!

Шут.

У нас не так!

Понадобилось что – хап, хап! – и есть!

Бельский (подвигая ферязь).

Шах, государь.

Иоанн (заслоняется слоном).

Шах ферязи твоей!

Шуйский (к Бельскому, смеясь).

Что, взял, боярин? Ферязь-то пропала!

Иоанн.

Да, кажется!

Бельский.

Как есть пропала ферязь!

Иоанн.

Сдается нам, мы не совсем еще

Играть забыли! Наш недуг у нас

Еще не вовсе отнял разуменье!

Кириллин день! Вишь, выдумали что!

Проклятые! Куда пропал Борис?

Что он нейдет с ответом?

Бельский берет царского слона. Иоанн хочет взять его ферязь царем и роняет его на пол.

Шут (бросаясь подымать).

Ай-ай-ай!

Царь шлепнулся!

Иоанн (вспыхнув).

Шут! Ври, да меру знай!

(К Бельскому.)

Тебе ходить!

Игра продолжается. Годунов показывается в дверях.

Годунов (тихо, указывая на Иоанна одному боярину, стоящему позади других).

Каков он?

Боярин (тихо к Годунову).

Больно гневен!

Уж раза два сердиться начинал!

Годунов подходит и становится напротив Иоанна.

Иоанн (подняв голову).

Ты здесь? Ну, что? Ты видел чародеев?
Каков их был ответ? Зачем молчишь ты?
Что ж ты не говоришь?

Годунов.

Гм, государь!

Иоанн.

Что ты так смотришь на меня?

(Отодвигается от Годунова.)

Как смеешь

Ты так смотреть?

Годунов.

Великий государь!

Волхвы тебе велели отвечать,

Что их наука достоверна.

Иоанн.

Как?!

Годунов.

Что ошибиться им нельзя и что —

Кириллин день еще не миновал!

Иоанн (встает, шатаясь).

Не миновал? – Кириллин день? – Ты сме-
ешь —

Ты смеешь мне в глаза – злодей! – Ты – ты

—

Я понял взгляд твой! – Ты меня убить —
Убить пришел! – Изменник! – Палачей! —
Феодор! – Сын! – Не верь ему! – Он вор! —
Не верь ему! А!

(Падает навзничь на пол.)

**Шуйский (бросается к нему и поддержи-
вает его голову).**

Боже! Он отходит!

Бельский.

Позвать врачей! Скорей позвать врачей!

Иоанн (открыв глаза).

Духовника!

Бельский.

Бегите за попом!

Скорей бегите! Люди! Люди! Гей!

Вбегают скоморохи с пенъем, свистом и пляской.

Скоморохи.

Ой, жги, жги, жги!

Тащи козла за рога!

Бояре.

Что это? Что? Назад! Побойтесь Бога!

Бельский (бросается на скоморохов).

Назад! Назад! Безбожники! Назад!

Царь умирает!

Мстиславский.

Дохтура зовите!

Иоанн умирает. Некоторые бояре бросаются из палаты. Скоморохи разбегаются. Входят Эльмс и Якоби.

Якоби.

Где государь?

Бельский (указывает на труп).

Вот он!

Якоби (нагибается и щупает пульс Иоанна).

Не бьется пульс!

Эльмс (берет другую руку).

Не бьется – нет!

Якоби (щупает сердце).

Не бьется сердце!

Эльмс.

Умер!

Якоби.

Окончил жизнь!

Годунов (подходит и кладет руку на сердце Иоанна).

Преставился!

(Отворяет окно и кричит на площадь.)

Москва!

Царь Иоанн Васильевич скончался!

Говор и гул на площади. Годунов выходит из палаты. Бояре обступают Иоанна и глядят на него молча. Входит Захарьин и останавливается перед трупом.

Захарьин.

Свершилось! Так вот ты, царь Иван,
Пред кем тряслась так долго Русь! Бесси-
лен,

Беспомощен лежишь ты, недвижим,
И посреди твоих сокровищ беден!

Чего же мы стоим и ждем, бояре?

Во прахе ли пред нами быть тому,
Пред кем полвека мы лежали в прахе?

Иль страшно вам коснуться до него?

Не бойтесь! Уж не откроет он
Своих очей! Уж острого жезла

Не схватит длань бессильная, и казни
Не изрекут холодные уста!

Они поднимают Иоанна, кладут его на скамью, делают ему изголовье и покрывают его парчою. Вбегают Федор, царица и царевна Ирина.

Федор (бросаясь к трупу).

Царь-батюшка!

Царица.

О Господи, помилуй!

Ирина.

О Господи!

Все трое голосят и рыдают. Крики на площади усиливаются. Входит стрелецкий голова.

Голова (к Федору).

Великий государь!

Народ бунтует! Лезут на крыльцо!

Федор (с испугом).

Что надо им?

Голова.

Кричат, что Шуйский с Бельским

Отравой государя извели!

Вбегает стрелецкий сотник.

Сотник.

Народ царь-пушкой овладел! Хотят
Разбить дворец!

Бельский (к Федору).
Вели по ним стрелять!

Федор.
Где шурин мой? Борис! Борис! Что делать?
Входит Годунов.

**Годунов (торжественно к Федору, опуска-
ясь на колени).**
Великий царь!

Федор (бросается к нему).
А, вот ты наконец!
Крики на площади, между которыми
слышны имена Шуйского и Бельского.

Шуйский (к Федору).
Решайся, государь!

Федор (указывая на Годунова).
Вот тот, кто должен
Теперь решать! Ему препоручаю

Отныне власть мою!

Годунов (поклонившись Федору, подходит к окну).

Народ московский!

Феодор Иоанныч, Божьей волей

Великий князь и царь всея Руси,

Вам повестить велел, что от недуга

Скончался царь Иван. В его же смерти

Виновных нет. Но Шуйский с Бельским

долго

Теснили вас; что ведая, царь Федор

Ссылает их далеко от Москвы!

Гул на площади.

Шуйский.

Борис Феодорыч! Помилуй! что ты?

Бельский.

За что нас в ссылку?

Годунов.

Вы вольны остаться —

Хотите ль выйти на крыльцо?

Шуйский.

Помилуй!

Нас разорвут!

Бельский.

Нас разорвут на клочья!

Годунов.

Я думаю.

(К стрелецкому голове.)

За крепким караулом

Бояр отправить из Москвы. В Покрове

Вас известят, куда их отвезти.

Шуйского и Бельского окружают стрельцы.

Захарьин (к Годунову).

Ты скор, боярин. Мы еще не знаем,

Кто поднял бунт?

Годунов.

Нагие со Мстиславским.

(Указывая на Битяговского, который входит в приличном виде и в добром платье.)

Вот кто на них свидетелем стоит!

Нагие и Мстиславский.

Как? Он?

Битяговский (нагло).

Да, я!

Годунов (ко Мстиславскому).

Князь, ты достоин смерти,

Но царь тебя лишь в монастырь ссылает.

(К Нагим.)

А вас обоих, из любви к царице,

Прощает он и в Углич вам велит

Отправиться с царевичем и с нею.

(К царице, указывая на Битяговского.)

Вас всех блюсти вот этот наряжен!

Царица (к Федору).

Не верь ему! Не верь ему, Феодор!

Не отсылай нас, царь!

Федор (к Годунову).

Нельзя ли, шурин,

Царице здесь остаться?

Годунов.

Государь,
Там лучше ей.

Захарьин.

Боярин Годунов!

Я вижу, ты распорядиться мастер!
Всем место ты нашел – лишь одного
Меня забыл ты! Говори, куда
Идти я должен? В ссылку? В монастырь?
В тюрьму? Или на плаху?

Годунов.

Мой отец,
Тебя царь просит оставаться с ним.

Царица (к Захарьину).

Спаси меня! Спаси меня, боярин!
Пропали мы!

Захарьин.

Дай Господи, царица,
Чтобы не все пропало! Злое семя
Посеял ты, боярин Годунов!
Не доброй жатвы от него я чаю!

(Обращаясь к трупу Иоанна.)

О царь Иван! Прости тебя Господь!
Прости нас всех! вот самовластья кара!
Вот распаденья нашего исход!

Федор (к царице, со слезами).

Не плачь, царица-матушка! Что ж делать!
Так, видно, надобно!

Годунов (подходит к окну).

Народ московский!
Великий царь Феодор Иоанныч
Прощает вас! Ступайте все молиться
За упокой души царя Ивана,
А завтра утром будет вам раздача
По всей Москве и хлеба и вина!

Крики на площади.

Да здравствует царь Федор Иоанныч!
Да здравствует боярин Годунов!

Федор бросается, рыдая, на шею Годунову.

Они стоят, обнявши друг друга.

Царь Федор Иоаннович (трагедия в пяти действиях)

Действующие лица

Царь Федор Иоаннович, сын Иоанна Грозного

Царица Ирина Федоровна, жена его, сестра Годунова

Борис Федорович Годунов, правитель царства

Князь Иван Петрович Шуйский, верховный воевода

Дионисий, митрополит всея Руси

Варлаам, архиепископ Крутицкий

Иов, архиепископ Ростовский

Благовещенский протопоп

Чудовский архимандрит

Духовник царя Федора

Князь Василий Иванович Шуйский, племянник князя Ивана Петровича

Шуйские, родственники Ивана Петровича

Князь Андрей
Князь Дмитрий
Князь Иван

**сторонники Шуйских
ближние воеводы**

Князь Мстиславский
Князь Хворостинин

Князь Шаховской
Михайло Головин

сторонники Годунова

Андрей Петрович Луп-Клешнин, бывший
дядька царя Федора
Князь Туренин

Княжна Мстиславская, племянница князя
Ивана Петровича и невеста Шаховского
Василиса Волохова, сваха

московские гости, сторонники Шуйских

Богдан Курюков
Иван Красильников
Голубь, отец

Голубь, сын

Федюк Старков, дворецкий князя Ивана
Петровича

Гусляр

Царский стремянный

Слуга Бориса Годунова

Гонец из села Тешлова

Гонец из Углича

Ратник

Бояре, боярыни, сенные девушки, стольники,
дьяки, попы, монахи, торговые люди, посадские,
стрельцы, слуги, нищие и народ

Действие – в Москве, в конце XVI столетия.

Действие первое

Дом князя Ивана Петровича Шуйского

На левом конце сцены – стол, за которым сидят все Шуйские, кроме Ивана Петровича и Василия Ивановича. Рядом с Шуйскими Чудовский архимандрит, Благовещенский протопоп и некоторые другие духовные лица. Несколько бояр также сидят за столом; другие расхаживают, разговаривая, в глубине сцены. По правую руку стоят купцы и люди разных сословий. Там же виден другой стол с кубками и сулеями. За ним стоит, в ожидании, Старков, дворецкий князя Ивана Петровича.

Андрей Шуйский (к духовным).

Да, да, отцы! На это дело крепко
Надеюсь я. Своей сестрой, царицей,
Сидит правитель Годунов. Он ею
Одной сильней всего боярства вместе;
Как вотчиной своею, помыкает
И Думою, и церковью Христовой,
И всей землей. Но только лишь удастся

Нам от сестры избавиться его, —
Мы сладим с ним.

Чудовский архимандрит.

Так князь Иван Петрович
Свое согласие дал?

Андрей Шуйский.

Насилу дал!

Вишь, больно жаль ему царицы было:
Я в доме-де своем справляю свадьбу,
Племянницу за князя Шаховского,
Вишь, выдаю, – царицу же с царем
Я разлучу; у нас веселье будет,
У них же плач!

Благовещенский протопоп.

Зело он мягкосерд.

Дмитрий Шуйский.

Такой уж норов: в поле лютый зверь,
А снял доспех – и не узнаешь вовсе,
Другой стал человек.

Головин.

А как же он
Согласье дал?

Андрей Шуйский.

Спасибо князь Василью,
Он уломал его.

Головин.

Не жду я проку
От этого. По мне, уж если делать, —
Так все иль ничего.

Андрей Шуйский.

А что б ты сделал?

Головин.

Попроще б сделал, да теперь, вишь, нам
Не время толковать об этом. Шш!
Вот он идет!

Входят Иван Петрович Шуйский с Васили-
ем Шуйским, который держит бумагу.

Кн. Иван Петрович.

Отцы! Князья! Бояре!

Бью вам челом – и вам, торговым людям!

Решился я. Нам доле Годунова
Терпеть нельзя. Мы, Шуйские, стоим
Со всей землей за старину, за церковь,
За доброе строенье на Руси,
Как повелось от предков; он же ставит
Всю Русь вверх дном. Нет, не бывать тому!
Он – или мы! Читай, Василь Иваныч!

Василий Шуйский (читает).

«Великому всея Руси князю,
Царю и самодержцу, государю
Феодору Иванычу – от всех
Святителей, князей, бояр, попов,
Всех воинских людей и всех торговых,
От всей земли: Царь, смилуйся над нами!
Твоя царица, родом Годунова,
Неплодна есть, а братец твой, Димитрий
Иванович, недугом одержим
Падучиим. И если б, волей Божьей,
Ты, государь, преставился, то мог бы
Твой род пресечься и земля в сиротство
Могла бы впасть. И ты, царь-государь,
Нас пожалей, не дай остаться пусту
Отцовскому престолу твоему:
Наследия и чадородья ради,

Ты новый брак прими, великий царь,
Возьми себе в царицы (имярек)...»

Кн. Иван Петрович.

Мы имя впишем после; со владыкой
Решим, кого нам указать. Читай!

Василий Шуйский (продолжает).

«Неплодную ж царицу отпусти,
Царь-государь, во иноческий чин,
Как то твой дед покойный учинил,
Великий князь Василий Иоанныч.
И в том тебе мы, целою землею,
От всей Руси, соборне бьем челом
И руки наши прилагаем».

Кн. Иван Петрович (к боярам).

Все ли

Согласны подписаться?

Бояре.

Все согласны!

Кн. Иван Петрович (к духовным).

А вы, отцы?

Благовещенский протопоп.

Святой владыко нас

Благословил тебе дать руки.

Чудовский архимандрит.

Полно

Христову церковь Годунову доле

Насиловать!

Кн. Иван Петрович (к купцам).

А вы?

Купцы.

Князь-государь,

Уж нам ли за тобою не идти!

От Годунова нам накладней всех

С тех пор, как он дал льготы англичанам!

Кн. Иван Петрович (берет перо).

Прости ж мне Бог, что я для блага всех

Грех на́ душу беру!

Василий Шуйский.

И полно, дядя!

Какой тут грех? Не по вражде к Ирине
Ты на нее идешь, но чтоб упрочить
Престол Руси!

Кн. Иван Петрович.

Я на нее иду,
Чтобы сломить Бориса Годунова, —
И сам себя морочить не хочу!
Мой путь не прям.

Василий Шуйский.

Помилуй! Что Ирине
В мирском величье? Супротив блаженства
Небесного все прах и суета!

Кн. Иван Петрович.

Я говорю тебе, мой путь не прям, —
Но пятиться не стану. Лучше пусть
Безвинная царица пропадает,
Чем вся земля!

(Подписывается.)

Прикладывайте руки!

Все начинают подписываться. Кн. Иван Петрович отходит в сторону. К нему подходит кн. Шаховской.

Шаховской.

Князь-государь, когда же мне позволишь
С невестою увидеться?

Кн. Иван Петрович.

Тебе

Одна забота только о невесте?

Не терпится? Пожди, она сойдет

Тебя с другими потчевать.

Шаховской.

Ты, князь,

Ведь при других мне только и даешь

С ней видеться.

Кн. Иван Петрович.

А ты б хотел один?

Ты молод, князь, а я держуся крепко

Обычая. Им цело государство,

Им – и семья.

Шаховской.

Обычая ль тогда
Держался ты, когда сидел во Пскове,
Тебя ж хотел Замойский извести,
А ты его, в лукавстве уличив,
Как честного, на поле звал с собою?

Кн. Иван Петрович.

Не красная был девица Замойский,
Я ж не жених. Глаз на́ глаз со врагом
Быть не зазор.

Шаховской отходит. Подходит Головин.

Головин (в полголоса).

Когда б ты захотел,
Князь-государь, короче б можно дело
И лучше кончить. Углицкие люди
Ко Дмитрию Ивановичу мыслят.

Кн. Иван Петрович.

Ну, что же в том?

Головин.

А на Москве толкуют,

Что Федор-царь и плотью слаб и духом;
Так если б ты...

Кн. Иван Петрович.

Михайло Головин,
Остерегись, чтоб я не догадался,
Куда ты гнешь.

Головин.

Князь-государь...

Кн. Иван Петрович.

Я мимо
Ушей теперь намеков твой пропускаю,
Но если ты его мне повторишь,
Как свят Господь, я выдам головою
Тебя царю!

Входит княжна Мстиславская в большом наряде; за ней две девушки и Волохова с подносом, на котором чары. Все кланяются княжне в пояс.

Василий Шуйский (тихо Головину).

Нашел кого поднять

На прирожденного на государя!
Да он себя на мелкие куски
Даст искрошить скорей. Брось дурь!

Головин.

Кабы
Он только захотел...

Василий Шуйский.

Кабы! Кабы
У бабушки бородушка была,
Так был бы дедушка.

Кн. Иван Петрович.

Ну, гости дорогие,
Теперь из рук племянницы моей
Примайте чары!

Волохова передает поднос княжне, которая
обносит гостей с поклонами.

**Шаховской (ко Мстиславской шепотом,
принимая от нее чару).**

Скоро ли поволишь
Мне свидеться с тобою?

Княжна отворачивается.

Волохова (шепотом Шаховскому).

Завтра ночью,
В садовую калитку!

Кн. Иван Петрович (подымая кубок, который поднес ему Старков).

Наперед
Во здравье пьем царя и государя
Феодора Иваныча! Пусть много
Он лет царит над нами!

Все.

Много лет
Царю и государю!

Кн. Иван Петрович.

А затем
Пью ваше здравье!

Кн. Хворостинин.

Князь Иван Петрович!
Ты нам щитом был долго от Литвы —

Будь нам теперь щитом от Годунова!

Благовещенский протопоп.

Благослови тебя Всевышний Царь
Святую церковь нашу отстоять!

Чудовский архимандрит.

И сокрушить Навуходоносора!

Купцы.

Князь-государь! Ты нам – что твердый
Кремль,

А мы с тобой в огонь и в воду!

Кн. Хворостинин.

Князь,

Теперь дозволь про молодых нам выпить,
Про жениха с невестой!

Все.

Много лет!

Кн. Иван Петрович.

Благодарю вас, гости дорогие,
Благодарю! Она хотя мне только

Племянница, но та же дочь. Княжна!
И ты, Григорий! Кланяйтесь, дети!

Все (пьют).

Во здравье удалому жениху
И дорогой невесте!

Кн. Иван Петрович.

Всем спасибо!

(Ко Мстиславской.)

Теперь ступай, Наташа. Непривычна
Ты, дитятко, еще казаться в люди,
Вишь, раскраснелась, словно маков цвет.

(Целует ее в голову.)

Ступай себе!

Княжна, Волохова и девушки уходят.

Волохова (уходя, к Шаховскому).

Смотри же, не забудь:

В садовую калитку! Да гостинчик

Мне принеси, смотри же!

Кн. Иван Петрович.

Медлить нам

Теперь нельзя. Пусть тотчас ко владыке
Идет наш лист, а там по всей Москве!

Василий Шуйский.

Не проболтаться, боже сохрани!

Все.

Избави бог!

Кн. Иван Петрович.

Простите ж, государи,

Простите все! Владыко даст нам знать,
Когда к царю собираться с челобитьем!

Все расходятся.

Мой путь не прям. Сегодня понял я,

Что чистым тот не может оставаться,

Кто борется с лукавством. Правды с крив-

дой

Бой неравён; а с непривычки трудно

Кривить душой! Счастлив, кто в чистом
поле

Перед врагом стоит лицом к лицу!
Вокруг него и гром, и дым, и сеча,
А на душе спокойно и легко!
Мне ж на душу легло тяжелым камнем,
Что ныне я неправо совершил.
Но, видит Бог, нам все пути иные
Заграждены. На Федора опоры
Нет никакой! Он – словно мягкий воск
В руках того, кто им владеть умеет.
Не он царит – под шурином его
Стеня, давно земля защиты просит,
От нас одних спасенья ждет она!
Да будет же – нет выбора иного —
Неправдою неправда сражена
И да падут на совесть Годунова
Мой вольный грех и вольная вина!

(Уходит.)

Старков (глядя ему вслед).

Неправда за неправду! Ну, добро!
Так и меня уж не вини, боярин,

Что пред тобой неправду учиню я
Да на тебя всю правду донесу!

Палата в царском тереме

Годунов, в раздумье, сидит у стола. Близ него стоят Луп-Клешнин и князь Туренин. У двери дожидается Старков.

Клешнин (к Старкову).

И ты во всем свидетельствовать будешь?

Старков.

Во всем, во всем, боярин! Хоть сейчас
Поставь меня лицом к царю!

Клешнин.

Добро!

Ступай себе, голубчик, с нас довольно!

Старков уходит.

(К Годунову.)

Что? Каково? Сестру, мол, в монастырь,

А брата побоку! И со владыкой

Идут к царю!

Годунов (в раздумье).

Семь лет прошло с тех пор,

Как царь Иван преставился. И ныне,
Когда удара я не отведу,
Земли едва окрепшее строенье,
Все, что для царства сделать я успел, —
Все рушится – и снова станем мы,
Где были в ночь, когда Иван Васильич
Преставился.

Клешнин.

Подкопы с двух сторон
Они ведут. Там, в Угличе, с Нагими
Спознался их сторонник Головин,
А здесь царя с царицею разводят.
Не тут, так там; коль не мытьем удастся,
Так кáтаньем!

Туренин (к Годунову).

Боярин, не давай
Им с челобитием идти к царю!
Его ты знаешь; супротив попов,
Пожалуй, он не устоит.

Клешнин.

Пожалуй!
Рассчитывать нельзя. Покойный царь

Пономарем его недаром звал.
Эх, батюшка ты наш, Иван Васильич!
Когда б ты здравствовал, уж как бы ты
И Шуйских и Нагих поуспокоил!

Годунов.

Из Углича к нам не было вестей?

Клешнин.

Не получал. Пусть только Битяговский
Ту грамоту пришлет, что Головин
Писал к Нагим, уж мы скрутили б Шуй-
ских!

Туренин.

А если он сам от себя ворует?

Клешнин.

Нам нет нужды! С той грамотой они
У нас в руках.

Туренин.

Твоими бы устами
Пришлось мед пить. У меня ж со князем
Иван Петровичем старинный счет:

Когда во Пскове с голоду мы мерли,
А день и ночь нас осыпали ядра
Каленые, я, в жалости души
И не хотя сидельцев погубленья,
Дал им совет зачать переговоры
С Батуром-королем. Но князь Иван
На шею мне велел накинуть петлю
И только по упросу богомольцев
Помиловал. Я не забыл того
И вотчины свои теперь бы отдал,
Чтобы на нем веревку увидеть!

Клешнин.

Ему б к лицу! С купцом, со смердом ласков,
А с нами горд. Эх, грамоту б добыть!

Туренин (к Годунову).

Твоя судьба висит на волоске —
Тебе решиться надо!

Годунов (вставая).

Я решился.

Туренин.

На что?

Годунов.

На мир.

Туренин и Клешнин (вместе).

Как? С Шуйскими на мир?

Годунов.

Мы завтра же друзьями учинимся.

Туренин.

Врагам своим ты хочешь уступить?

Ты согласишься поделиться с ними

Своею властью?

Клешнин.

Батюшка, дозвожь

Тебе сказать: ты не с ума ли спятил?

Ведь ты козла в свой пустишь огород!

Годунов.

Когда, шумя, в морскую бурю волны

Грозят корабль со грузом поглотить, —

Безумен тот, кто из своих сокровищ

Не бросит часть, чтоб целое спасти.

Часть прав моих в пучину я бросаю,
Но мой корабль от гибели спасаю!

Клешнин.

А как сойдешься с ними ты? С повинной
К ним, что ль, пойдешь? Аль их к себе
попросишь?

Кто мир устроит между вас?

Годунов.

Сам царь.

Стольник отворяет дверь.

Туренин.

А вот и царь!

Входит царь Федор. За ним стремянный.

Федор.

Стремянный! Отчего
Конь подо мной вздыбился?

Стремянный.

Государь,

Ты, вишь, в мошну за деньгами полез
Для нищего, конь подался вперед,
Ты ж дернул за поводья, конь с испугу
И стал дыбиться.

Федор.

Самого меня
Он испугал. Стремянный, не давать
Ему овса! Пусть сено ест одно!

Клешнин.

А я бы, царь, стремянного приструнил,
Чтоб милости твоей таких не смел
Он бешеных давать коней!

Стремянный.

Помилуй,
Какой же бешеный он конь? Ему
Лет двадцать пять. На нем покойный царь
Еще ездил.

Федор.

Я, впрочем, может быть,
Сам виноват. Я слишком сильно стиснул
Ему бока. Ты говоришь, с испугу

Вздыбился он?

Стремянный.

С испугу, государь!

Федор.

Ну, так и быть, уж я его прощу;
Но ездить я на нем не буду боле.
В табун его! И полный корм ему
Давать по смерть!

Из другой двери входит царица Ирина.

Аринушка, здорово!

Ирина.

Здорово, свет! Никак, ты уморился?

Федор.

Да, да, устал. От самого Андронья
Все ехал рысью. Здесь же, у крыльца,
Конь захотел меня сшибить, да я
Дал знать себя! Бока ему как стиснул,
Так он и стих. Аринушка, я чаю,
Обед готов?

Ирина.

Готов, свет-государь,
Покушай на здоровье!

Федор.

Как же, как же!

Сейчас пойдем обедать. Я от этой
Езды совсем проголодался. Славно
Трезвонят у Андронья. Я хочу
Послать за тем пономарем, чтоб он
Мне показал, как он трезвонит... Ну,
Аринушка, какую у Андронья
Красавицу я видел! Знаешь кто?
Мстиславская! Она пришлася Шуйским
Племянницей. Видал ее ты, шурин?

Годунов.

Нет, государь; мы с Шуйскими давно уж
Не видимся.

Федор.

Жаль, шурин, очень жаль!..
Высокая, и стройная такая,
И белая!

Ирина.

Да у тебя уж, Федор,
Зазнобы нет ли к ней?

Федор.

И брови, знаешь,
Какие у нее!

Ирина.

Да ты и впрямь
Уж много говоришь о ней!

Федор (лукаво).

А что ж,
Аринушка? Ведь я еще не стар,
Ведь я еще понравиться могу!

Ирина.

Стыдись, она невеста!

Федор.

Да, она
Посватана за Шаховского. Шурин,
Ты Шаховского знаешь, князь Григорья?

Годунов.

Знавал когда-то, царь, но он ведь ныне
Сторонник Шуйских.

Федор.

Шурин, даже грустно
Мне слышать это: тот сторонник Шуйских,
А этот твой! Когда ж я доживу,
Что вместе все одной Руси лишь будут
Сторонники?

Годунов.

Я рад бы, государь,
За мной не стало б дело, если б знал я,
Как помириться?

Федор.

Право, шурин? Право?
Зачем же ты мне прежде не сказал?
Я помирю вас! Завтра же тебя
Я с князь Иван Петровичем сведу!

Годунов.

Царь, я готов, но, кажется...

Федор.

Ни-ни!

Ты этого, Борис, не разумеешь!

Ты ведай там, как знаешь, государство,

Ты в том горазд, а здесь я больше смыслю,

Здесь надо ведать сердце человека!..

Я завтра ж помирю вас. А теперь

Пойдем к столу.

(Направляется к двери и останавливается.)

Аринушка, послушай:

А ведь Мстиславская-то на меня

Смотрела в церкви!

Ирина.

Что ж мне делать, Федор,

Такая, видно, горькая уж доля

Мне выпала!

Федор (обнимая ее).

Родимая моя!

Бесценная! Я пошутил с тобою!

Да есть ли в целом мире кто-нибудь,
Кого б ты краше не была? Пойдем же,
Пойдем к столу, а то обед простынет!

(Уходит.)

Ирина следует за ним. Годунов, Клешнин и Туренин идут за обоими.

Клешнин (к Годунову, уходя).

Миришься ты? В товарищи возьмешь ты
Исконного, заклятого врага?

Туренин.

Того, кем ты всех боле ненавидим?
А после что ж?

Годунов.

А после – мы увидим!

Уходят.

Действие второе

Царская палата

Царь Федор сидит в креслах. По правую его руку Ирина вышивает золотом в пальцах. По левую – сидят в креслах Дионисий, митрополит всея Руси; Варлаам, архиепископ Крутицкий; Иов, архиепископ Ростовский, и Борис Годунов. Кругом стоят бояре.

Федор.

Владыко Дионисий! Отче Иов!

Ты, отче Варлаам! Я вас позвал,

Святители, чтоб вы мне помогли

Благое дело учинить: давнишних

Мне помогли бы помирить врагов!

Вам ведомо, как долго я крушился,

Что Шуйские, высокие мужи,

И Годунов Борис, мой добрый шурин,

Напрасною враждой разделены.

Но, видно, внял Господь моим молитвам,

Дух кротости в Бориса он вложил.

И вот, он сам мне обещал сегодня

Забуть свои от недругов досады

И первый Шуйским руку протянуть.

Не так ли, шурин?

Годунов.

Твоему желанью

Повиноваться – долг мой, государь!

Федор.

Спасибо, шурин! Ты Писанье помнишь

И свято исполняешь. Только вот

О Шуйском я хотел тебе сказать,

О князь Иван Петровиче: он нравом

Немного крут, и горд, и щекотлив;

Так лучше б вам помене говорить бы,

А чтобы ты к нему бы подошел,

И за руку бы взял его – вот этак, —

И только бы сказал, что все забыто

И что отныне ты со всеми ими

В согласии быть хочешь.

Годунов.

Я готов.

Федор.

Спасибо, шурин! Он ведь муж военный,

Он взрос в строю, среди мечей железных,

Пищалей громоносных, страшных копий
И бердышей! Но он благочестив
И, верно, уж на ласковую речь
Податлив будет.

(К Дионисию.)

Ты ж, святой владыко,
Лишь только за́ руки они возьмутся,
Их поскорей благослови и слово
Спасительное тотчас им скажи!

Дионисий.

Мой долг велит мне, государь, о мире
Вещать ко всем, а паче о Христовой
Пещися церкви. Аще не за церковь
Князь Шуйский спорит с шурином твоим,
Его склонять готов я к миру.

Федор.

Отче,
Мы все стоим за церковь! И Борис,
И я, и Шуйский – все стоим за церковь!

Дионисий.

Великий царь, усердие твое
Нам ведомо; дела же, к сожаленью,
Не все исходят от тебя.

(Смотрит на Годунова.)

Намедни
Новгородские купцы, которых
За ересь мы собором осудили,
Свобождены и в Новгород обратно,
Как правые, отпущены, к соблазну
Всех христиан.

Годунов.

Владыко, те купцы
С немецкими торгуют городами
И выгоду приносят государству
Немалую. Мы с ними разорили б
Весь Новгород.

Дионисий.

А ересь ни во что
Ты ставишь их?

Годунов.

Избави Бог, владыко!

Уж царь послал наказы воеводам
Той ереси учителей хватать.
Но соблазненных отличает царь
От соблазнительей.

Федор.

Конечно, шурин!
Но самых соблазнительей, владыко,
Ни истязать не надо, ни казнить!
Им перед Богом отвечать придется!
Ты увещал бы их. Ведь ты, владыко,
Грамматиком недаром прозван мудрым!

Дионисий.

Мы делаем, сколь можем, государь,
Чрез увещанья. Но тебе еще
Не все известно: старосты губные
И сборщики казенных податей
В обители входить святые стали,
И в волости церковные въезжать,
И старые с них править недоборы,
Забутые от прежних лет!

Годунов.

Владыко,

Великий царь предупредил твое
Печáлованье. Чтó нас крайность сделать
Заставила, уж то не повторится.

(Подает ему грамоту.)

Вот грамота, владыко, о невъезде
В именья церкви никаким чином
И о решенье всяких дел не царским,
Но собственным твоим судом.

Федор.

Да, отче,
Он написал ее, а я печать
Привесил к ней!

Дионисий (пробегает грамоту).

Блаженны миротворцы!
Когда правитель обещает мне
И в остальных статьях все льготы церкви,
Ее права и выгоды блюсти —
То прошлое да будет позабыто!

Федор.

Так, так, владыко! Отче Варлаам,
Ты помоги владыке!

Варлаам.

Государь,

Что в деле сем святой владыко скажет,

Я повторю охотно.

Федор.

Отче Иов,

И на тебя рассчитываю я!

Иов.

Правитель твой, великий государь,

Незлобия и мудрости исполнен,

А наше дело Господу молиться

О тишине и мире!

Федор.

И тебя,

Аринушка, прошу я: если Шуйский

Упрется, ты приветливое слово

Ему скажи. Оно ведь много значит

Из женских уст и умягчает самый

Суровый нрав. Я знаю по себе:

Мужчине я не уступлю ни в чем,

А женщина попросит иль ребенок,

Все сделать рад!

Ирина.

Мой царь и господин,
Как ты велишь, так мы и будем делать;
Но наше слово, против твоего,
Что может значить? Если только ты
Им с твердостью скажешь, что их распря
Тебя гневит, то князь Иван Петрович
Ослушаться тебя не будет властен.

Федор.

Да, да, конечно, я ему велю,
Я прикажу ему! А вы, бояре,
Скорей зачните с ними разговор;
Не стойте молча; хуже нет того,
Как если два противника сошлись,
Уж помирились, смотрят друг на друга,
А все молчат...

Клешнин.

Мы рады говорить бы,
Царь-государь, когда б его лишь милость,
На Шуге князь, нам рты разинуть дал!

Федор.

Что ты понес? Какой он князь на Шуе?

Клешнин.

А то, что он себя удельным князем,
А не слугой царевым держит – вот что!

Кн. Хворостинин.

Твой дядька, царь, простить не может
Шуйским,
Что за Нагих вступаются они.

Головин.

И что тебя хотели б упросить
Царевича взять на Москву обратно.

Федор.

Димитрия? Да я и сам бы рад!
Сердечный он! Ему, я чай, там скучно,
А я-то здесь его бы потешал:
И скоморохов показал смешных бы,
И бой медвежий! Я просил Бориса,
Не раз просил, да говорит: нельзя!

Клешнин.

И в том он прав! Твой батюшка покойный

Нагим недаром Углич указал;
Он знал Нагих, он воли не давал им,
И шурин твой на привязи их держит!

Федор.

Негоже ты, Петрович, говоришь,
Они дядья царевичу, Петрович!

Клешнин.

Царевичу! Да нешто он царевич?
И мать его, седьмая-то жена,
Царица нешто? Этаких цариц
При батюшке твоём понабралось бы
И более, пожалуй!

Федор.

Полно, полно!
Мне Митя брат, ему ж дядья Нагие,
Так ты при мне порочить их не смей!

Клешнин.

А что же мне, хвалить их, что они
Тебя долой хотели бы с престола,
А своего царенка на престол?

Федор.

Как смеешь ты?

Клешнин.

И Шуйских тож хвалить,
Что заодно идут они с Нагими?

Федор.

Я говорю тебе: молчи! молчи!
Сейчас молчи!

Клешнин (отходя к окну).

Ну, что ж? И замолчу!

Федор (к Годунову).

Не позволяй ему в другой раз, шурин,
Порочить мачеху и брата!

Годунов.

Царь,
Он человек усердный и простой!
Крики на площади.

Клешнин (глядя в окно).

Ну, вон идут!

Федор.

Кто?

Бояре (смотрят в окно).

Шуйские идут!

Федор (подходит к окну).

Как? Уж пришли?

Клешнин.

Да, вот уж у крыльца!

Крики слышны громче.

Вишь, впереди идет Иван Петрович,

А круг его валит с купцами чернь!

Ишь, голоса и шапки вверх кидают!

Еще, еще! Стрельцов сбивают с ног!

Держальников оттерли! Подхватили

Его под руки! Эвот, по ступеням

Его ведут! Небось и государя

Так не честят они!

Федор.

Смотри же, шурин,
Не забывай, что ты мне обещал!
Аринушка, – смотри же, замечай!
Коль, неравно, у них пойдёт негладко,
Ты помоги! Отцы мои, – я паче
На вас надеюсь!

(Возвращается поспешно на свое место.)

Стольник (отворяя дверь).
Князь Иван Петрович!

Входят Шуйские; за ними Мстиславский,
Шаховской и другие.

Клешнин (тихо к Туренину, глядя на Шуйских).

Ишь, как идут! И шеи-то не гнутся!

Кн. Иван Петрович (опускаясь на колени).

Великий царь! По твоему указу
Пред очи мы явились твои!

Федор.

Встань, князь Иван Петрович! Встань скорее!

Тебе так быть негоже!

(Поднимает его.)

Мы с царицей

Давно тебя не видим. Ты, должно быть,
Семейным делом занят? Мне сказали:
Племянницу ты замуж выдаешь?

Кн. Иван Петрович.

Так, государь.

Федор.

Я рад, я очень рад!

Я поздравляю вас! Так вот я, князь,

Хотел сказать тебе, что мы давно

Тебя не видим, впрочем, может быть,

Тебе не время? Это сватовство —

Ты оттого и в Думу, вероятно,

Давно уже не ходишь?

Кн. Иван Петрович.

Государь,

Мне в Думе делать нечего, когда
Дела земли вершит уже не Дума,
А шурин твой. Поддакивать ему
Довольно есть бояр и без меня!

Федор.

Иван Петрович! Мне прискорбно видеть,
Что меж тобой и шурином моим
Такое несогласье учинилось!
Нам сам Господь велел любить друг друга!
Велел, владыко?

Дионисий.

Истинно велел!

Федор.

Вот видишь, князь? Что говорит апостол
В Послании к коринфянам? «Молю вы...»
Как дальше, отче Варлаам?

Варлаам.

«Молю вы,
Да тожде вы глаголете, да распри
Не будут в вас, да в том же разуменье
И в той же мысли будете!»

Федор.

Вот видишь!

А как в своем Послании соборном
Апостол Петр сказал? «Благоутробни...»
Как дале говорит он, отче Иов?

Иов.

«Благоутробни будьте, братолюбцы,
Не воздающе убо зла за зло,
Ни досаждения за досажденье!»
И шурин твой, великий государь,
Апостольское слово исполняет
Воистину!

Федор.

Да, отче Иов, да!

Ты, князь Иван Петрович, будь уверен,
Он чтит тебя, – мы все твои заслуги
Высоко чтим... так, видишь ли, когда бы
Ты захотел... когда бы ты с Борисом...
(Тихо к Годунову.)

Кончай же, шурин!

Годунов.

Князь Иван Петрович!

Уже давно о нашей долгой распре
Крушуся я. Коль ты забыть согласен
Все прошлое, я также все забуду
И рад с тобой и с братьями твоими
Быть заодин. И с тем на примиренье
Тебе я руку подаю!

Кн. Иван Петрович (отступая).

Боярин,
Упорно слишком враждовали мы,
Чтобы могли теперь без договора
Сойтись вдруг!

Годунов.

Какого договора
Ты хочешь, князь?

Кн. Иван Петрович.

Боярин Годунов!
Виню тебя, что ты нарушил волю
И завещание царя Ивана
Васильича, который, умирая,
Русь пятерым боярам приказал!
Один был – я; другой – Захарьин-Юрьев;

Мстиславский – третий; Бельский был четвертый,

А пятый – ты. Кто ж ныне, говори,
Кто государством правит?

Годунов.

Царь Феодор
Иванович, его же царской воли
Я исполнитель.

Кн. Иван Петрович.

Не хитри, боярин!
Его ты волей завладел лукаво!
Едва лишь царь преставился Иван,
Ты Бельского в изгнание услад,
Мстиславского насильно ты в монахи
Велел постричь; от Юрьева ж, Никиты
Романыча, избавили тебя
Болезнь и смерть. Остались мы оба,
Но ты, со мной совета избегая,
Своим высоким пользуясь свойством,
Стал у царя испрашивать указы,
На что хотел, вступаться начал смело
В права бояр, в права людей торговых
И в самые церковные дела.

Роптали все...

Годунов.

Князь, дай мне слово молвить...

Кн. Иван Петрович.

Роптали все. Но имя государя
Тебе щитом служило; мы же дело
Получше знали; люди на Москве
К нам мыслили – и мы за правду встали,
Мы, Шуйские, а с нами весь народ.
Вот нашей распри корень и начало.
Я все сказал. Пускай же в этом деле
Нас царь рассудит!

Годунов.

Князь Иван Петрович!

Великий царь меж нас желает мира,
Твоя же речь враждою дышит, князь;
Негоже мне упреком на упреки
Ответствовать, но оправдаться должен
Я пред тобой. Меня винишь ты, князь,
Что я один вершу дела? Но вспомни:
Хотел ли ты со мною совещаться?
Не ты ль всегда мой голос отвергал?

И, не снося ни в чем противоречья,
Не удалился ль ты от нас? Тогда
Великий царь, твою холодность видя,
Мне одному всю землю поручил.
Я ж, не в ущерб воистину для царства,
Ее приял. Война с Литвою миром
Окончена, а королю ни пяди
Не уступили русской мы земли.
В виду Орды мы подняли на хана
Племянника его, и хан во страхе
Бежал назад. Мы черемисский бунт
Утишили. От шведов оградились
Мы перемирьем. С цесарем немецким
И с Данией упрочили союз,
А с Англией торговый подписали
Мы договор, быть может негодный
Гостям московским, но обильный выгод
Для всей земли. И в самое то время,
Когда уж Русь от смут и тяжких бедствий
В устройство начинала приходить,
Ты, князь, – я то тебе не в укоризну
Теперь скажу, – ты, с братьями своими,
Вы собирали в скоп народ московский
И черный люд вы тайно научали
Бить государю на меня челом!

Кн. Андрей Шуйский (выступает вперед).

Не за себя мы поднялись, боярин!
Когда ломать ты начал государство,
За старину с народом встали мы!

Кн. Дмитрий Шуйский.

Таких досад, как от тебя, боярин,
И при Иване не было царе!

Кн. Иван Иванович Шуйский.

Покойный царь был грозен для окольных;
Кто близок был к нему, тот и дрожал;
Кто ж был далек, тот жил без опасенья
По своему обычаю. Ты ж словно
Всю Русь опутал сетью, и покоя
Нет от тебя нигде и никому!

Годунов.

Когда земля, по долгом неустройстве,
В порядок быть должна приведена,
Болезненно свершается целенье
Старинных ран. Чтоб здание исправить,
Насильственно коснуться мы должны
Его частей. Но милостию Божьей

Мы неизбежную страданья пору
Уж перешли, и мудрость государя
Сознали все; вы только лишь одни,
Вы, Шуйские, противитесь упорно
И жизни новой светлое течение
Отвлечь хотите в старое русло!

Кн. Иван Петрович.

Лишь мы одни? Владыко Дионисий!
Скажи ему, одни ли о насильях
Мы вопием Христовой церкви?

Дионисий.

Княже,
С правителем до твоего прихода
Мы говорили. Все, о чем с тобою
Скорбели мы, – он отменил.

Кн. Иван Петрович.

Нечисто!

Годунов.

А в остальном надеюсь я с вами,
Князь, сойтись. Уж миновала ныне
Пора волнений; в уровень законный

Вошла земля, и не о чем нам спорить.
Ей вместе мы теперь послужим лучше,
Чем мог бы я один.

Дионисий.

Такое слово

Смиренномудренно. Совет наш, княже,
Не продолжать вам распри, несогласной
С учением Спасителя и вредной
Для государства.

Федор.

Отче, я уверен,

Они того не захотят! Не правда ль?
Не правда ль, князь? Вот и моя царица
Тому не верит. Что же ты молчишь,
Аринушка?

Ирина (продолжая вышивать).

Не верится мне вправду,

Что долго так князь Шуйский заставляет
Себя просить о том, что государь
Ему велеть единым может словом.

(Смотрит на Шуйского.)

Скажи мне, князь, когда бы ты теперь

Не пред царем Феодором стоял,
Но пред отцом его, царем Иваном,
Раздумывал бы столько ты? Ужели ж
За то, что царь с тобою так негневен,
Так милостив, так многотерпелив,
Свой долг пред ним забудешь ты?

Кн. Иван Петрович.

Царица,

Я говорил пред государем ныне,

Как говорил бы пред его отцом.

И прежде чем от мысли отказаться,

На плаху я скорее бы пошел.

Но мне навряд бы при царе Иване

Так говорить пришлось – затем, что вряд

бы

Покойный царь так беззаботно отдал

Из рук своих в чужие руки власть!

Ирина.

Когда во Пскове, князь Иван Петрович,

Ты, окружен литовцами, сидел

И мужеством своим непобедимым

Так долго был оплотом для Руси, —

Я за твое спасенье и здоровье

Дала тогда молитвенный обет:
На раку, где покоятся во Пскове
Святые мощи Всеволода-князя,
Вот этот вышить золотой покров.
Я шью давно – и вот моя работа
К концу подходит. Но ужель она,
Начатая во здравие того,
Кто землю спас, окончится, когда
Противником он станет государству?

(Встает и подходит к Шуйскому.)

Ужели тот, за чье спасенье я
Так горячо со всей молилась Русью,
Ее покой упорством возмутит?
Прошу тебя, не омрачи напрасно
Своей великой славы! Покорись
Святителям и царскому веленью!
Князь-государь,
(кланяется ему в пояс)
моим большим поклоном
Прошу тебя, забудь свою вражду!

Кн. Иван Петрович (в волнении).

Царица-матушка! Ты на меня
Повеяла как будто тихим летом!
Своим нежданном, милостивым словом

Ты все нутро во мне перевернула!
Как устоять перед тобой? Поверь,
Веленье государево исполнить
Я рад душой; но наперед дозвожь мне
Сказать два слова брату твоему.

(К Годунову.)

Не в первый раз, боярин, хитрой речью
Обходишь ты противников своих.
Какой залог нам дашь ты, что не хочешь
Нас усыпить, чтоб тем вернее после
Погибель нашу уготовить?

Годунов.

Князь,
Залогом вам мое да будет слово
И вместе с ним ручательство царя.

Федор.

Да, да, князья, я за него ручаюсь!

Кн. Иван Петрович.

Какая участь ожидает тех,
Которые, защите нашей веря,
К нам мыслили?

Годунов.

Их ни единый волос
Не упадет, и ни единым пальцем
Не тронут их.

Кн. Иван Петрович.

И будешь ты на том
Крест целовать пред государем?

Годунов.

Буду!

Кн. Иван Петрович (к боярам, пришедшим с ним).

Как мыслите?

Бояре.

На что согласен ты,
Мы все согласны!

Кн. Иван Петрович (к Годунову).

Вот моя рука!

Федор.

Друзья мои! Спасибо вам, спасибо!

Аринушка, вот это в целой жизни
Мой лучший день! Владыко Дионисий, —
Крест им скорее! Крест!

Дионисий берет со стола крест и подает
сперва Шуйскому, потом Годунову.

Кн. Иван Петрович.

Клянусь отныне

Не враждовать ни мыслию, ни делом

К великому боярину, к Борису

Феодорычу Годунову; в том же

Я за себя, и за своих за братьев,

И за сторонников за наших всех,

За всех бояр и всех людей торговых

Целую крест Спасителя Христа!

(Прикладывается ко кресту.)

Годунов.

Целую крест, что с Шуйскими отныне

Мне пребывать в согласье и в любви,

Без их совета никакого дела

Не начинать, сторонникам же их —

Князьям, боярам и торговым людям —

Ничем не мстить за прежние вины!

(Прикладывается ко кресту.)

Федор.

Вот это так! Вот это значит: прямо
Писание исполнить! Обнимитесь!
Вот так! Ну, что? Ведь легче стало? Легче?
Не правда ли?
Крики на площади.
О чем они кричат?

Кн. Иван Петрович.

Должно быть, царь, хотелось бы узнать им,
Чем кончилась сегодня наша встреча
С боярином. Дозволь, я выйду к ним.

Федор.

Нет, нет, останься! Сами пусть они
Сюда придут. Пусть умилятся, глядя
На ваше примиренье!

(К Клешнину.)

Выдь, Петрович,
Выдь на крыльцо и приведи их!

Клешнин.

Всех?
Да их, я чай, там сотен будет с двадцать,

Аршинников!

Федор.

Зачем же всех? Зачем?

Пусть выборных пришлют!

Клешнин уходит.

Я с ними, шурин,

И не охотник, правда, говорить,

Когда они обступят вдруг меня

На выходе, кто с жалобой, кто с просьбой,

И стукотня такая в голове

От них пойдет, как словно тулумбасы

В ней загремят; терпеть я не могу!

Стоишь и смотришь и не знаешь ровно,

Что́ отвечать? Но здесь другое дело,

Я рад их видеть!

Годунов.

Государь, боюсь,

Тебе их вздорных жалоб не избыть;

Народ докучлив. Лучше прикажи мне,

Я выйду к ним!

Клешнин (возвращаясь).

Царь! Выборные люди!

От всех купцов, лабазников, ткачей,
И шорников, и мясников, которых
Привел с собой князь Шуйский! Вот они!

Выборные (входят и становятся на колени).

Царь-государь! Спаси тебя Господь,
Что светлые свои повидеть очи
Ты нас пожаловал!

Федор.

Вставайте, люди!

Я рад вас видеть. Я послал за вами,
Чтоб вам сказать... да что ж вы не встаете?
Я осерчаю!

Выборные встают, исключая одного старика.

Что же ты, старик?

Что ж не встаешь?

Старик.

И рад бы, государь,
Да не смогу! Вишь, на колени стать-то —
Оно кой-как и удалось, а вот
Подняться-то не хватит силы! Больно

Уж древен стал я, государь!

Федор (к другим).

Возьмите ж

Его под руки, люди!

Двое купцов поднимают старика.

Ну, вот так!

Ты, дедушка, себя не утрудил ли?

Кто ты?

Старик.

Богдан Семенов Курюков,

Московский гость!

Федор.

Который год тебе?

Курюков.

Да будет за сто, государь! При бабке

Я при твоей, при матушке Олене

Васильевне, уж денежником был,

Чеканил деньги по ее указу

Копейные, на коих ноне князь

Великий знатен с копием в руке;

Оттоль они и стали называться

Копейными. Так я-то, государь,
В ту пору их чеканил. Лет мне будет,
Пожалуй, за сто!

Федор.

Дедушка, да ты
Шатаешься! Бояре, вы б ему
Столец подставили!

Курюков.

Помилуй, царь!
Как при твоей мне милости сидеть!

Федор.

Да ты ведь больно стар, ведь ты, я чаю,
Уж много видел на своем веку?

Курюков.

Как, батюшка, не видеть! Всяко видел!
Блаженной памяти Василья помню
Иваныча, когда свою супругу
Он, Соломонью Юрьевну, постриг,
Неплодья ради, бабку же твою,
Олену-то Васильевну, поял.
Тогда народ, вишь, на́дво разделился:

Кто, вишь, стоял за бабку за твою,
Кто за княгиню был за Соломонью.
А в те поры и меж бояр разрухи
Великие чинились; в малолетство
Родителя, вишь, твоего, Ивана
Васильича, тягались до зареза
Князья Овчины с Шуйскими-князьями,
А из-за них и весь московский люд.
А наш-то род всегда стоял за Шуйских,
Уж так у нас от предков повелось.
Бывало, слышишь: бьют в набат у Спаса —
Вставай, купцы! Вали к одной за Шуйских!
Тут поскорее лавку на запор,
Кафтан долой, захватишь что попало,
Что Бог послал, рогатину ль, топор ли,
Бежишь на площадь, ан уж там и валка;
Одни горланят: «Телепня-Овчину!»
Другие: «Шуйских!» – и пошла катать!

Федор.

То грех великий, дедушка!

Курюков.

А вот,

Как в возраст стал твой батюшка входить,

Утихло все.

Клешнин.

Что? Видно, не шутил?

Курюков.

Избави Бог! Был грозный государь!

При нем и все бояре приутихли!

При нем беда! Глядишь, столбов наставят

На площади; а казней-то, и мук,

И пыток уж каких мы насмотрелись!

Бывало, вдруг...

Федор.

Я, дедушка, позвал вас,

Чтоб вам сказать...

Курюков.

Бывало, грянут бубны,

Чтобы народ на площадь шел...

Федор.

Я вас

Велел позвать...

Курюков.

Тут, хочешь аль не хочешь —
Неволею идешь...

Молодой купец (дергая его за полу).

Богдан Семеныч!
Царь говорит с тобой!

Курюков.

Постой, племянник,
Дай досказать. Вот мы придем на площадь,
Ан там стоят...

Федор (к молодому).

Так ты – ему племянник?

Молодой.

Да, государь, я внучатный ему
Племянник есть!

Курюков.

Ан там уж палачи
Стоят и ждут...

Молодой (дергая его за полу).

Богдан Семеныч! Что ты?

Федор (к молодому).

Твое лицо мне кажется знакомо?

Курюков.

С секирами...

Федор (к молодому).

Где видел я тебя?

Молод ой.

А о Миколе мы, великий царь,
Твое здоровье тешили: медвежий
Тогда был бой, а я медведя принял,
И милость мне твоя поднесть велела
Стопу вина!

Курюков.

С секирами стоят...

Федор.

Да что ты, дедушка, одно наладил!
Что, в самом деле? Что тут вспоминать?
С секирами! С секирами! Не дашь

Мне слова вымолвить!

(К молодому.)

Так ты тот самый,

Что запорол медведя? Помню, помню!

Аринушка! Вот это тот купец,

О ком тебе рассказывал я, знаешь?

Синельников – ведь так тебя зовут?

Молодой.

Красильников, великий государь,

Иван Артемов!

Федор.

Да, да-да, да-да!

Красильников! Аринушка, представь:

Медведь к нему так близко подошел,

Так близко – вот как ты теперь, владыко,

Ко мне стоишь, а он шагнул вот этак,

Да изловчил рогатину, да разом

Вот так ее всадил ему в живот!

Медведь-то прет, да все ревет: уу!

Да загребает лапами его,

Вот так его, владыко, загребает,

Пока совсем не выбился из сил

И на бок не свалился!

Годунов.

Государь,

Ты этим людям повестить хотел

О нашем примиренье.

Федор (к Красильникову).

У тебя

Был брат еще, который Шаховского

В бою кулачном одолел?

Красильников.

Он мне

Двоюродный есть брат, царь-государь,

Микитой Голубем зовут.

(Оборачивается к своим.)

Микита!

Слышь, выходи к царю!

Голубь выступает вперед и кланяется.

Федор.

Здорово, Голубь!

Что, как живешь? Что сила-то? Что сила?

Не голубиная в тебе, чай, сила?

Не по прозванию?

Голубь.

Жаловаться грех,
Царь-государь, Господь нас не обидел,
Мы силою своей довольны!

Федор (к Шаховскому).

Князь!
Узнал его?

Шаховской.

Как друга не узнать!
Ведь ты ребро сломил мне, Голубь, гладко!
По милости твоей недели три
Я пролежал!

Голубь (кланяясь).

Усердно, князь Григорий
Петрович, здравствуем тебе! Даст Бог,
В Великий пост мы на Москве-реке
Еще с тобою встретимся на славу —
Авось твоя удача будет!

Шаховской.

Что ж,

Я встретиться всегда с тобою рад —
Теперь держись!

Голубь.

А что поставишь, князь?

Шаховской.

Чеканный ковш! А ты?

Голубь.

Соболью шапку!

Ирина (к Федору).

Свет-государь, не позволяй им биться;
Час не ровён, недолго до беды!

Федор.

Ты думаешь, Аринушка?
(К Шаховскому и Голубю.)

Смотрите ж,

Не крепко бейтесь! Паче же всего
Под ложку берегитесь бить друг друга,
То самое смертельное есть место!

Кн. Иван Петрович.

Великий царь, дозволю, я повещу им,
Зачем ты их позвать велел!

Федор.

Ну, ну,
Добро, скажи им!

Кн. Иван Петрович.

Выборные люди!
Вам ведомо да будет, что боярин
Борис Феодорович Годунов
И я, князь Шуйский, с братьями моими,
Мы учинились в мире и в ладу
И обещали клятвою друг другу,
Чтобы ни нам, ни нашим меж собою
Сторонникам не враждовать отныне,
А быть в согласье!

Голубь – отец.

Князь Иван Петрович!
Да как же это? Мы с тобою шли,
А ты нас бросил?

Кн. Иван Петрович.

Я не бросил вас!

Мне обещал боярин без меня
Не начинать отныне ничего —
А я всегда за вас стою!

Красильников.

Эй, князь,
Остерегись!

Голубь – сын.

Эй, не мирися, князь!

Голубь – отец.

Не выдавай нас, князь Иван Петрович!

Кн. Иван Петрович.

Не бойтесь, люди! Мне боярин клятву
Святую дал, что никого из вас
Не тронет он ни пальцем!

Голос (позади других).

Дать-то клятву
Он даст ее, да сдержит ли?

Курюков.

Поволь

Худое слово, князь Иван Петрович,
Мне, старику, по-старому сказать!
Когда твои нас деды подымали
На Телепня-Овчину, при Олене
Васильевне, при бабке государя,
Они за нас, а мы за них тогда
Держались крепко; тем-то и силен
Твой дедушка Василий был Васильич!
А если б он на мир пошел с Овчиной,
Пропал бы он и мы пропали б с ним!

Голубь – отец.

Когда ты, князь, с врагом своим исконным
Хотел мириться, незачем нас было
И подымать!

Голубь – сын.

Эх, князь Иван Петрович!
Вы нашими миритесь головами!

Кн. Иван Петрович (гневно).

Молчи, щенок! Знай бейся на кулачках,
О деле ж дай старейшим говорить!
Как смеете не верить вы ему,
Когда он крест – вы слышите ли? – крест

В том целовал?

Годунов (тихо к Клешнину).

Заметь их имена

И запиши.

Выборные между тем совещались между собой и все разом подходят к Федору.

Выборные.

Царь-государь! Помилуй!

Не дай погибнуть нашим головам!

Царь-государь! Помилуй! Защити!

Помилуй, государь! Не оставляй нас.

Теперь пропали мы!

Федор.

Да что вы? Что вы?

С чего вы взяли? От кого мне, люди,

Вас защищать?

Голубь – отец.

От шурина твоего!

От Годунова, государь!

Голубь – сын.

Твой шурин
Ведь нас теперь совсем заест!

Федор.

Как можно!

Кто вам сказал? Мой шурин любит вас!
Ты им скажи, Борис, что ты их любишь!
Вот он сейчас вам скажет! Он вам все,
Все растолкует! Мне же самому,
Мне некогда теперь!

(Хочет уйти.)

Выборные обступают его.

Выборные.

Царь-государь!

Одна надежда наша на тебя!

Мы дурна не чинили! Мы за Шуйских,
За слуг твоих, стояли! Прикажи,
Чтоб нас Борис Феодорыч не трогал!
Вели ему!

Федор.

Да, хорошо! Пустите!

Мне некогда! Скажите все Борису!
Ему скажите!

Выборные.

Как же, государь,

Ему же мы да про него же скажем?

Яви нам милость! Выслушай нас, царь!

Дозволь тебе...

Федор (затыкая уши).

Ай-ай, ай-ай, ай-ай!

Скажите всё Борису! Всё Борису!

Мне некогда! Скажите всё Борису!

(Уходит, держа пальцы в ушах.)

Выборные с недоумением смотрят друг на друга.

Действие третье

Ночь. Сад князя Ивана Петровича Шуйского

Василиса Волохова (выходит из дому).

Ну, темь так темь! Ни звездочки не видно!

Пора б ему прийти! Уж он не там ли,
Не за оградой ли стоит?

(Подходит к калитке и говорит шепотом.)

Князь! Князь!

Нет никого! Прислушаться, нейдет ли?

Эх, соловьи проклятые мешают!

Расщелкались! Не слышно ничего!

Вот что-то хрустнуло! Идет, должно быть!

(Оборачивается назад и говорит шепотом.)

Княжна! Пожалуй!

Княжна Мстиславская (шепотом).

Где ты, Василиса

Панкратьевна?

Волохова.

Здесь, матушка!

Княжна.

Не вижу!

Волохова.

Сюда, сюда пожалуй! Дай мне ручку!
Да как же ты, голубушка, дрожишь!

Княжна.

Свежо как будто!

Волохова.

Ноне-то? Помилуй!
Теплынь такая! Аж травую пахнет!
А вон оттоль, из монастырской рощи,
Березой и черемухой несет!
Уж подлинно весенняя-то ночка,
А ручка у тебя как лед!

Княжна.

Я лучше
Уйду домой!

Волохова.

Владычица святая!
Да ты чего боишься? Разве он
Тебе чужой? Ведь, слава Богу, я
Сама тебе присватала его!

Княжна.

У дядюшки гостей полна палата —
Что, если вдруг кому придет на мысль
В сад заглянуть!

Волохова.

Великая беда,
Что с женихом застали бы невесту!
Вот если ты захочешь после свадьбы
С каким-нибудь молодчиком сойтись,
Вот тут так надо делать осторожно!
А впрочем, не диковина и то!
За добрую пригоршню золотых
Все можно сделать!

Княжна.

Полно, Василиса
Панкратьевна, стыдись!

Волохова.

А что стыдиться,
Голубушка! Все вертится на деньгах!
Для них и замуж отдают, для них
И женятся; для них брат губит брата,
А сын отца! Уж против них никто
Не устоит!

Княжна.

Панкратьевна, постой, —
Ты не слыхала ничего?

Волохова (прислушивается).

Позволь-ка!
Никак, плеснула рыбица в пруду...
Уж эти соловьи мне! Пши, пши, пши!
Насилу-то замолкли! А теперь
Пошли в траве кузнечики трещать!

Княжна.

Ты ничего не слышишь?

Волохова.

На Неглинной
Как будто мельница шумит...

Шаховской (за оградой, вполголоса).

Ау!

Волохова.

Ну, наконец!

(Бежит к калитке и отворяет ее.)

Войди же, князь!

Показывается на ораде Шаховской и
спрыгивает в сад.

Пострел!

Ведь я ж тебе калитку отворила!

Шаховской.

На что она? Жаль, что низка ограда!

С кремлевской я бы соскочил стены,

Чтоб поскорей мою увидеть радость!

Насилу-то мне удалось!

(Хочет обнять княжну.)

Волохова.

Вот так!

Целуй ее! Милуй ее! А я-то

За ручки подержу!

Шаховской (отступая).

Княжна, не бойся!

Не подойду, доколе не поволишь!

Волохова.

Ну, сокол-князь! Ведь я сдержала слово,
А ты принес ли мне гостинчик?

Шаховской (подавая кошелек).

На!

Волохова (потряхивая деньгами).

Сердечные! Звенят! Эх, жаль, темно!

Шаховской (к княжне).

Да что ж ты отвернулась от меня!
Иль не люб я тебе?

Княжна.

Вишь, ждать заставил!

Шаховской.

А страшно было ждать?

Княжна.

Вестимо, страшно!

В такую ночь!

Шаховской.

Чай, бурная?

Княжна.

А леший?

А мало ль что? Вишь, он еще смеется!

Шаховской.

Да как же не смеяться мне тебе?

В саду-то леший!

Княжна.

Да, тебе смешно,

А мне-то какво? А невзначай

Вдруг выйдет брат? Иль дядя? Что тогда?

Постылый ты!

Шаховской.

А что же делать мне,

Когда тебя мне видеть не дают?

Кой раз увидишь, а поговорить

И думать нечего!

Княжна.

Вишь, ты какой!

А ты о чем хотел бы говорить?

Шаховской.

О том, что нет тебя на свете краше!

Что без тебя мне стала жизнь не в жизнь!

Что невтерпеж мне ждать, пока сыграем

Мы нашу свадьбу!

Княжна.

Вишь, ты! Ну, а если б

Брат отказал тебе?

Шаховской.

Тогда бы я

Тебя увез!

Княжна.

А если б не пошла я?

Шаховской.

Насильно б взял!

Княжна.

А я бы убежала?

Шаховской.

А я б догнал!

Княжна.

А я в Москву-реку

Прыгну́ла бы?

Шаховской.

А я бы за тобой!

Княжна.

А водяной бы за меня вступился?

Шаховской.

А я б его за бороду схватил

Да за усы моржовые!

Княжна.

Ха-ха!

Моржовые!

Оба смеются.

Шаховской.

А вот ведь рассмеялась!
И смех-то твой – что рокот соловьиный!
Краса моя! Когда ты засмеешься,
Весь темный сад как будто просиял!
Смотри, вон там и звездочка явилась!
А вон другая! Третья! Вон еще!
Вишь, выглянули все тебя послушать!
Вон и в пруду зажглися! Берегись,
Расскажут водяному, как над ним
Смеешься ты!

Княжна.

Ха-ха!

Волохова.

Ну, вот пошла!
Слышен стук в калитку.

Княжна.

Ай, что это?

Волохова.

Стучат, никак, в калитку!
(Прячется с княжной за дерево.)

Шаховской (подходит к калитке).

Кто там стучит?

Голос (извне).

Впустите, ради Бога!

Шаховской.

Кто там?

Голос.

То я! Красильников, купец!

Беда случилась! Поскорей впустите!

Шаховской отворяет калитку. Красильников вбегает. Одежда его изорвана.

Красильников.

Где Шуйский-князь? Где князь Иван Петрович?

Шаховской.

На что тебе?

Красильников.

Князь! Князь Иван Петрович!

В окнах дома показываются огни. Кн. Иван Петрович и гости его сходят с крыльца. Шаховской скрывается меж деревьев.

Кн. Иван Петрович.

Что тут за шум? Кто звал меня?

Красильников.

То я!

Князь-государь, помилуй, защити!

Сейчас стрельцы вломились к нам в подворье!

К Ногаевым и к Голубю, ко всем,

Кто в выборных вчера был у царя!

Схватили всех!

Кн. Иван Петрович.

Кто их схватил?

Красильников.

Клешнин,

По приказанью Годунова!

Кн. Иван Петрович.

Как?!

Красильников.

Я сам насилу вырвался от них!

Кн. Иван Петрович.

По приказанью Годунова?

Красильников.

Да!

Кн. Иван Петрович.

Ты говоришь, что Годунов велел
Всех выборных схватить?

Красильников.

Так нам Клешнин
Сам повестил: вперед-де вам наука
Царю челом на Годунова бить!

Головин.

Что, князь, тебе я говорил? Ты видишь!

Кн. Василий Шуйский.

Ты видишь, дядя! Не хотел ты верить!
Больным сказаться не хотел, когда

Пришли тебя к царю звать!

Кн. Иван Петрович.

Быть не может!

Не может быть!

Красильников.

Князь-батюшка, пошли

К нам во дворы узнать, как было дело!

Кн. Иван Петрович.

Он дорого заплатит мне за то!

Головин.

Сперва купцов, а там, смотри, и нас

Начнут хватать!

Кн. АндрейШуйский.

Бессовестный!

Мстиславский.

Безбожник!

Кн. Иван Петрович.

Клялся на крест! На честный крест клялся!

Кн. АндрейШуйский.

Ведь это он недаром учинил:

Он разделить хотел с народом нас!

Кн. Василий Шуйский.

Он всей Москве тем показать хотел,

Что мыслить к нам и верить нам нельзя,

Что выдаем сторонников мы наших!

Кн. Иван Иванович Шуйский.

Чай, и теперь уж ропщут все на нас?

Красильников.

Да! Не во гнев сказать вам, государи:

Как наших-то на тройках повезли,

На шум людей сбежалось немало,

Не слишком вас честили!

Кн. Иван Иванович Шуйский.

Что тут думать!

Пока еще не все от нас отпали,

Поднять Москву!

Кн. АндрейШуйский.

Все слободы поднять!

Кн. Иван Иванович Шуйский.

Раздать купцам оружие!

Кн. Андрей Шуйский.

К Борису

Идти во двор – убить его!

Головин.

А в Углич

Послать к Нагим, чтоб Дмитрия сейчас же

Поставили царем! Чтоб на Москву

Шли с угличанами Нагие!

Кн. Иван Петрович (строго).

Тише!

Кн. Василий Шуйский (к Головину).

Так, зря, нельзя.

Головин.

С Нагими я списался,

Они лишь знака ждут!

Кн. Иван Петрович.

Ты смел писать к ним?

Ты на царя смел Углич подымать?

Ты головой за то заплатишь!

Кн. Василий Шуйский.

Дядя,

В чем он виной, за то на нем одном

Лежит ответ; но ссориться теперь

Не время нам!

Головин.

Князь-государь, виновен

Я пред тобой; однако ж пригодилась

Моя вина. Ведь поневоле звать

Царевича придется!

Кн. Иван Петрович.

Никогда!

Кн. Василий Шуйский (к Головину).

Накличешь ты беду на нас, боярин!

Кн. Дмитрий Шуйский.

Поднять Москву!

Кн. Василий Шуйский.

Уж и Москву поднять!

Зачем? Пойдем, как мы вчера хотели,

Просить о царском о разводе!

Кн. Дмитрий Шуйский.

Поздно!

Вчера владыко был за нас; сегодня ж

С Борисом он в миру; вчера купцы

Нам верили, сегодня уж не верят!

Кн. Андрей Шуйский.

Убить его!

Кн. Василий Шуйский.

Да, так вот и убьешь!

Он караул теперь небось удвоил!

(Вынимает из кармана челобитню.)

Вот подписи владыки и властей;

А вот дворян и всех людей торговых;

Все выдали себя – отстать не могут,

Хоть и хотели б!

Кн. Дмитрий Шуйский.

Тем ли угрожать
Ты будешь им, что этот лист Борису
Покажешь ты?

Кн. Василий Шуйский.

Показывать его
Нам и не след. Он – что заряд в пищали:
Страшон, пока не выпущен! Заставит,
Коль захотим, всех на Бориса встать!

Кн. Андрей Шуйский.

Убить верней!

Кн. Иван Петрович.

Вы словно все в бреду!
К чему царя нам разводить с царицей?
К чему еще Бориса убивать?
Он сам себя позорным делом выдал!
Избавил нас отыскивать средь тьмы
Кривых путей! И можем ныне мы,
Хвала Творцу, не погрешая сами,
Его низвергнуть чистыми руками!

Кн. Дмитрий Шуйский.

Что хочешь сделать ты?

Кн. Иван Петрович.

Идти к царю

И уличить обманщика!

Кн. Василий Шуйский.

Напрасный

То, дядя, труд. Что скажет Годунов,

Тому поверит царь.

Кн. Иван Петрович.

Царь слышал клятву!

Все слышали ее! Себя очистить

Ничем не может Годунов!

(К Красильникову.)

Иди,

Скажи купцам, что государь велит

Их выборных вернуть, а что Бориса

Он отрешит сегодня же!

Звон к заутрене.

Светает!

Иду к царю! Не нужно много слов —

Наружу ложь! И сгинет Годунов,

Лишь солнце там, в востоке, засияет!

(Уходит.)

Красильников также. Молчание.

Кн. Дмитрий Шуйский.

Ну что, князья?

Кн. Иван Иванович Шуйский.

Да что ж? Признаться, я
Добра не жду!

Кн. Василий Шуйский.

Какое тут добро!

С чем он пошел, с тем и назад вернется,
Лишь время мы напрасно потеряем.

Кн. Андрей Шуйский (к кн. Василью).

Зачем его не удержал ты?

Кн. Василий Шуйский.

Дядю?

Да нешто вы не знаете его?

Когда что раз он в голову втемяшил —

Не вышибешь. Знай, думает, я прав,

Так съем неправого, – младенец суций!

Кн. Иван Иванович Шуйский.

Что ж делать нам?

Кн. Василий Шуйский.

Да быть, к его приходу,
Готовым всем по-прежнему идти
Вот с этой челобитней; приискать бы
Царицу нам да имярек вписать!

Мстиславский.

С владыкой он об этом сам хотел
Держать совет.

Кн. Василий Шуйский.

Да не успел. Позвали
Его к царю, мириться, вишь. Нам надо
Найти царицу до его прихода,
Чтоб не ломал он даром головы.

Мстиславский.

Она б должна царю прийтись по нраву
И быть из наших. А таких не много.

Кн. Василий Шуйский.

Есть на примете у меня одна.

Мстиславский.

Кто? Говори!

Кн. Василий Шуйский.

Да хоть твоя сестра.

Мстиславский.

Наташа? Что ты? Разве ты забыл:

Она посватана за Шаховского!

Кн. Василий Шуйский.

Посватана – не выдана еще.

Послушай, князь: нешуточное дело

Мы затеваем. От родни царицы

Зависит все. Уверены ли мы,

Что новая родня захочет быть

У нас в руках? Сестра ж твоя из наших!

Мстиславский.

Оно-то так. Пригодней нет ее,

Мне самому на ум уж приходило —

И если б не дали мы слова...

Кн. Василий Шуйский.

Князь!

Иль я не знаю, как ты слово дал?
Не по сердцу тебе был Шаховской,
Боец кулачный, ветром голова
Наполнена! Врасплох тебя застал
Он с дядею, бух в ноги, так и так,
Друг друга любим! Князь Иван растаял,
А ты смолчал.

Кн. Андрей Шуйский.

Я то же говорил:
Зачем спешить? Наташа, слава Богу,
Могла пождать.

Кн. Дмитрий Шуйский.

Скор больно князь Иван.

Мстиславский.

Да, поспешил; Наташа бы могла
Царицей быть!

Кн. Василий Шуйский.

А будь она царицей —
Ты царский шурина, тот же Годунов,
Почище только.

Мстиславский.

Да, кажись, почище.

Кн. Василий Шуйский.

Над чем же думать?

Мстиславский.

Если бы не слово...

Кн. Василий Шуйский.

Так вот помеха? Слово дал ему!

А разве нам ты также не дал слова

Во что б ни стало вырвать у Бориса

И разделить его меж нами власть!

Мстиславский.

Как отказать ему?

Кн. Василий Шуйский.

Затей с ним ссору!

Мстиславский.

Что скажет дядя?

Кн. Василий Шуйский.

Он вернется в гневе
За то, что царь не даст ему суда;
Он будет рад племянницу свою
Царицей сделать.

Кн. Иван Иванович Шуйский.

Так! Назад он слова
Сам не возьмет, а ссора приключись —
Не время будет разбирать, кто прав,
Кто виноват.

Кн. Дмитрий Шуйский.

И если быть Наташе
Царицею – так надо поспешить!

Головин (к Василию Шуйскому).

Позволь взглянуть мне, князь Василь Ива-
ныч!

*(Берет челобитню и, пока другие разгова-
ривают, достает с пояса перо и чернильницу
и вписывает что-то в бумагу.)*

**Кн. Василий Шуйский (к Мстиславско-
му).**

Решайся, князь!

Мстиславский.

Когда б на нем какую
Вину найти!

Кн. Василий Шуйский.

Тогда б ты был согласен?

Мстиславский.

Еще бы!

Шаховской (является между ними).

Князь! Спроси сперва меня,
Согласен ли невесту уступить
Другому я?

Все.

Откуда он? Как смел он
Здесь тайно быть?
Слышен крик княжны.

Мстиславский.

То вскрикнула сестра!
Они здесь вместе были!

(Идет в глубину сада и выводит княжну за

руку.)

Показывается Волохова.
Вот и сваха!
Ты помогала им?

Волохова.

Помилуй! Что ты?
Мы прогуляться только что сошли —
А он – скакни через забор! Ей-богу!
Ей-богу, ну!

Мстиславский.

Так вот как бережешь
Ты нашу честь, сестрица! Князь Григорий,
Твое негоже дело – я тебе
Даю отказ!

Шаховской.

Мою невесту хочешь
Царю ты сватать? Берегися, князь!
Доколе жив я – не бывать тому!

Волохова (наступая на Шаховского).

А почему ж и не бывать? Смотри,
Как расходился! Невидаль какая,

Что он жених! Царь Федор-то Иваныч
Небось тебя почище! Негодяй!
Бессовестный! Срамник! Безбожник! Вор!

Шаховской.

Прочь, ведьма, прочь! Посторонитесь все!
Ко мне, княжна! Она моя пред Богом —
Ее сейчас веду я под венец.
И первый, кто из вас...
(Вынимает кинжал.)

Все.

В ножны кинжал!

Кн. Василий Шуйский (к Мстиславскому).

Хорош жених! На брата замахнулся!

Мстиславский.

Сестра, ко мне! Князь, слышал ты меня?
Ступай отсель! Разорван наш союз!

Все.

Князь, не дури! Ступай! Его ты слышал!
Брат над сестрой волён!

Шаховской.

Еще посмотрим!

Княжна, скажи: ты хочешь за меня?

Мстиславский.

Молчи, сестра!

Княжна.

О Господи!

Шаховской.

Княжна!

Ты хочешь ли, чтоб за царя тебя

Посватали?

Княжна.

Нет, нет! Я быть твоею,

Твоей хочу!

Шаховской.

Иди ж со мной!

Мстиславский (к сестре).

Ни с места!

Шаховской.

Иди со мной!

Княжна.

Я не вольна, ты видишь!

Головин (к Шаховскому).

Князь, покорись, ты силой не возьмешь!

Все кончено меж ними и тобой!

Иль думаешь, тебе Иван Петрович

Простит, что ты сегодня учинил?

Все кончено.

(Показывает ему челобитню.)

Смотри: княжны Мстиславской

Здесь имя вписано!

Кн. Василий Шуйский (про себя).

Ай да боярин!

Головин.

Под грамотой ты этой с нами руку

Сам приложил – назад не можешь!

Шаховской (выхватывая у него грамо-

ту).

Дай!

Головин.

Стой! Что ты? Стой!

Шаховской.

В моих она руках!

Все.

Держи его!

Шаховской (грозя кинжалом).

Назад! Тот ляжет в прах,

Кто подойдет! Иду на суд великой

К царице я – вот с этою уликой!

(Убегает с грамотой.)

Покой царя Федора

Входит Годунов в сопровождении дьяка, который кладет на стол связку бумаг и две государственные печати, большую и малую. Из другой двери входит Клешнин.

Годунов (к Клешнину).

Ты все ль исполнил?

Клешнин.

Сладил все, боярин;
Их до зари схватили на домах;
Эх, кабы нам из Углича прислали
Ту грамоту!

Годунов.

Ты мне ее немедля
Тогда подашь.
Клешнин уходит. Входит царица Ирина.
Сестра-царица, здравствуй!
Еще не вышел государь?

Ирина.

Недавно
С иконой духовник в опочивальню
К нему вошел.

Входит из другой двери царь Федор. За ним
духовник с иконой.

Федор.

Аринушка, здорово!
Здорово, шурин! А ведь я проспал
Заутреню! Такой противный сон

Пригрезился: казалось мне, я снова
Тебя, Борис, мирю с Иваном Шуйским,
Он руку подает тебе, а ты —
Ты также руку протянул, но вместо
Чтоб за руку, схватил его за горло
И стал душить – тут чепуха пошла:
Татары вдруг напали, и медведи
Такие страшные пришли и стали
Нас драть и грызть; меня же преподобный
Иона спас. Что́, отче духовник,
Ведь этот сон не грешен?

Духовник.

Нет, не то

Чтоб грешен был, а все ж недобрый сон.

Федор.

Брат Дмитрий также снился мне и плакал,

И что-то с ним ужасное случилось,

Но что – не помню.

Духовник.

Ты, ложаясь спать,

Усерднее молися, государь!

Федор.

Брр! Скверный сон!

(Увидя бумагу.)

А это что такое?

Надоедать мне хочешь снова, шурин?

Надоедать?

Годунов.

Недолго, государь,

Я задержу тебя; твое согласие

Лишь нужно мне для некоторых дел.

Федор.

А без меня покончить их нельзя?

Я не совсем здоров.

Годунов.

Два слова только.

Федор.

Ну, так и быть. Ты, отче духовник,

Угодника на по́лицу поставь,

Вчерашнего ж угодника прими

До будущего года. А какого

У нас святого завтра?

Духовник.

Иоанна

Ветхопещерника.

Федор.

Я житие

Его в Минеях перечту, лишь только

Меня Борис отпустит; а теперь

Благослови меня заняться делом.

Духовник благословляет его и уходит. Федор садится. Годунов развязывает бумаги.

Ну, что там, шурин, в связке у тебя?

Уж так и быть, вытаскивай!

Годунов (вынимая из связки несколько листов).

Нам пишут

Украинские воеводы, царь,

Что хан опять Орду на север двинул.

Федор.

Да это сон мой в руку! Недостало

Еще, чтоб ты стал Шуйского душисть!

Годунов (кладет перед ним бумаги).

Вот, государь, указы воеводам.

Федор.

Прихлопни их!

Годунов передает бумаги дьяку, который прикладывает к ним печать.

Годунов (подавая другую бумагу).

А это, государь,

Царь Иверский землей своею бьет

Тебе челом и просит у тебя,

Чтоб ты его в свое подданство принял.

Федор.

Царь Иверский? А где его земля?

Годунов.

Она граничит с царством Кизилбашским,

Обильна хлебом, шелком, и вином,

И дорогими, кровными конями.

Федор.

Так ею мне челом он бьет? Ты слышишь,

Аринушка? Ты слышишь? Вот чудак!

Что вздумалось ему?

Годунов.

Его теснят

Персидский царь с султаном турским.

Федор.

Бедный!

Он православной веры?

Годунов.

Православной.

Федор.

Ну, что ж? Скорей принять его в подданство!

И знаешь, шурин, надо бы ему

Подарок приготовить. Что бы нам,

Аринушка, послать ему?

Годунов.

Сперва

Вот эту грамоту с твоим согласьем

И с вызовом послов его к Москве.

Федор.

Ну, хорошо, привешивай печать,
Привешивай!

Дьяк привешивает печать.

А это что такое?

Годунов.

То князю Троекурову наказ,
Как говорить ему на польском сейме,
Когда начнется выбор короля.
Ты знаешь, царь, что щедростью твоею,
По смерти нашего врага Батура,
Мы многих привлекли к себе панов
И что они поднести уже готовы
Тебе корону.

Федор.

Мне? помилуй, шурин!
Что я с ней делать буду? Мне и так
Своих хлопот довольно. Вот еще!
И что их всех подмыло? Там какой-то
Царь Иверский свою дарит мне землю,
А тут паны корону суют! Нет!

Добро тот царь, а эти что? Латинцы!
Враги Руси!

Годунов.

Затем-то, государь,
Престолом их ты брезгать и не должен,
Чтоб слугами их сделать из врагов.

Федор.

Ты думаешь? Ну, хлоп по ней! Вот так!
Что, все теперь?

Годунов.

Еще две челобитни
От двух бояр, при батюшке твоём
В Литву бежавших. У тебя они
Теперь вернуться просят позволенья.

Федор.

Кто ж им мешает? Милости прошу!
Да их, я чай, туда бежало много?
Мое такое разуменье, шурин:
Нам делать так, чтоб на Руси у нас
Привольней было жить, чем у чужих;
Так незачем от нас и бегать будет!

Ты знаешь что? Ты написал бы к ним
Ко всем в Литву, что я им обещаю
Земли и денег, если пожелают
Вернуться к нам.

Годунов.

Я так и думал, царь,
И грамоту о том уж изготовил.

Федор.

Ну, хорошо, прихлопни ж и ее!
Что, все теперь?

Годунов.

Все, государь.

Дьяк берет печати, собирает бумаги и уходит.

Федор.

Ну, шурин,
Тебя я доле не держу. А ты,
Аринушка, Миней б разогнула
Да житие святого Иоанна
Ветхопещерника прочла бы мне!

Ирина.

Дозволь сперва мне, Федор, челобитье
Тебе подать. Письмо я получила
Из Углича от вдовой от царицы,
От Марьи Федоровны. Слезно
Тебя она о милости великой,
О позволенье просит на Москву
Вернуться с сыном, с Дмитрием своим.

Федор.

Аринушка, да как же? Ты ведь знаешь,
Ведь я давно прошу о том Бориса,
Ведь я бы рад!..

Ирина.

А как сегодня ты
Опальников простил своих литовских,
То я подумала, что ты вернуть
И мачеху и брата согласишься.

Федор.

Аринушка, помилуй! Разве я
Не рад вернуть их?

(Показывая на Годунова.)

Вот кому скажи!

Ирина.

Я знаю, Федор, что правленье царством
Ты справедливо брату поручил;
Никто, как он, им править не сумел бы,
Но здесь не государственное дело;
Оно твое, семейное; и ты,
Один лишь ты, судьбою быть в нем должен!

Федор.

Борис, ты слышишь, что она сказала?
Ведь это правда! Ты ведь в самом деле
И шагу мне ни в чем не дашь ступить!
На что это похоже? Я хочу,
Хочу вернуть Димитрия! Ты знаешь,
Когда я так сказал, уж я от слова
Не отступлю!

Годунов (к Ирине).

Не дельно ты, сестра,
Вмешалася, во что не разумеешь.

(К Федору.)

Царевича вернуть нельзя.

Федор.

Как? Как?

Когда уж я сказал, что я хочу?

Годунов.

Дозволь мне, государь...

Федор.

Нет, это слишком!

Я не ребенок! Это...

(Начинает ходить по комнате.)

Стольник (отворяя дверь).

Князь Иван

Петрович Шуйский!

Годунов (к столынику).

Царь его сегодня

Принять не может!

Федор.

Кто тебе сказал?

Впустить его!

(Продолжает ходить по комнате.)

Я скоро у себя

Не властен в доме стану!

Входит к н. Иван Петрович Шуйский.

Здравствуй, князь!

Спасибо, что пожаловал! С тобою

Я буду говорить, с тобою, князь,

О Дмитриии, о брате!

Кн. Иван Петрович.

Государь,

Я сам давно хотел тебе поведать

О Дмитриии-царевиче, но прежде —

На шурина на твоего тебе

Я бью челом!

Федор.

Как? На Бориса?

Кн. Иван Петрович.

Да!

Федор.

Что сделал он?

Кн. Иван Петрович.

Свою солживил клятву!

Федор.

Что? Что ты, князь?

Кн. Иван Петрович.

Ты слышал, государь,

Как он клялся, что ни единым пальцем

Не тронет он сторонников моих?

Федор.

Конечно, слышал! Ну?

Кн. Иван Петрович.

Сегодня ж ночью

Он тех купцов, с которыми вчера

Ты говорил, велел схватить насильно

И отвезти неведомо куда!

Федор.

Позволь, позволь, тут что-нибудь не так!

Кн. Иван Петрович.
Спроси его!

Федор.
То правда ль, шурин?

Годунов.
Правда.

Ирина.
Помилуй, брат!

Федор.
Побойся Бога, шурин!
Как мог ты это сделать!

Годунов.
Я нашел,
Что их в Москве оставить не годится.

Федор.
А клятва? Клятва?

Годунов.

Я клялся не мстить им
За прежние вины – и я не мстил.
Они за то увезены сегодня,
Что, после примирения, меня
Хотели снова с Шуйскими поссорить,
Чему ты был свидетель, государь.

Федор.

Да разве так! Но все же надо было...

Годунов.

Дивлюся я, что князь Иван Петрович
Стоит за тех, которые так дерзко
Пыталися меж нас расстроить мир!

Кн. Иван Петрович.

А я дивлюсь, как ты, боярин, смеешь
Бессовестным, негодным двоязычьем
Оправдывать себя! Великий царь!
Он не в глаза ль смеялся нам вчера,
Тебе и мне, когда, в руках владыки,
Он честный крест на криве целовал?

Федор.

Нет, шурин, нет, ты учинил не так!

Твои слова мы поняли не так!

Кн. Иван Петрович.

Что будет думать о тебе земля,
Великий царь, когда свою он клятву,
Тобою освященную, дерзнул
Попрать ногами?

Федор.

Этого не будет!
Купцов вернуть сегодня ж!

Кн. Иван Петрович.

Только, царь?
А он, который обманул тебя,
Меня ж бесчестным сделал пред народом,

По-прежнему землею будет править?

Федор.

Но, князь, позволь... тут не было обмана...
Вы только ведь не поняли друг друга...
Да и к тому ж ведь вы уж сговорились,
Чтоб вместе вам обсуживать дела?

Кн. Иван Петрович.

Он так клялся; ему на этом слове
Я подал руку, – но ты видишь сам,
Как целованье держит он свое!
Великий царь, остерегись его!
Не доверяй ему ни государства,
Ни собственной семьи не доверяй!
Ты говорить со мной хотел о брате?
Ты знаешь ли, кто тот, кого приставил
Он в Угличе ко брату твоему?
Тот Битяговский? Знаешь ли, кто он?
Изменник он! И вор! И лжесвидетель,
Избавленный от виселицы им!
Не оставляй наследника престола
В таких руках!

Федор.

Нет, нет, на этом, князь,
Спокоен будь! Уж я сказал Борису,
Что Дмитрия хочу я взять к себе!

Годунов.

А я на то ответил государю,
Что в Угличе остаться должен он.

Федор.

Как? Ты опять? Ты споришь?

Годунов.

Государь,
Дозволь тебе сказать...

Федор.

Нет, не дозволю!
Я царь или не царь?

Годунов.

Дай объяснить мне...
Лишь выслушай...

Федор.

И слушать не хочу!
Я царь или не царь? Царь иль не царь?

Годунов.

Ты царь...

Федор.

Довольно! Больше и не надо!
Ты слышала, Арина? Князь, ты слышал?

Он согласился, что я царь! Теперь уж
Не может спорить он! Теперь он – цыц!
(К Годунову.)

Ты знаешь, что такое царь? Ты знаешь?
Ты помнишь батюшку-царя? Ты, ты,
Князь, будь спокоен! Дмитрия к себе
Из Углича я выпишу сюда!

И мачеху, и мачехиных братьев,
Всех выпишу! Что это, в самом деле?

На что это похоже? Даже в пот
Меня он бросил! Посмотри, Арина!

(Ходит по комнате и потом останавлива-
ется перед Шуйским и Годуновым.)

Ну, а теперь, как я вас помирил,
Так полно вам сердиться друг на друга!
Ну, полно, шурин! Полно, князь! Довольно!
Ну, поцелуйтесь! Ну!

Кн. Иван Петрович.

Великий царь,
Тебя постичь я не могу! Ты видел,
Из собственных его ты слышал уст,
Что клятвой он двусмысленно играет,
Его насилье сам ты отменил,
Ты согласился, что оставить брата

Нельзя в руках наемника его,
А между тем ты оставляешь царство
В его руках? Великий государь,
Одно из двух! Иль я теперь обманщик,
И ты меня суди за клевету —
Или его за вероломство должен
Ты отрешить!

Федор.

Да я ведь уж исправил
Его вину перед тобой? Чего же
Тебе еще? Ничем он не доволен!
Арина, слышишь?

Ирина.

Князь Иван Петрович,
Мне кажется...

Годунов.

Оставь его, сестра!
Царя избавлю я от затрудненья
Меж нас решать. Великий государь!
Доколе ты мне верил, я тебе
Мог годен быть; как скоро ж ты не веришь,
Я не гожусь. Князь Шуйский молвил прав-

ду:

Один из нас другому должен место
Здесь уступить. Свой выбор, государь,
Ты учинил, когда так благосклонно
Ты обвиненья выслушал его,
Мою же речь отвергнул наотрез.
Дозволь мне удалиться.

Федор.

Что ты? Что ты?

Годунов.

Кому прикажешь, государь, дела
Мне передать?

Федор.

Да ты меня не понял!
Ах, боже мой! Что ты наделал, князь!

Годунов.

Нет, государь, твою я волю понял:
Тебе угодно тех людей, которых
Я удалил, чтоб город успокоить,
Вернуть назад. Тебе Нагих угодно,
С царевичем, в Москву перевести,

Хоть есть причины важные оставить
Их в Угличе. Когда, великий царь,
Ты так решил – твоя святая воля
Исполнится, но на себя ответа
Я не беру!

Федор.

Да я не знал, Борис,
Что есть такие важные причины!
Уж если ты...

Кн. Иван Петрович.

Прости, великий царь!

Федор.

Князь! Князь! Куда?

Кн. Иван Петрович.

Куда-нибудь подале,
Чтоб не видать, как царь себя срамит!

Федор.

Князь, погоди, мы все уладим...

Кн. Иван Петрович.

Царь

Всея Руси, Феодор Иоаннович, —

Мне стыдно за тебя – прости!

(Уходит.)

Федор.

Князь! Князь!

Ах, боже мой, ушел! И этот вот

Меня оставить хочет! Шурина, ты...

Ты пошутил! А что ж с землею будет?

Годунов.

Великий царь, могу ль тебе служить я,

Когда ты руки связываешь мне?

Федор.

Да нету, шурина, нету! Будет все

По-твоему. Ну, что ж? Согласен ты?

Да, шурина? Да?

Годунов.

На этом уговоре,

Великий царь, согласен я, но помни,

Что только так могу я продолжать

Тебе служить.

Федор.

Спасибо же тебе!

Спасибо, шурин. Знаешь ли, теперь

Нам Шуйского бы надо успокоить!

Ведь он тебя не понял; я ведь тоже

Тебя вчера не понял!

Входит Клешнин, подает Годунову бумаги и уходит. Годунов пробегает их и передает Федору.

Годунов.

Государь,

Сперва прочти вот это донесенье

Из Углича и тайное письмо,

Которое Михайло Головин,

Сторонник Шуйских, написал к Нагим;

Его прислал с нарочным Битяговский.

Федор (смотрит в бумаги).

Ну, что же тут? «И в пьяном виде часто

Ругаются негодными словами...»

Да кто же слов не говорит негодных,

Когда он пьян? «И деньги вымогают

С угрозами...» Да ты уж им не мало ль
Назначил, шурин? Ведь они привыкли
Жить широко при батюшке! Ты им бы
Поболе дал! Ну, что же тут еще?
«И хвалятся, что с помощью Шуйских
Они царя...» Помилуй, быть не может!

Годунов.

Ты грамоту прочти Головина.

**Федор (читает про себя, останавливается
и качает головой).**

Меня согнать с престола? Боже мой,
Зачем бы им не подождать немного?
Всем ведомо, что я недолговечен;
Недаром тут, под ложечкой, болит.
Не то хоть Мите подрасти бы дали!
Уж как бы я охотно уступил
Ему престол! А то теперь насильно
Меня согнать, а малого ребенка
Вдруг посадить, а там еще опека,
Разрухи, смуты, разоренье царству...
Нехорошо!

Годунов.

Теперь ты видишь, царь,
Зачем Нагим нельзя позволить было
Вернуться на Москву?

Федор.
Нехорошо!

Годунов.
Ты благодушно, царь, об этом судишь,
А между тем великая опасность
Грозит земле. Не терпит время. Нам
Решительное надо сделать дело!

Федор.
Какое дело, шурин?

Годунов.
Государь!
Из грамоты Головина ты видишь,
Что Шуйские с Нагими в заговоре.
Ты должен приказать немедля Шуйских
Под стражу взять.

Федор.
Под стражу? Как? Ивана

Петровича под стражу? А потом?

Годунов.

Потом – когда себя он не очистит —
Он должен быть...

Федор.

Что должен быть?

Годунов.

Казнен.

Федор.

Как? Князь Иван Петрович? Тот, который
Был здесь сейчас? Которого сейчас я
Брал за руку?

Годунов.

Да, государь.

Федор.

С которым
Тебя вчера я помирил?

Годунов.

Тот самый.

Федор.

Он? С братьями казнен?

Годунов.

Со всеми, кто

Причастен к их измене.

Федор.

И с Нагими?

Годунов.

Без Шуйских эти не опасны, царь.

Федор.

Того казнить собираешься ты, шурин,

Кто землю спас?

Годунов.

Того, кто посягает

На твой престол.

Федор.

И это все затем,

Что в пьяном виде на меня Нагие
Грозилися? Что вздумалось кому-то
К ним написать, без ведома, должно быть,
И самых Шуйских? Шурин, ты скажи мне,
Ты с тем лишь мне служить еще согласен,
Чтоб я тебе их выдал головой?

Годунов.

Лишь только так могу я, государь,
Тебе за целость царства отвечать.
Когда тебе мне верить не угодно,
Раз навсегда дозволь мне удалиться,
А на себя за все возьми ответ!

Федор (после долгой борьбы).

Да, шурин, да! Я в этом на себя
Возьму ответ! Вот видишь ли, я знаю,
Что не умею править государством.
Какой я царь? Меня во всех делах
И с толку сбить, и обмануть нетрудно.
В одном лишь только я не обманусь:
Когда меж тем, что бѣло иль чернó,
Избрать я должен – я не обманусь.
Тут мудрости не нужно, шурин, тут
По совести приходится лишь делать.

Ступай себе, я не держу тебя;
Мне Бог поможет. Я измене Шуйских
Не верю, шурин; если ж бы и верил,
И тут бы их на казнь я не послал.
Довольно крови на Руси лилося
При батюшке, Господь ему прости!

Годунов.

Но, государь...

Федор.

Я знаю, что ты скажешь:
Что через это царство замутится?
Не правда ли? На то Господня воля!
Я не хотел престола. Видно, Богу
Угодно было, чтоб немудрый царь
Сел на Руси. Каков я есть, таким
Я должен оставаться; я не вправе
Хитро вперед рассчитывать, что будет!

Годунов.

Но, государь, подумай...

Федор.

Что тут думать?

Что думать, шурин? Дело решено.
Мне твоего не надо уговора;
Свободен ты; оставь меня теперь;
Мне одному остаться надо, шурин!

Годунов.

Я ухожу, великий государь!..

(Направляется медленно к двери, но прежде, чем отворить ее, оборачивается на Федора.)

Федор дает ему уйти и кидается на шею Ирине.

Федор.

Аринушка! Родимая моя!

Ты, может быть, винишь меня за то,
Что я теперь его не удержал?

Ирина.

Нет, Федор, нет! Ты сделал так, как должно!

Ты ангела лишь слушай своего,
И ты не ошибешься!

Федор.

Да, я тоже

Так думаю, Аринушка. Что ж делать,
Что не рожден я государем быть!

Ирина.

Ты весь дрожишь, и сердце у тебя
Так сильно бьется!

Федор.

Бок болит немного;

Аринушка, я не пойду к обедне.

Ведь тут греха большого нет, не правда ль,

Одну обедню пропустить? Я лучше

Пойду к себе в опочивальню; там

Прилягу я и отдохну часочек.

Дай на́ руку твою мне опереться;

Вот так! Пойдем, Аринушка; на Бога

Надеюсь я, он не оставит нас!

(Уходит, опираясь на руку Ирины.)

Действие четвертое

Дом князя Ивана Петровича Шуйского

Князь Иван Петрович и княжна Мстиславская. В стороне стол с кубками, за которым стоит Старков.

Кн. Иван Петрович.

Не плачь, Наташа, я ведь не серчаю:
Тебе простил я; баба та тебя
Попутала, а Бог и наказал.

Княжна.

Князь-дядюшка, а с ним-то что же будет?

Кн. Иван Петрович.

С Григорьем-то? Да в гору, чай, пойдет,
Когда захочет выдать нас. Два раза
Я посылал за ним, чтобы его
Усовестить, да не могли найти.
Вот голова! Когда б меня дождался,
Так не дошло б до этого.

Княжна.

Ты, дядя,

Его простил бы? Ты бы за царя

Меня не стал неволить?

Кн. Иван Петрович.

За таким

Тебя мне жаль бы видеть было мужем!

Я пожурил бы вас обоих, слова ж

Назад не взял бы. Ошалели братья.

Княжна.

Он не пойдет к царице! Не захочет

Он выдать вас!

Кн. Иван Петрович.

И самому мне что-то

Не верится; но выдаст иль не выдаст,

Мы ждать не будем; прежде, чем вернулся

Я от царя, все было решено.

Княжна.

Не мучь меня – скажи мне, Бога ради,

Что ты решил?

Кн. Иван Петрович.

Не девичье то дело,
Наташенька, узнаешь после.

Княжна.

Дядя,

Твой мрачен вид, ты смотришь так сурово

Со мной одной по-прежнему ты ласков,
Ты добр со мной; но страшно мне смотреть
Тебе в глаза – хотелось бы по ним
Мне отгадать, что ты задумал?

Кн. Иван Петрович.

Тотчас

Князья придут, мне дело с ними есть,
Поди к себе, Наташа.

Княжна.

Дай остаться

С тобою мне! Дай потчевать гостей!

Кн. Иван Петрович.

Нельзя, Наташа.

Княжна (про себя).

Господи, ужели

Недаром сердцу чуется беда!

(Уходит.)

Входят братья кн. Ивана Петровича, купцы Голубь и Красильников с другими сторонниками Шуйских. Все останавливаются перед ним в почтительном молчании. Кн. Иван Петрович смотрит на них некоторое время, не говоря ни слова.

Кн. Иван Петрович (сидя).

Вам ведомо, как дело повернулось:

Схватить нас могут каждый миг. Хотите ль Погибнуть все или со мной идти?

Все.

Князь-государь, приказывай что хочешь — Мы все с тобой!

Кн. Иван Петрович.

Так слушайте ж меня!

Князь Дмитрий, ты сейчас поедешь в Шую,

Сберешь народ, дворян и духовенство
И с лобного объявишь места им,
Что Федор-царь во скудоумье впал
И государить долее не может;
Царем же нам законным учинился
Его наследник Дмитрий Иоанныч.
Пусть крест ему целуют. Князь Андрей!
Тебя я шлю в Рязань. Сбери войска
И на Москву веди их. Князь Феодор!
Ты едешь в Нижний! Князь Иван, ты – в
Суздаль!

Боярин Головин! Тебя избрал
Я в Углич ехать. Там с Нагими вы
Димитрия объявите царем
И двинетесь, при звоне колокольном,
С ним на Москву, хоругви распустя.
Я со Мстиславским и со князь Васильем
Останусь здесь, чтоб Годунова взять
Под караул.

(К дворецкому.)

Федюк, подай братину!
Во здравье каждому и в добрый путь,
И да живет царь Дмитрий Иоанныч!

Все (кроме Василия Шуйского).

Да здравствует царь Дмитрий Иоанныч!

Кн. Василий Шуйский.

Князь-дядюшка, не в гнев тебе сказать:
Не скоро ль ты решился? Вспомни только

Сего утра еще ты не хотел
Дойти до этого!

Кн. Иван Петрович.

Я был дурак!
Пред кем хотел я уличить Бориса?
Перед царем? Нет на Руси царя!

Кн. Василий Шуйский.

Обдумай, князь...

Кн. Иван Петрович.

Я все обдумал. Голубь!
Я виноват перед тобой – ты прав!
Как малого мальчишку, тот татарин
Меня провел, – он лучше знал царя!
Как удалось тебе уйти?

Голубь.

Дорóгой,
Князь-батюшка, веревки перетер,
А на плоту, на Красной переправе,
Сшиб двух стрельцов, с повозки прыгнул в
воду
И вплавь утек!

Кн. Иван Петрович.

Ты вовремя вернулся!
Сегодня же с Красильниковым ты,
И с этими другими молодцами,
Торговых вы подымете людей!

Красильников.

Уж положиись на нас, князь-государь!
Все поголовно встанем на Бориса!

Кн. Иван Петрович.

Лишь смеркнется, готовы будьте все;
Когда ж раздастся выстрел из Царь-пушки

—
Входите в Кремль.

(К дворецкому.)

Федюк, подай стопу!
Во здравье всех!

(Отпивает и передает купцам.)

Купцы.

Князь-батюшка! Ты нам
Родной отец! Тобою лишь стоим!
Дай Господи тебе сломить Бориса —
И да живет Димитрий-царь!

Кн. Иван Петрович.

Аминь!

Купцы уходят.

(К Мстиславскому.)

Ты, князь, сейчас же выбери надежных
Пятьсот жильцов. Пусть крест они целуют
Царю Димитрию; когда ж стемнеет,
Веди их в Кремль. Я с князь Васильем вме-
сте
Меж тем схвачу Бориса на дому.

Кн. Василий Шуйский.

Эй, дядюшка! Ты знаешь, я не трус,
Опасного я не боюсь дела,
Но все ж подумай лучше!

Кн. Иван Петрович.

Много думать —
От дела отказаться. Нам теперь
Уж нечего раскидывать умами —
И ясен путь открылся перед нами!

Дом Годунова

Годунов в волнении ходит взад и вперед.
Клешнин стоит, прислонясь к печи.

Годунов.

Я отрешен! Сам Федор словно нудит
Меня свершить, чего б я не хотел!
Нагие ждут давно моей опалы,
И весть о ней им дерзости придаст.
Они теперь на все решатся. Дмитрий
Им словно стяг, вокруг коего собирают
Они врагов и царских и моих.
Того и жди: из Углича пожаром
Мятеж и смуты вспыхнут. Битяговский —
Мне на него рассчитывать нельзя;

Меня продаст он, если не приставлю
За ним смотреть еще кого-нибудь.
Я принужден... я не могу иначе...
Меня теснят...

(К Клешнину.)

Ты хорошо ли знаешь
Ту женщину?

Клешнин.

На все пригодна руки!
Гадальщица, лекарка, сваха, сводня,
Усердна к Богу, с чертом не в разладе —
Единым словом: баба хоть куда!
Она уж здесь. Звать, что ль, к тебе?

Годунов.

Не нужно.
Ты скажешь ей, чтобы она блюла
Царевича, а паче примечала б,
Что говорят Нагие. Как царя
Оставил ты?

Клешнин.

Над кипой тех бумаг,
Которые отнести ему велел ты;
То лоб потрет, то за ухом почешет,
И ничего, сердечный, не поймет!

Годунов.

Не выдержит.

(Задумывается.)

Мне все на ум приходит,

Что в оный день, когда царя Ивана
Постигла смерть, предсказано мне было,

Оно теперь свершается: помеха

Моя во всем, вредитель мой и враг —

Он в Угличе...

(Опомнившись.)

Скажи ей, чтоб она

Блюла царевича!

Клешнин.

А посмотреть

Ее не хочешь, батюшка?

Годунов.

Не нужно!

(Про себя.)

«Слаб, но могуч, безвиновен, но виновен —
Сам и не сам — потом — убит!»

(К Клешнину.)

Скажи ей,

Чтобы она царевича блюла!

(Уходит.)

Клешнин (один).

Чтобы блюла! Гм! Нешто я не знаю,

Чего б хотелось милости твоей?

Пожалуй — что ж! Грех на душу возьму!

Я не брезглив, не белоручка я!

Пока он жив, от Шуйских и Нагих

Не будет нам покоя. Вишь, как крылья

Подрезали! Не ждал я этой рыси

От Федора Иваныча! Конечно,

Не выдержит; а если между тем

Случится что?

(Отворяет дверь.)

Сударыня, войди!

Волохова (входит с просвирой в руках).

Благослови, Владычица святая!

Поклон тебе, боярин, принесла

От Трех Святителей, просвирку вот

Там вынула во здравие твое!

Клешнин (ласково).

Садись сюда, голубушка, спасибо!
Тебе сказали, для чего послал
Я за тобой?

Волохова (садясь).

Сказали, государь,
Сказали, свет: боярин Годунов
Сменяет, мол, царевичеву мамку,
Меня ж к нему приставить указал.
Уж будь спокоен! Пуще ока стану
Его беречь; и ночи не досплю,
И куса не доем, а уж дитятю
Я соблюду!

Клешнин.

Бывала в мамках ты?

Волохова.

Лгать не хочу, боярин, не бывала,
А уж куда охоча до детей!
Ребеночек ведь тот же ангел Божий!
Сама сына вскормила своего,

Двадцатый вот пошел ему годок,
Все при себе, под крылышком, держала
До морового года; лишь в тот год
Поопасалась вместе жить.

Клешнин.

Что так,
Голубушка?

Волохова.

А в этакую пору
Недолго до греха: как раз подсыплет
Чего-нибудь, отпел, похоронил,
Наследство взял – и поминай как звали!
Кому в такое время разбирать!

Клешнин.

Ты свахою, голубушка, теперь?

Волохова.

Бываю в свахах, батюшка-боярин,
Хвалиться грех, а без меня не много
Играется и свадеб на Москве!

Клешнин.

Какую же последнюю ты свадьбу
Устроила?

Волохова.

А Шаховского-князя
С Мстиславскою-княжною, государь.

Клешнин.

Не с тою ли, которую вчера
Ты, при живой царице, за царя
Хотела сватать?

Волохова.

Боже упаси!
Какой тебе разбойник то сказал?
Какой собака, вор и клеветник?
Чтоб у него язык распух! Чтоб очи
Полопались!

Клешнин (грозно).

Молчи, старуха! Цыц!
Мы знаем все! Покойный государь,
Блаженной памяти Иван Васильич,
На медленном огне тебя бы, ведьму,
Изволил сжечь! Но жалостлив боярин

Борис Феодорович Годунов:
Он вместо казни даст тебе награду,
Когда свою исполнить службу ты
Сумеешь при царевиче.

Волохова.

Сумею!

Сумею, батюшка! Сумею, свет!
Уж положишься на меня! И мухе
Я на дитягю сесть не дам! Уж будет
И здрав, и сыт, и цел, и невредим!

Клешнин.

Но если б что не по твоей вине
Случилось с ним...

Волохова.

Помилуй, уж чему
При мне случиться!

Клешнин (значительно).

Он тебе того

В вину бы не поставил!

Волохова смотрит в удивлении.

Слушай, баба:

Никто не властен в животе и смерти —
А у него падучая болезнь!

Волохова.

Так как же это, батюшка? Так что же?
В толк не возьму?

Клешнин.

Бери, старуха, в толк!

Волохова.

Да, да, да, да! Так, так, боярин, так!
Всё в Божьей воле! Без моей вины
Случиться может всякое, конечно!
Мы все под Богом ходим, государь!

Клешнин.

Ступай, карга! С тобой перед отъездом
Увижусь я, но помни: денег вдоволь —
Или тюрьма!

Волохова.

Помилуй, государь,
Зачем тюрьма! Уж ты не поскупись,
Ведь наше дело вдовье. Да дозвожь уж
Сынка забрать!

Клешнин.

Ты в том вольна; ступай!

Волохова.

Прости же, государь; уж будешь нами
Доволен! Так! Конечно, так, конечно!
Час неровён, случиться может всяко!
Один лишь Бог силен и всемогущ,
Один Господь, а наше дело вдовье!
(Уходит.)

Слуга (докладывает).

Федюк Старков!

Клешнин.

Зови его сюда!
Старков входит.
Занавес опускается.

Царский терем. Половина царицы

Федор сидит за кипюю бумаг и обтирает пот с лица. Перед ним стоят государственные печати, большая и малая. Ирина подходит и кладет ему руку на плечо.

Ирина.

Ты отдохнул бы, Федор.

Федор.

Ничего

Понять нельзя! Борис нарочно мне Дела такие подобрал! Один лишь Толковый лист попался: наш гонец Из Вены пишет: цесарь-де готовит Подарок мне: шесть обезьян мне шлет. Аринушка, я их отправлю к Мите!

Ирина.

Так ты его не выпишешь?

Федор.

Вот видишь,

Аринушка, когда бы согласился Борис остаться...

Ирина.

На его ты место
Еще не выбрал никого?

Федор.

Ведь ты же,
Ты ж говорила: лучше подождать.
Ты думала, он сам придет мириться,
А он прислал мне этот ворох дел!
Уж я над ним измучился, и вот
Еще беда: за Шуйским я послал,
За князь Иваном, чтоб помог он мне
Все разобрать, а он велел ответить,
Что нездоров; упрямится, должно быть.
Я вновь послал: челом-де бью ему,
Такое-де есть дело, о котором
Не знает он!

Входит Клешнин.

А, это ты, Петрович!
Откуда ты?

Клешнин.

От хворого.

Федор.

Откуда?

Клешнин.

От хворого от твоего слуги,

От Годунова.

Федор.

Разве он хворает?

Клешнин.

А как же не хворать ему, когда

Его, за все заслуги, словно пса,

Ты выгнал вон! Здорово, мол, живешь!

Федор.

Помилуй, я...

Клешнин.

Да что тут говорить!

Ты, батюшка, был от младых ногтей

Суров, и крут, и сердцем непреклонен.

Когда себе что положил на мысль,

Так уж поставишь на своем, хоть там
Весь свет трещи!

Федор.

Я знаю сам, Петрович,
Что я суров...

Клешнин.

Весь в батюшку пошел!

Федор.

Я знаю сам, но неужель Борис
Не помири́тся, если я скажу,
Что виноват?

Клешнин.

Он столько не просит.
Лишь прикажи мне приложить печать
Вот к этому листу о взятъе Шуйских
Немедленно под стражу – и он снова
Тебе слуга!

Федор.

Как? Он не перестал
Подозревать?

Клешнин.

Царь! Тут не подозренье,
Тут полная улика налицо!
Старков, дворецкий князь Ивана, нам
Сейчас донес, что князь Иван сегодня
Решил признать царенка государем,
Тебя ж решил с престола до утра
Согнать долой. Ты, батюшка, Старкова
Хоть сам спроси!

Федор.

Уж эти мне доносы!
Я в первый раз Старкова имя слышу,
А Шуйского звучит повсюду имя,
Как колокол. Ужели хочешь ты,
Чтоб я какому-то Старкову боле,
Чем Шуйскому, поверил?

Клешнин.

Верь не верь,
Я говорю тебе: когда их всех
Ты не велишь сейчас же...

Стольник (докладывает).

Князь Иван
Петрович Шуйский!

Клешнин.
Как? Он сам?

Федор (радостно).
Пришел!
Пришел, Аринушка!

Клешнин.
Вели его
Под стражу взять!

Федор.
Стыдись, стыдись, Петрович!
(К стольнику.)
Пускай войдет!
(К Клешнину.)
Я при тебе его
Сейчас спрошу.
Входит кн. Иван Петрович.
Здорово, князь Иван!
Вообрази: есть на тебя донос —
Кн. Иван Петрович смущается.

Но я ему не верю. Я хочу,
Чтоб ты мне сам сказал, что предо мною
Ты чист теперь, как ты пред целым светом
Всегда был чист, и слова твоего
С меня довольно.

Кн. Иван Петрович.

Государь...

Федор.

Ты, князь,
Меня пойми: ведь я не сомневаюсь,
Я лишь хочу...

Клешнин.

Нет, батюшка, позволь!
Уж коль на то пошло, дай лучше мне
Его спросить: князь-государь! Ты можешь
Поцеловать царю вон ту икону,
Что изменить не думал ты ему?

Кн. Иван Петрович.

Допрашивать меня не признаю
Я права за тобой.

Федор.

Князь, то не он, —
То я прошу тебя!

Клешнин.

Вот я икону
Сейчас сыму...

Федор.

Не нужно тут иконы.
Скажи по чести мне, по чести только!
Ну, князь!

Кн. Иван Петрович.

Уволь меня!

Ирина (которая не спускала глаз с Шуйского).

Свет-государь,
Зачем таким вопросом оскорблять
Того, чья доблесть всем давно известна?
Не спрашивай его – потребуй только,
Чтоб он тебе святое слово дал
И впредь остаться верным, как он верен
Доселе был!

Федор.

Нет, я хочу, Арина,

Вот этого порядком пристыдить.

Скажи мне, князь, по чести мне скажи:

Задумал ты что-либо надо мною?

Да говори ж!

Клешнин.

По чести! Слышишь, князь?

(Про себя.)

А по иконе было бы вернее!

Ирина (к Федору).

Свет-государь...

Федор.

Ну, князь?

Кн. Иван Петрович.

Уволь меня!

Федор.

Нет, не уволю!

Клешнин.

Ты, чай, трусишь, князь?

Федор.

Какое трусит? Он упрям и крут,

Да я его и круче и упрямей!

Нашла коса на камень, и, доколе

Он мне не даст ответа, я его

Не выпущу отсель!

Кн. Иван Петрович.

Так знай же все!

Федор (с испугом).

Что? Что ты хочешь?..

Кн. Иван Петрович.

Да! Ты слышал правду —

Я на тебя встал мятежом!

Федор.

Помилуй...

Кн. Иван Петрович.

Ты слабостью своею истощил
Терпенье наше! Царство отдал ты
В чужие руки – ты давно не царь, —
И вырвать Русь из рук у Годунова
Решился я!

Федор (вполголоса).

Тс! Тише!

(Указывая на Клешнина.)

Не при нем!

Не говори при нем – Борису он
Расскажет все!

Клешнин.

Да продолжай же, князь!

Федор.

Молчи, молчи! Глаз нá глаз скажешь мне!

Клешнин.

Царь ждет ответа!

Кн. Иван Петрович.

Да! Сегодня брата

Я твоего признал царем!

Федор.

Петрович!

Не верь ему! Не верь ему, Арина!

Кн. Иван Петрович.

Теперь тебя о милости единой

За прежние заслуги я прошу:

Один лишь я виновен! Не вели

Сторонников моих казнить – не будут

Они тебе опасны без меня!

Федор.

Что ты несешь? Что ты городишь? Ты

Не знаешь сам, какую небылицу

Ты путаешь!

Кн. Иван Петрович.

Не вздумай, государь,

Меня простить. Я на тебя бы снова

Тогда пошел. Царить не можешь ты,

А под рукою Годунова быть

Я не могу!

Клешнин (про себя).

Вишь, княжеская честь!

И подгонять не надо!

Федор (берет Шуйского в сторону).

Князь, послушай:

Лишь потерпи немного – Мите только

Дай подрасти – и я с престола сам

Тогда сойду, с охотою сойду,

Вот те Христос!

Клешнин (подходит к столу и берет печать).

Прихлопнуть, что ль, приказ?

Федор.

Какой приказ? Ты ничего не понял!

Я Митю сам велел царем поставить!

Я так велел – я царь! Но я раздумал;

Не надо боле; я раздумал, князь!

Клешнин.

Да ты в уме ль?

Федор (на ухо Шуйскому).

Ступай! Да ну, ступай же!
Все на себя беру я, на себя!
Да ну, иди ж, иди!

Кн. Иван Петрович (в сильном волнении).

Нет, он святой!
Бог не велит подняться на него —
Бог не велит! Я вижу, простота
Твоя от Бога, Федор Иоанныч, —
Я не могу подняться на тебя!

Федор.

Иди, иди! Разделай, что ты сделал!

(Вытесняет его из комнаты.)

Клешнин (подымая печать над приказом).

Царь-батюшка, вели скрепить приказ!
Не дай ему собрать войска! Царица,
Скажи ему, что участь государства
В приказе сем!

Ирина.

В нем нет уже нужды!
Гроза прошла, не враг нам боле Шуйский!

Федор.

Петрович, слышишь? Слышал ты, Петрович?

Аринушка, ты ангел! От тебя
Ничто не скроется, ты все заметишь
И все поймешь! Да, Шуйский нам не враг!

Шум за дверью. Сенная девушка вбегает в испуге.

Сенная девушка.

Царица, спрячься! Схоронись! Какой-то
Вломился в терем сумасшедший!

Голос Шаховского (за сценой).

Прочь!

Прочь! Не держите! Я хочу к царице!

В дверях показывается Шаховской, удерживаемый несколькими слугами. Он их отталкивает и бросается Ирине в ноги.

Шаховской.

Прости меня, прости меня, царица!
Напрасно я от самого утра
К тебе прошусь!

Федор.

Да это Шаховской!

Слуги (вбегают со стрельцами).

Хватайте вора!

Федор.

Тише, тише, люди!
Здесь вора нет!

(К Шаховскому.)

Скажи мне, растолкуй,
Чего ты хочешь?

Шаховской.

Царь! Казни меня —
Казни меня, но выслушай! Тебя
Хотят с твоей царицей развести!

Федор.

Ты бредишь, князь!

Клешнин (про себя).

Так вот оно в чем дело!

(К Федору.)

Царь, выслушай его!

Шаховской.

Мою невесту

Они хотят посватать за тебя!

Федор.

Кто? Кто они?

Шаховской.

Дядя моей невесты,

Княжны Мстиславской, Шуйские-князья!

Федор.

Да ты и впрямь помешан, князь!

Шаховской (встает и подает бумагу).

Вот, вот
Их челобитня! Матушка-царица!
Вели невесту мне отдать! Вели,
Царь-государь, сегодня же – сейчас же
Нас обвенчать!

Клешнин.

Об этой челобитне
Слыхали мы. Позволь-ка поглядеть!
*(Берет бумагу в руку и, просмотрев, обра-
щается к Федору.)*

Вот, батюшка, ты говорил сейчас —
Твоя царица знает князь Ивана, —
А на поверку вышло, что не знает!
Ее, сердечную, ее, голубку,
Ее, которая сейчас, как ангел,
Стояла за него, – ее он хочет,
Как грешную, преступную жену,
Как блудницу, с тобою развести,
Тебе ж свою племянницу посватать!
Не веришь, батюшка? Смотри, читай!
(Подает Федору бумагу.)

Федор (читает).

«Ты новый брак прими, великий царь,

Мстиславскую возьми себе в царицы...
Ирину ж Годунову отпусти
Во иноческий чин...»

Клешнин.

Ты руку знаешь
Иван Петровича? Читай же подпись!

Федор (читает).

«И в том тебе соборне бьем челом
И руки прилагаем: Дионисий,
Митрополит всея Руси... Крутицкий
Архиепископ Варлаам... Князь...» Что?

(Дрожащим голосом.)

«Князь... Князь Иван...
Иван Петрович Шуйский!»
Его рука! Он также подписался!
Аринушка, он подписался!

(Падает в кресла и закрывает лицо руками.)

Ирина.

Федор...

Федор.

Он! Он! Пускай бы кто другой, но он!
Нас разлучить с тобой!

(Плачет.)

Ирина.

Опомнись, Федор!

Федор.

Тебя сослать!

Ирина.

Мой царь и господин!

Не ведаю сама, что это значит;

Но ты подумай: если князь Иван

Сейчас хотел свести тебя с престола,

Он мог ли мыслить выдать за тебя

Мстиславскую?

Федор.

Тебя – мою Ирину —

Тебя постричь!

Ирина.

Ведь этого не будет!

Федор (вскакивая).

Не будет! Нет! Не дам тебя в обиду!

Пускай придут! Пусть с пушками придут!

Пусть попытаются!

Ирина.

Свет-государь,

Напрасно ты тревожишься. Кто может

Нас разлучить? Ты царь ведь!

Федор.

Да, я царь!

Они забыли, что я царь! Петрович,

Где тот приказ?

(Бежит к столу и прикладывает печать к приказу.)

На! На! Отдай Борису!

Ирина.

Что сделал ты...

Федор.

Под стражу их! В тюрьму!

Ирина.

Мой господин! Мой царь! Не торопись!

Федор.

В тюрьму! В тюрьму!

Шаховской (выходя из оцепенения).

Царь-государь, помилуй!

Я не того просил! Я о невесте

Тебя просил!

Федор.

Борис вас разберет!

Шаховской.

Он изведет их! Он погубит Шуйских!

Федор.

Всех разберет он!

Шаховской.

Я палач им буду!

Царь, смилуйся!

Федор.

В тюрьму! В тюрьму их!

Шаховской.

Боже!

Что сделал я!

(Убегает.)

Ирина.

Свет-государь, послушай —

Верни его! Верни ты Клешнина!

Не торопись! Не посылай ты Шуйских

Теперь в тюрьму, *теперь*, когда они

Обвинены в измене!

Федор.

Ни, ни, ни,

Аринушка! И не проси меня!

Ты этого не разумеешь! Если

Я подожду, я их прощу, пожалуй,

Я их прощу – а им нужна наука!

Пусть посидят! Пусть ведают, что значит

Нас разлучать! Пусть посидят в тюрьме!

(Уходит.)

Берег Яузы

Через реку живой мост. За рекой угол укрепления с воротами. В стороне рощи, мельницы и монастыри. По мосту проходят люди разных сословий. Курюков идет с бердышом в руках. За ним гусляр.

Курюков.

Стой здесь, парень, налаживай гусли, а как соберется народ, зачинай песню про князь Иван Петровича! Господи, благослови! Господи, помоги! Вот до чего дожить довелось!

Гусляр строит гусли. Курюков осматривает бердыш.

Ишь, старый приятель! От самого от блаженной памяти от Василь Иваныча не сымал тебя со стены, аж всего ржавчина съела. А вот сегодня еще послужишь. Ну, перебирай лады, парень, вона народ подходит!

Посадский (подходит к Курюкову).

Доброго здоровья дедушке Богдану Семёнычу! Что это у тебя за бердыш?

Курюков.

Внучий бердыш, батюшка, внучий бердыш! Татары, слышно, оказались. Внуку-то, вишь, некогда, так я-то вот и взялся его бердыш на справку снести, да вот парня послушать остановился.

Посадский.

А близко нешто татары?

Курюков.

Близко, слышно.

Другой посадский.

А кого навстречу пошлют?

Третий посадский.

Чай, опять князь Иван Петровича?

Курюков.

Годунова пошлют!

Первый.

Что ты, помилуй, Богдан Семеныч!

Курюков (злобно).

А что? Чем Годунов вам не воевода?

Третий.

Где ж ему супротив Иван Петровича?

Курюков.

Ой ли?

(К гусяру.)

Ну, что ж песня-то? Песня?

Гусяр (поет).

Копил король, копил силушку,
Подходил он под Опсков-город,
Подошедши, похваляется:
«Уж собью город, собью турами,
Воеводу, князя Шуйского,
По рукам и по ногам скую,
Царство русское насквозь пройду!»

Один из народа.

Царство русское насквозь пройду! Ха-ха!
Малого захотел!

Другой.

Иван Петровича скую! Да, скуешь его! Попробуй!

Курюков (к гуслеу).

Ну, парень!

Гуслеу (продолжает).

То не Божий гром над Опсковом гремит,
Бьют о стены то ломы железные,
Ядра то каленные сыплются!

Женщина.

Пресвятая Богородица, какие страхи!

Гуслеу (продолжает).

А не млад то светел месяц зарождается,
Государь то Иван Петрович-князь
На стене городской проявляется.
Он идет по стене, не сторонится,
Ядрам сустречь глядит, не морщится.

Один.

Да, этот не морщился!

Гуслеу (продолжает).

Целовали мы крест сидеть до смерти —
Не сдадим по смерть Опскова-города!

Один.

И не сдали Пскова, не сдали!

Другой.

Святые угодники боронили его!

Женщина.

Матерь Божия покрывала!

Курюков.

А кто сидел-то в нем, православные? Кто
сидел-то в нем?

Один.

Одно слово: Иван Петрович!

Курюков.

То-то!

Гусляр (продолжает).

И пять месяцев король облегает Псков,
На шестой повесил голову.

А тем часом князь сделал вылазку
И побил всю силу литовскую,
Насилу король сам-третий убежал.
Бегучи, он, собака, заклинается:
«Не дай, Боже, мне на Руси бывать,
Ни детям моим, ни внучатам,
Ни внучатам, ни правнучатам!»

Один.

И поделом ему! Знай наших! Знай князь
Иван Петровича!

Гусляр (заканчивает).

Слава на небе солнцу высокому!
Слава на земле Иван Петровичу!
Слава всему народу христианскому!

Один.

Слава, воистину слава! Вот утешил, доб-
рый человек!

Другой.

Воздал честь, кому честь подобает!

(Кладет ему деньги в шапку.)

На тебе, добрый человек!

Все.

Прими ж и от нас! И от меня! И от меня!

Все бросают деньги в шапку гусяра.

Один.

Братцы, смотри, кто это сюда скачет?

Другой.

Ишь, как плетью жарит коня! Должно
быть, гонец!

Гонец (верхом).

Место! Место! Раздайтесь на мосту!

Посадский.

Эй, друг, откуда? С чем едешь?

Гонец.

От Тешлова! Татары Оку перешли, на
Москву идут! Место! Место!

Все раздаются. Гонец скачет по мосту в го-

род.

Один.

Ишь, притча какая! Чай, скоро подступят!

Женщина (голосит).

Ой, господи-светы! Ой, батюшки мои!
Опять выжгут наши слободы!

Третий.

Ну, расхныкалась! Нешто мы не видывали их! А князь-то Иван Петрович на что?

Четвертый.

Король-то небось почище татар, а и тот от Иван Петровича поджамши хвост убежал!

Третий.

Не родился еще тот, кто бы сломил Иван Петровича!

Курюков (выступает вперед).

Родился, православные, родился! Родился он, окаянный! Сломил он Иван Петровича! Сковал его, света нашего! По рукам и по но-

гам сковал!

Народ.

Что ты, дедушка, господь с тобой! Кто смеловал обидеть Иван Петровича!

Курюков.

Годунов, православные, Годунов! Годунов хочет извести его! Сейчас его, отца нашего, в слободскую тюрьму поведут, здесь, по мосту, поведут!

Шум и говор в народе.

Вспомяните, детушки, кто всегда стоял за вас! Кто вас от лихих судей боронил? От старост и воевод? От приставов и от целовальников? Кто не пустил короля на Москву? Кто татар столько раз отгонял? Шуйские стояли за нас, православные! Да есть ли кто на целом свете супротив Шуйских? А к кому ноне прикнулись князья и бояре нашему врагу, Годунову, отпор дать? Пропадем мы без Шуйских, детушки!

Голоса в народе.

Не дадим в обиду Шуйских! Не дадим в

обиду отца нашего, князь Иван Петровича!

Курюков.

Так отобьем же его у Годунова, православные, да на руках домой понесем!

Народ.

Отобьем!

Курюков.

Постоим за Шуйских, как при Олене Васильевне стояли! Вот он, православные! Вот он, отец наш, Иван Петрович! Вот он, с братьями, в кандалах идет!

Из городских ворот выезжают бубенщики. За ними едет кн. Туренин. За Турениным стрельцы ведут кн. Ивана Петровича и других Шуйских (кроме Василья) в кандалах.

Туренин (к народу).

Раздайтесь на мосту! Что дорогу загородили!

Курюков.

Батюшка, князь Иван Петрович! Говорил я

тебе: не мирись! Говорил, родимый: не мирись с Годуновым!

Народ.

Правое твое дело, Иван Петрович, а мы за тебя!

Туренин.

Раздайтесь, смерды! По царскому указу Шуйских в тюрьму ведем!

Народ.

По царскому? Неправда! По Годунова указу!

Туренин (стрельцам).

Разогнать народ!

Курюков.

Стойте дружно, православные! Кричите: Шуйские живут!

Народ.

Шуйские живут! Выручим отца нашего!

Курюков.

Ну, теперь за мной, как при Олене Васильевне! Шуйские! Шуйские!

(Бросается с бердышом на стрельцов.)

Народ (бросаясь за ним).

Шуйские! Шуйские!

Туренин (к стрельцам).

Руби воров! Кидай их в воду!

Свалка.

Курюков (падая с моста).

Шуйские! Господи, прими мою душу!

Кн. Иван Петрович.

Смирно, детушки! Слушайте меня!

Народ.

Отец ты наш! Не дадим тебя в обиду!

Кн. Иван Петрович.

Слушайте меня, детушки, разойдитесь! То воистину царская воля! Не губите голов ваших!

Туренин.

Вперед!

Кн. Иван Петрович.

Погоди, князь, дай последнее слово к народу сказать. Простите, московские люди, не поминайте лихом! Стояли мы за вас до конца, да не дал Бог удачи; новые порядки начинаются. Покоритесь же воле Божией, слушайтесь царских указов, не подымайтесь на Годунова. Теперь не с кем вам идти на него и некому будет отстаивать вас. А терплю я за вину мою, в чем грешон, за то и терплю. Не в том грешон, что с Годуновым спорил, а в том, что кривым путем пошел, хотел царицу с царем развести. А потом и хуже того учинил, на самого царя поднялся! Он – святой царь, де-тушки, он – от Бога царь, и царица его святая. Дай им, Господи, много лет здравствовать! (К Туренину.) Ну, теперь, князь, идем. Простите, московские люди!

Народ.

Батюшка! Отец наш! На кого ты нас, сирот,

покидаешь!

Туренин.

Бейте в бубны!

Бубенщики бьют в бубны. Народ расступается. Шуйских проводят через сцену. Из городских ворот выбегает Шаховской, без шапки, в одной руке сабля, в другой пистолет. За ним Красильников и Голубь с рогатинами.

Шаховской (вне себя).

Где князь Иван Петрович?

Один из народа.

А на что тебе? Выручать, что ли? Опоздал, боярин!

Другой (указывая на сцену).

Эвот, сейчас тюремные ворота за ним захлопнулись!

Шаховской.

Так за мной, люди! Раскидаем тюрьму по бревнам!

Красильников.

Чего, ребята, задумались? Аль не знаете нас?

Голубь.

Это князь Шаховской, а нас вы знаете!

Говор в народе.

А что ж, братцы! И в самом деле! Нас-то много, как не выручить! Идем, что ли, за князем?

Шаховской.

К тюрьме, ребята! Шуйские живут!

Народ.

Шуйские! Шуйские!

Все бегут за Шаховским.

Действие пятое

Покой в царском тереме

Годунов и Клешнин.

Годунов.

Сторонники захвачены ли Шуйских?

Клешнин.

Быкасовы, Урусовы-князья,
И Татевы, и Колычевы все
Уже сидят. Не удалось накрыть лишь
Головина – пропал, как не бывало!
Мстиславского ж ты трогать не велел.

Слуга (докладывает Годунову).

По твоему боярскому указу
Василь Иваныч Шуйский приведен.

Годунов.

Впустить его.

(К Клешнину.)

Ты нас одних оставишь.

Клешнин и слуга уходят. Василий Шуйский входит.

Здорово, князь. Мне ведомо, что дядю
От заговора воровского ты
Удерживал. Хвалю тебя за это.

Василий Шуйский.

Царю быть верным крест я целовал.

Годунов.

И доводить на врагов на царских.
Но ты на князь Ивана не довел.

Василий Шуйский.

Я знал, боярин, что через Старкова
Все ведомо тебе.

Годунов.

А знал ли ты,
Что этот лист мне также ведом?

Василий Шуйский.

Знал.

Годунов (показывая ему бумагу).

Ты признаешься в подписи своей?

Василий Шуйский.

Не в ней одной. Я сознаюсь, боярин,
Что челобитня эта мной самим
Затеяна. Зачем мне запираяться?
Тебе хотел я службу сослужить!
Когда дядья в союз вошли с владыкой,
А к ним Москва пристала, каждый свой
Давал совет; нашлись и такие,
Что в Угличе признать царем хотели
Димитрия. Чтоб отвратить беду,
Я предложил им эту челобитню.
Зачем ее ты не дал нам подать?!
Ты знал о ней! Царя б ты подготовил,
Он нас бы выслушал, нам отказал бы,
И все бы кончилось тихо.

Годунов.

Гладко

Ты речь ведешь. Я верю ли тебе
Или не верю – в этом нет нужды.
Ты человек смысленый; ты уж понял,
Что провести меня не так легко
И что со мной довольно трудно спорить.
В моих руках ты. Но не буду трогать
За прошлое тебя и обещаний

Не требую на будущее время.
Как прибыльней тебе: со мной ли быть
Иль на меня идти – об этом ты
Рассудишь сам. Подумай на досуге.

Василий Шуйский.

Борис Феодорыч! О чем мне думать?
Я твой слуга!

Годунов.

Мы поняли друг друга.
Прости ж теперь, на деле я увижу,
Ты искренно ли говорил.
Василий Шуйский уходит.

Слуга (докладывает).

Боярин,
Царица к милости твоей идет!

Входит Ирина, в сопровождении нескольких боярынь. Годунов опускается перед ней на колени.

Годунов.

Великая царица, я не ждал
Прихода твоего...

Ирина (к боярыням).

Оставьте нас.

Боярыни уходят.

Брат, не тебе – мне на коленях быть
Перед тобой приходится!

Годунов (вставая).

Сестра,

Зачем ко мне пришла ты без доклада?

Ирина.

Прости меня – мне дорог каждый миг —
Тебя просить пришла я, брат!

Годунов.

О чем?

Ирина.

Ужели ты погубишь князь Ивана?

Годунов.

В своей измене сам сознался он.

Ирина.

Он в ней раскаялся! Его мы слову
Поверить можем. Благостью царицей
Он побежден. Чего боишься ты?
Ужель опять ко дням царя Ивана,
К дням ужаса, вернуться ты б хотел?
Им срок прошел! Не благостью ли Федор
Одной силен? Не за нее ли любит
Его народ? А Федорова сила —
Она твоя! Для самого себя
Ее беречь ты должен! Ею ныне,
Лишь ей одной, мы с Шуйскими достигли,
Чего достичь не смог бы страхом казни
Сам царь Иван!

Годунов.

Высокая гора
Был царь Иван. Из недр ее удары
Подземные равнину потрясали,
Иль пламенный, вдруг вырываясь, сноп
С вершины смерть и гибель слал на землю.
Царь Федор не таков! Его бы мог я
Скорей сравнить с провалом в чистом по-

ле.

Расселины и рыхлая окрестность
Цветущею травой сокрыты, но,
Вблизи от них бродя неосторожно,
Скользит в обрыв и стадо и пастух.
Поверье есть такое в наших селах,
Что церковь в землю некогда ушла,
На месте ж том образовалась яма;
Церковищем народ ее зовет,
И ходит слух, что в тихую погоду
Во глубине звонят колокола
И клирное в ней пенье раздается.
Таким святым, но ненадежным местом
Мне Федор представляется. В душе,
Всегда открытой недругу и другу,
Живет любовь, и благость, и молитва,
И словно тихий слышится в ней звон.
Но для чего вся благость и вся святость,
Коль нет на них опоры никакой!
Семь лет прошло, что над землею русской,
Как Божий гнев, пронесся царь Иван.
Семь лет с тех пор, кладя за камнем ка-
мень,

С трудом великим здание я строю,
Тот светлый храм, ту мощную державу,

Ту новую, разумную ту Русь, —
Русь, о которой мысля непрестанно
Бессонные я ночи провожу.
Напрасно все! Я строю над провалом!
В единый миг все может обратиться
В развалины. Лишь стоит захотеть
Последнему, ничтожному врагу —
И он к себе царево склонит сердце,
И мной в него вложенное хотенье
Он изменит. Врагов же у меня
Немало есть – не все они ничтожны —
Ты наглость знаешь дерзкую Нагих,
Ты знаешь Шуйских нрав неукротимый, —
Не прерывай меня, – я Шуйских чту, —
Но доблесть их тупа и близорука,
Избитою тропой они идут,
Со стариной сковало их преданье —
И при таком царе, каков царь Федор,
Им места нет, быть места не должно!

Ирина.

Ты прав, Борис, тебе помехой долго
Был князь Иван; но ты уж торжествуешь!
Его вина, которой ныне сам
Стыдится он, порукой нам, что нет

У Федора слуги вернее!

Годунов.

Верю;

Он вновь уже не встанет мятежом,
Изменой боле царского престола
Не потрясет, – но думаешь ли ты,
Перечить мне он также отказался?

Ирина.

Ты поборол его, тобой он сломан;
В темнице он; ужели мщенья ты
Послушаешь?

Годунов.

Я мщенья не знаю,
Не слушаю ни дружбы, ни вражды;
Перед собой мое лишь вижу дело,
И не своих, но дела моего
Гублю врагов.

Ирина.

Подумай о его
Заслугах, брат!

Годунов.

За них приял он честь.

Ирина.

К стенам Москвы с Ордою подступает
Ногайский хан. Кто даст ему отпор?

Годунов.

Не в первый раз Москва увидит хана.

Ирина.

От Шуйского от одного она
Спасенья ждет.

Годунов.

Она слепа сегодня,
Как и всегда. Опаснее, чем хан,
Кто в самом сердце царства подрывает
Его покой; кто плевелом старинным
Не устает упорно заглушать
Величья нового посева. Ирина!
В тебе привык я ум высокий чтить
И светлый взгляд, которому доступны
Дела правленья. Не давай его
Ты жалости не дельной помрачать!

Я на тебя рассчитывал, Ирина!
Доселе ты противницей моею
Скорее, чем опорой, была;
Ты думала, что Федор государить
Сам по себе научится; тебе
Внутри души казалось обидным,
Что мною он руководим; но ты
Его бессилье видишь. Будь же ныне
Помощницей, а не помехой мне.
Недаром ты приставлена от Бога
Ко слабому царю. Ответ тяжелый
Есть на тебе. Ты быть должна царицей —
Не женщиной! Ты Федора должна
Склонить теперь, чтоб отказался он
От всякого вступательства за Шуйских!

Ирина.

Когда б могла я думать, что нужна
Погибель их для блага государства,
Быть может, я в себе нашла бы силу
Рыданье сердца подавить; но я
Не верю, брат, не верю, чтобы дело
Кровавое пошло для царства впрок,
Не верю я, чтоб сам ты этим делом
Сильнее стал. Нет, тяжким на тебя

Оно укором ляжет! Помогать
Избави Бог тебе! Нет, я надеюсь
На Федора!

Годунов.

Со мною хочешь снова
Ты врозь идти?

Ирина.

Пути различны наши.

Годунов.

Придет пора, и ты поймешь, Ирина,
Что нам один с тобою путь.

(Отворяет дверь и говорит за кулисы.)

Царица

Зовет своих боярынь!

Боярыни входят.

Ирина.

Брат, прости!

Годунов (с низким поклоном).

Прости меня, великая царица!

Площадь перед Архангельским со-

бором

Нищие толпятся у входа. В глубине сцены
виден народ.

Один нищий.

Скоро ль выйдет царь?

Слепой.

Слышишь, панихиду служат по покойном
государе; уж вечную память пропели; должно
быть, сейчас выйдет.

Другой нищий.

А кто служит панихиду-то?

Слепой.

Иов служит Ростовский. Его, слышно, и в
митрополиты поставят, а владыку сведут.

Первый нищий.

Дионисия-то сведут?

Слепой.

Да, сведут. И Дионисия и Варлаама Крутиц-
кого сведут. Годунову, вишь, неуютны стали,

за Шуйских вступались!

Четвертый (на костылях, протесняется вперед).

Братие! Слышали, что на Красной площади деется?

Слепой.

А чему там деяться?

Четвертый.

Купцам головы секут!

Первый.

Каким купцам?

Четвертый.

Ногаевым! Красильникову! Голубю, отцу с сыном! Еще других повели!

Все.

Господи, твоя воля! Да за что ж это?

Четвертый.

За то, что за Шуйских стояли. Сами-то

Шуйские уж в тюрьме сидят!

Первый.

Боже их помилуй! А царь-то что же?

Четвертый.

Годунов обошел царя!

Все.

Место! Место! Царица идет!

Нищие сторонятся, Ирина подходит со Мстиславской; за ней боярыни. Стольник идет впереди и раздает милостыню.

Ирина.

Стой здесь, княжна. Выйдет царь, поклонись ему в ноги и проси за дядю.

Княжна.

Государыня-царица, награди тебя Господь, что привела ты меня!

Ирина.

Не бойся, дитяtko, царь милостив. Что же ты так дрожишь? Дай я тебе поднизи под-

правлю; и косу-то растрепала ты свою!

Княжна.

Царица-матушка, сердце замирает; научи меня, как царю сказать?

Ирина.

Как у тебя на сердце, так и скажи, дитяtko. Где жених твой? Ему бы теперь с тобою быть!

Княжна.

Не видала я его, царица, с той самой ночи, с того часа, как... *(Закрывает лицо и рыдает.)*

Ирина.

Бедная ты! И ему-то каково! Чай, теперь умереть бы рад, чтобы свое дело поправить!

Княжна.

Воздай тебе Матерь Божия, что жалеешь ты нас!

Трезвон во все колокола. Бояре выходят из собора. Двое из них раздают милостыню. За ними идет Федор.

(Вполголоса.) Теперь, царица?

Ирина.

Нет еще, подождем, дитяtko; видишь, он помолиться хочет.

Федор (становится на колени, лицом к собору).

Царь-батюшка! Ты, скольким покаяньем,
Раскаяньем и мукой искупивший
Свои грехи! Ты, с Богом ныне суций!
Ты царствовать умел! Наставь меня!
Вдохни в меня твоей частицу силы
И быть царем меня ты научи!
(Встает и хочет идти.)

Ирина (ко Мстиславской).

Княжна, теперь!

Княжна (бросается в ноги Федору).

Царь-государь, помилуй!

Федор.

Чего тебе, боярышня? Встань, встань!

Княжна.

Помилуй дядю моего!

Федор.

Кто ты?

Кто дядя твой?

Княжна.

Иван Петрович Шуйский!

Федор.

Так ты княжна Мстиславская? Да, да,
Я узнаю тебя!

Ирина (становится на колени).

Свет-государь!

Она тебя со мною вместе молит
За князь Иван Петровича!

Федор.

Арина,

Что ты, Арина? Встань! Вставайте обе!
Я князь Иван Петровича прощу,
Но надобно, чтобы в тюрьме немного
Он посидел!

Ирина.

Свет-государь, прости
Его теперь! Пошли за ним сейчас же!
Вели ему оборонять Москву,
Как некогда он Псков оборонял!

Федор.

Ну, хорошо, Арина, я и сам
Хотел послать за ним, немного позже
Хотел послать, но для тебя, Арина,
Пошлю сейчас.

(К Годунову.)

Борис, пошли за ним!

Годунов.

Великий царь, ты сам же нам дозволил
Начать сперва над Шуйскими допрос.
Он начался...

Федор.

Он должен прекратиться.

Годунов.

Но, государь...

Федор.

Ты слышал мой приказ?

Годунов.

Великий царь...

Федор.

Не вовремя ты вздумал

Перечить мне. От нынешнего дня

Я буду царь. Советы все и думы

Я слушать рад, но только слушать их —

Не слушаться! Где пристав князь Ивана?

Где князь Туренин?

Клешнин.

Эвот, он идет!

Подходит Туренин.

Федор (к Туренину).

Сейчас всех Шуйских освободить! Ивана ж

Петровича ко мне прислать!

Туренин не трогается с места.

Ты слышишь?

Чего ты ждешь?

Туренин.

Великий царь...

Федор.

Как смеешь

Еще стоять ты предо мной, когда

Тебя я шлю!

Туренин.

Великий государь!

Не властен я твою исполнить волю...

Иван Петрович...

Федор.

Ну?

Туренин.

Он сею ночью...

Федор.

Что – сею ночью? Говори! Ну, что?

Туренин.

Он сею ночью пётлей удавился!

Княжна.

Святая Матерь Божья!

Туренин.

Государь,

В том виноваты, что недосмотрели;

Мы береглися, как народ его бы

Не свободил; вчера толпу отбили;

Привел ее с купцами Шаховской,

Да кабы я не застрелил его,

Вломились бы!

Княжна падает в обморок.

Федор (смотрит страшно на Туренина).

Князь Шуйский удавился?

Иван Петрович? Лжешь! Не удавился —

Удавлен он!

(Хватает Туренина обеими руками за ворот.)

Ты удавил его!

Убийца! Зверь!

(К Годунову.)

Ты ведал это?

Годунов.

Бог

Свидетель мне – не ведал.

Федор.

Палачей!

Поставить плаху здесь, перед крыльцом!

Здесь, предо мной! Сейчас! Я слишком дол-

го

Мирволил вам! Пришла пора мне вспом-

нить,

Чья кровь во мне! Не вдруг отец покойный

Стал грозным государем! Через окольных

Он грозен стал – вы вспомните его!

Гонец, весь запыленный, с грамотой в ру-

ках, спешно подходит к Годунову.

Гонец.

Из Углича, боярину Борису

Феодорычу Годунову!

Федор (вырывая грамоту у гонца).

Дай!

Когда сам царь стоит перед тобой,

Так нету здесь боярина Бориса!

(Глядит в грамоту и начинает дрожать.)

Аринушка, мое неясно зренье —
Не вижу я, мне кажется, я что-то
Не так прочел – в глазах моих рябит —
Прочти ты лучше!

Ирина (взглянув в грамоту).
Боже милосердый!

Федор.
Что там, Арина? Что?

Ирина.
Царевич Дмитрий...

Федор.
Упал на нож? И закололся? Так ли?

Ирина.
Так, Федор, так!

Федор.
В падучем он недуге
Упал на нож? Да точно ль так, Арина?
Ты, может быть, не так прочла – дай лист!
(Смотрит в грамоту и роняет ее из рук.)

До смерти – да – до смерти закололся!
Не верится! Не сон ли это все?
Брат Дмитрий мне заместо сына был —
У нас с тобой ведь нет детей, Арина!

Ирина.

Всю Русь Господь бедою посетил!

Федор.

Его любил, как сына, я, его
Хотел к себе я взять, но там оставил —
Там, в Угличе... Иван Петрович Шуйский
Мне говорил не оставлять его!
Что скажет он теперь? Ах да бишь! Он
Уж ничего не скажет – он удушен!

Годунов (который между тем поднял и прочел грамоту).

Великий царь...

Федор.

Ты, кажется, сказал:
Он удушился? Митя ж закололся?
Арина, а? Что, если...

Годунов.

Государь,

Тебе сейчас отправить в Углич надо

Кого-нибудь...

Федор.

Зачем? Я сам отправлюсь!

Я сам хочу увидеть Митю! Сам!

Я никому не верю!

Ратник подходит к Годунову.

Ратник.

По дороге

Серпуховской маячные дымы

Виднеются!

Годунов.

Великий государь,

То хан идет. Через несколько часов

Его полки Москву обложат. Ехать

Не можешь ты теперь.

Клешнин.

Царь-государь,

Пошли меня, холопа твоего!

Я, батюшка, хоть прост, а что увижу,
То и скажу!

Годунов.

А розыск учинить
Об этом деле мог бы князь Василий
Иваныч Шуйский. Пусть поедут оба
И разберут, чьей в Угличе виной
Беда случилась!

Федор (с недоумением).

Вправду? Вправду хочешь
Послать ты в Углич Шуйского, Василья?
Послать племянника того, кого ты —
Кого они сегодня ночью...

(Бросается Годунову на шею.)

Шурин!

Прости меня! Я грешен пред тобой!
Прости меня, мои смешались мысли —
Я путаюсь – я правду от неправды
Не отличу! Аринушка моя,
Поди ко мне. Петрович, поезжай
Со князь Васильем. Князь Василий, что

бишь

Тебе хотел сказать я? Позабыл!
Да, вот что: я послал на той неделе
Игрушек Мите...

(Рыдает.)

Я хотел бы знать —
Хотел бы знать, успел ли он, успел ли...

Княжна (которую подводят боярыни).
Все кончено! Жених застрелен мой,
Удавлен дядя...

Ирина.
Дитятко, тебя
К себе возьму я, будешь ты отныне
Мне вместо дочери!

Княжна.
Царица, я
Постричься бы хотела...

Федор.
Да, княжна,

Да, постригись! Уйди, уйди от мира!
В нем правды нет! Я от него и сам бы
Хотел уйти – мне страшно в нем, – Арина,
Спаси меня, Арина!

Боярыни уводят княжну.

Ирина.

Свет мой, Федор,
В молитве мы у Бога утешенья
Должны просить!

Федор.

В молитве? Да, Арина!
Я в монастырь пойду, молиться буду —
Посхимлюсь там...

Ирина.

Нельзя тебе, свет-Федор!
Венец наследный некому тебе
Твой передать.

Федор.

Да, я последний в роде —
Последний я. Что ж делать мне, Арина?

Ирина.

Свет-государь, нет выбора тебе;

Один Борис лишь царством править может,

Лишь он один. Оставь на нем одном
Правления всю тягость и ответ!

Федор.

Так, так, Ирина! не вмещаюсь боле
Я ни во что!

Годунов (тихо к Ирине).

Пути сошлись наши!

Ирина.

О, если б им сойтись не довелось!

Звон труб. Входит Мстиславский в броне и в шлеме. Оружничий Годунова приносит ему вооруженье.

Мстиславский (Годунову).

Полки тебя, боярин, в поле ждут!

Годунов (вооружаясь).

Все по местам!

Бояре уходят.

Мстиславский.

Ты сам ли встретишь хана

Нас поведешь?

Годунов.

Боярин князь Мстиславский!

Я муж совета, ты же муж войны!

Отныне будь верховным воеводой —

За честь Руси, как вождь, веди нас в бой,

Я ж следую, как ратник, за тобой!

(Уходит со Мстиславским.)

Народ бежит за ними. На сцене остаются только Федор, Ирина и нищие.

Федор.

Бездетны мы с тобой, Арина, стали!

Моей виной лишились брата мы!

Князей варяжских царствующей ветви

Последний я потомок. Род мой вместе

Со мной умрет. Когда бы князь Иван

Петрович Шуйский жив был, я б ему
Мой завещал престол; теперь же он
Бог весть кому достанется! Моею,
Моей виной случилось все! А я —
Хотел добра, Арина! Я хотел
Всех согласить, все сгладить – Боже, Боже!
За что меня поставил ты царем!

1864–1868

Царь Борис (трагедия в пяти действиях)

Действующие лица

Царь Борис Федорович Годунов
Царица Мария Григорьевна, его жена,
дочь Малюты Скуратова

их дети

Царевич Федор

Царевна Ксения

Царица Ирина Федоровна, во иночестве Александра, сестра царя Бориса, вдова царя Федора Иоанновича

Царица Мария Федоровна Нагая, во иночестве Марфа, вдова Иоанна Грозного

Христиан, герцог датский, жених царевны Ксении

его советники

Гольк

Браге

Семен Годунов, ближний боярин
Князь Василий Иванович Шуйский
Петр Федорович Басманов, боярин и воево-
да

бояре

Федор Никитич Романов
Александр Никитич Романов
Князь Репнин
Князь Черкасский
Князь Сицкий
Князь Голицын
Салтыков

Андрей Петрович Луп-Клешнин, во схиме
брат Левкий

Василиса Волохова, боярыня
Афанасий Власьев, думный дьяк
Воейков, воевода Тарский
Дементьевна, барская барыня
Ричард Ли, посол английский
Миранда, папский нунций
Барон Логау, посол австрийский
Лев Сапега, посол литовский

Эрик Гендрихсон, посол шведский
Авраамий Люс, посол флорентийский
Гермерс, любский бургомистр, прислан-
ный от ганзейских городов

Архимандрит Кирилл, посол иверский
Лачин-Бек, посол персидский
Челибей, посол турецкий
Хлопко-Косолап, атаман разбойников

его есаулы

Решето

Наковальня

Митька, разбойник

Посадский

беглые монахи

Мисаил Повадин

Григорий Отрепьев

часовые

Первый

Второй

сыщики

Первый
Второй

бабы

Первая
Вторая
Третья
Четвертая

Врач
Стрелецкий голова
Спальник
Стольник
Крилошанка
Пристав

Бояре, боярыни, стольники, рынды, стрельцы, посольская свита, монахи, беглые крестьяне, разбойники, нищие, сыщики, слуги и народ

Действие – в Москве и ее окрестностях в конце XVI и начале XVII столетия.

Действие первое

Престольная палата

Салтыков и Воейков.

Салтыков.

Ты вовремя, боярин, с доброй вестью
Вернулся из Сибири: угодил
Как раз попасть в тот день, как государь
Венчается на царство!

Воейков.

Богу слава!
Довольно он откладывал венчанье
Со дня, как Земской думою соборной
На царство был избрán!

Салтыков.

Да, да, в шеломе,
А не в венце, с мечом вместо скиптра,
Он ждал татар. Но хан, им уstraшенный,
Бежал назад! И то сказать: пятьсот
Нас вышло тысяч в поле. Без удара
Казы-Гирей рассыпан – и ни капли
Не пролилося русской крови!

Воейков.

Слава

Царю Борису!

Салтыков.

Слава и хвала!

Подумаешь: как царь Иван Васильич
Оставил Русь Феодору-царю!

Война и мор – в пределах русских ляхи —
Хан под Москвой – на брошенных полях
Ни колоса! А ныне, посмотри-ка!

Все благодать: анбары полны хлеба —
Исправлены пути – в приказах правда —
А к рубежу попробуй подойди
Лях или немец!

Воейков.

Что и говорить!

Воскресла вся земля! Царю недаром
От всех любовь! Такого ликованья,
Я чай, Москва отроду не видала!

Насилу я проехал чрез толпу;
На двадцать верст кругом запружены
Дороги все; народ со всех концов

Валит к Москве; все улицы полны;
И все дома, от гребней до завалин,
Стоят в цветах и в зелени! Я думал:
Авось к царю до выхода проеду!
Куды! Я, чай, от валу до Кремля
Часа четыре пробирался. Там
Услышал я: в соборе царь Борис —
Венчается!

Салтыков.

Сейчас вернется в терем!

Воейков.

Ты что ж не там?

Салтыков.

Послов примать наряжен.

Воейков.

Каких послов?

Салтыков.

Да мало ль их! От папы,
От цесаря, от Англии, от Свей,
От Персии, от Польши, от Ганзы —

Не перечесть!

Воейков.

И всех их примет царь?

Салтыков.

Всех с этого престола слушать будет!

Воейков.

Пора, пора воссесть ему на нем!

Семь месяцев венчания мы ждали!

Салтыков.

А до того, чай, целых шесть недель

Приять венец его молили!

Воейков.

Да,

Смирению такому нет примера.

До нас дошло, как вашим он молениям

Внять не хотел!

Салтыков.

И если бы владыка

От церкви отлучением ему

Не угрозил – быть может, и доселе
Мы были б без царя!

Воейков.

А говорили:
Честолюбив!

Салтыков.

Поди ты! Мало ль что
О нем толкуют! Говорили также:
Он Дмитрия-царевича извел!

Воейков.

Безбожники! бессовестные люди!
Когда б извел Димитрия Борис,
Он стал ли бы от царства отречься!

Салтыков.

Вестимо, нет! когда скончался Федор,
Рыдали все, но скорбь ничья сравниться
Со скорбию Бориса не могла.

Воейков.

Я был уже в походе; не сподобил
Меня Господь к усопшего руке

С другими приложиться. Говорят,
Был чудно светел лик его?

Салтыков.

Тиха

Была его и благостна кончина.

Он никому не позабыл сказать

Прощальное, приветливое слово;

Когда ж своей царицы скорбь увидел,

«Аринушка, – сказал он, – ты не плачь,

Меня Господь простит, что государить

Я не умел!» И руку взяв ее,

Держал в своей и, кротко улыбаясь,

Так погрузился словно в тихий сон —

И отошел. И на его лице

Улыбка та последняя осталась.

Воейков.

Царь благодушный!

Салтыков.

После похорон

Постриглася царица.

Воейков.

И тогда же
С ней заперся правитель?

Салтыков.

В тот же день.

Молениям боярским не внимая,
Он говорил: «Со смертью царя
Постыли мне волнение, и пышность,
И блеск, и шум. Здесь, близ моей сестры,
Останусь я; молиться с ней хочу я
И здесь умру!»
Звон во все кремлевские колокола.

Воейков (подходя к окну).

Идут, идут! Народ
Волнуется! Вот уж несут хоругви!
А вот попы с иконами, с крестами!
Вот патриарх! Вот стольники! Бояре!
Вот стряпчие царицы! Вот он сам!
В венце и в бармах, в золотой одежде,
С державою и скипетром в руках!
Как он идет! Все пали на колени —
Между рядов безмолвных он проходит
Ко Красному крыльцу – остановился,
Столпились все – он говорит к народу...

Молчание; потом взрыв радостных криков.

Целует крест – вот на крыльцо вступает —
Как светел он! Сияние какое
В его очах! Нет, сам Иван Васильич
В величии подобном не являлся —
Воистину, то царь всея Руси!

Трубы и дворцовые колокола. Рынды входят и становятся у престола; потом бояре; потом стряпчие с царской стряпней; потом ближние бояре; потом сам царь Борис, в полном облачении, с державой и скипетром. За ним царевич Федор. Борис всходит на подножие престола.

Борис (стоя на подножии).

Соизволеньем Божиим и волей
Соборной Думы – не моим хотеньем —
Я на престол царей и самодержцев
Всея Руси вступаю днесь. Всевышний
Да укрепит мой ум и даст мне силы
На трудный долг! Да просветит меня,
Чтобы бразды, мне русскою землею
Врученные, достойно я держал,
Чтобы царил я праведно и мудро,

На тишину Руси, как царь Феодор,
На страх врагам, как грозный Иоанн!
(Садится на престол.)

Царевич Федор садится по его правую руку.

Воейков (опускаясь на колени).

Великий царь! Господь тебя услышал:
Твои враги разбиты в пух и прах!
Воейков я, твой Тарский воевода,
Тебе привезший радостную весть,
Что хан Кучум, свирепый царь сибирский,
На Русь восстать дерзнувший мятежом,
Бежал от нас в кровопролитной битве
И пал от рук ногайских мурз. Сибирь,
Твоей опять покорная державе,
Тебе навек всецело бьет челом!

Борис.

Благодаренье Господу! Да будет
В сей светлый день нам знаменiem доб-
рым

Благая весть! Встань, воевода Тарский,
И цепь сию, в знак милости великой,
От нас прими!

(Снимает с себя цепь и надевает на Воейко-

ва.)

Мой сын, царевич Федор,
Вам здравствует со мной, бояре! Он
Летами млад, но ко святой Руси
Его любовь равна моей. В нем буду
Готовить мне достойного на царство
Преемника. Любить его, бояре,
Я вас прошу!
Федор кланяется.

Борис.

Да здравствует царевич!
Живет царевич!

Салтыков.

Государь, послы
Ждут позволенья милости твоей
На царствии здорóвать!

Борис.

Пусть войдут!

Трубный туш и литавры. Входит посол английский, предшествуемый двумя стольниками; за ним идет его свита и останавливается, не доходя престола. Посол подходит к престо-

лу; стольники раздаются направо и налево. При входе следующих послов соблюдаются те же обряды.

Салтыков.

Посол Елисаветы, Ричард Ли!

Ричард Ли.

Британии Великой королева
Царю Борису дружеский поклон
Усердно шлет, его на русском троне
Приветствуя как друга своего,
Как кровного, возлюбленного брата.
Великий царь! Ей дорог несказанно
С тобой союз, и, если бы избрать
Для сына ты меж юными княжнами
Британии невесту захотел,
Твое свойство вменила б королева
Себе в любовь и видела бы в нем
Залог союза наших двух народов
И совершенье мысли Иоанна,
Который был ей другом... Графа Дэрби
Младая дочь красою превышает
Красавиц всех, а кровь ее одна
С Елисаветы королевской кровью!

Борис.

Благодарю сестру Елисавету.

Ее союзом боле дорожу,

Чем всех других высоких государей,

Писавших к нам о том же. Но мой сын

Феодор млад еще о браке думать —

Мы подождем.

Ричард Ли отходит, предшествуемый
стольниками. Трубы и литавры. Входит пап-
ский нунций.

Салтыков.

Миранда, нунций папы!

Миранда.

Великий царь всея земли Московской!

Святой отец Климент тебе свое

Апостольское шлет благословенье

И здравствует на государстве! В знак

Особенной своей к тебе любви,

Он утвердить твой титул предлагает,

Как титулы божеских королей

И польских утвердил он. Если ж ты

Своей душой, миролюбиво-мудрой,

Столь ведомой наместнику Христа,
Как он, о царь, скорбишь о разделенье
Родных церквей – он через нас готов
Войти с твоим священством в соглашенье,
Да прекратится распря прежних лет
И будет вновь единый пастырь стаду
Единому!

Борис.

Святейшего Климента
Благодарю. Мы чтим венчаных римских
Епископов и воздаем усердно
Им долг и честь! Но Господу Христу
Мы на земле наместника не знаем.
Наш царский сан, по воле Божьей, мы
От русской всей земли прияли – боле ж
Ни от кого не просим утвержденья.
Когда святой отец ревнует к вере,
Да согласит владык он христианских
Идти обща́ на турецкого султана,
О вере братьий наших свободить!
То сблизит нас усердием единым
К единому кресту. О съединенье ж
Родных церквей мы молимся все дни,
Когда святую слышим литургию.

Миранда отходит. Трубы и литавры. Входит посол австрийский.

Салтыков.

Барон Логау, цесарьский посол!

Логау.

Великий царь! Рудольфус, римский цесарь,
Тебе на царстве братский шлет поклон,
Моля тебя помочь ему войсками
И деньгами, чтобы могли султану
Мы дать отпор, безбожному Махмету,
Грозящему из Венгрии идти
На Австрию!

Борис.

Не в первый раз султану
Австрийским мы обязаны посольством.
При Федоре, покойном государе,
Мы учинили с вами договор:
От турок вам помочь казною нашей,
С тем чтобы вы взвели Максимильяна,
Рудольфа брата, на литовский трон.
Вы приняли исправно наши деньги,
Но, под рукой, с Литвою сговорились —

И Жигимонта свейского признали,
Врага Руси, литовским королем!

Логау.

Великий царь, мы не были вольны!

Наш претендент, Максимилян, Замоиским

В Силезии был полонен.

Борис.

И вместо

Чтобы его оружием свободить,

С Литвой скорей вы заключили мир

И даром нас поссорили с султаном.

Логау.

Не мы, о царь! Султан твой давний враг,

И на Москву он хана насылает

Не в первый раз. Когда ты дашь ему

Нас одолеть, ты своего ж злодея

Усилишь, государь!

Борис.

Поход крестовый

Я на него Европе предлагаю.

Он враг нам всем, не мой один. Испаньи,
Сицилии и рыцарям Мальтийским,
Венеции и Генуи он враг,
Досадчик всем державам христианским!
Пускай же все подымут общий стяг
На Турцию! Тогда не из последних
Увидят нас. Но до того мы будем
Лишь наши грани русские беречь.
Мы не хотим для Австрии руками
Жар загребать. Казною, так и быть,
Мы учиним вам снова вспоможенье,
Войска ж свои пока побережем.
Логау отходит. Трубы и литавры. Входит
посол литовский.

Салтыков.

Посол литовский, канцлер Лев Сапега!

Сапега.

Великий царь! Твой брат, король на Польше,

Король на Сvei и великий князь
Земли литовской, Третий Жигимонт,
Прислал тебе со мною, Львом Сапегой,
Его короны канцлером, поклон

И гратуляцію на царстве! Наше
К концу приходит скоро перемирье,
Но Жигимонт и мы, паны, хотим
Уже забыть вражду с Москвою. То
Король Батур с царем Иваном прáлись —
На души ж их пускай тот ляжет спор!
Ты ж новую вчинаешь династію,
И твоему величеству не нужно
Литигиум тот старый пильновать.
Коль Жигимонта свейским королем
Призна́ешь ты и титул обещаешь
Ему давать, который у него
Его ж правитель, Карлус, отымает,
Эстонию ж землей признаешь польской, —
То мы тебе Ливонию уступим
И грамоту согласны подписать
На вечный мир с Москвою!

Борис.

Пан Сапега!

Ты шесть недель в Москве, кажися, ждал,
Пока тебе перед собой явиться
Дозволил я. Ты времени довольно
Имел узнать войска и силы наши.
Сдается мне, мир будет Жигимонту

Нужней, чем нам. Ливонская земля
С Эстонией есть вотчина Руси
От Ярослава Первого, от сына
Владимира Святого. Род мой нов,
Но я с державой русскою приял
Права ее древнейших государей.
Доколе жив, не уступлю из них
Ни одного. Я Жигимонта свейским
Не признаю владыкой. Герцог Карлус
Владеет Свеей. Титулов пустых
Я не даю.

Сапега.

Тогда, великий царь,
Осталось мне, всев на коня, до дому
Скакать без мира?

Борис.

Доброго пути!

Сапега.

Но, царь великий, я ж не за войною —
За миром прислан я!

Борис.

Из уваженья
Ко брату Жигимонту, перемирье
Я вам продлю. В моей Боярской думе
Ты можешь мой услышать уговор.
Сапега отходит. Трубы и литавры. Входит
посол шведский.

Салтыков.

Посол от Свеи, Эрик Гендрихсон!

Гендрихсон.

Преславный царь! Правитель свейский
Карлус

От всей души тебе на государстве
Свой шлет поклон и просит, чтобы в споре
Его чинов с литовским Жигимонтом
Ты свейскую корону поддержал!

Борис.

Его зовут на королевство?

Гендрихсон.

Царь...

Борис.

Да, да, я знаю! Свейские чины
Уже ему корону предлагали!

Гендрихсон.

Когда тебе земли желанье нашей
Уж ведомо...

Борис.

Я знаю все.

Гендрихсон.

Но герцог
Чиnam ответа не дал и короны
Еще не принял.

Борис.

Он корону примет.
К престолу Карлус призван всей землей —
Он отказаться от него не может.
Приветствую отныне королем
Его я свейским, Карлусом Девятым!
И если брат наш Карлус с нами хочет
Пребыть в любви – пусть продолжает он
Вести войну с Литвою неуклонно,
Ливонию ж с Эстонией признаёт

Землею русской. Мы ему на том
Наш вечный мир и дружбу обещаем!
Гендрихсон отходит. Трубы и литавры.
Входит посол флорентийский.

Салтыков.

Аврамий Люс, Флоренции посол!

Люс.

Тебе, царю Московския державы,
Избранному любовью всей земли,
Шлет Фердинанд, из рода Медицеев,
Приветствие и дружеский поклон.
Был дед его любовью народной,
Равно как ты, к правлению призван —
Достоинства сроднили оба рода:
Как Козимо и как Лоренцо наш,
Ты друг наук и вольного искусства.
То ведая, тебе великий вождь
Флоренции услуги предлагает
И рад тебе художников своих,
Ваятелей прислать и живописцев,
Литейщиков и зодчих, да цветет
Твоя земля не только славой бранной,
Но и красой художества вовек!

Борис.

Любезного я брата, Фердинанда,
Благодарю душевно; принимаю
Его любовь и добрую услугу
Признательно. Суров наш русский край;
Нам не дал Бог, как вам, под вольным
небом

Красой искусства очи веселить;
Но что́ над плотью высит человека,
Что́ радует его бессмертный дух,
От Бога то ведет свое начало,
И верю я, оно на пользу будет
И радость нам!

Люс.

Прими же, государь,
В знак неперемнной дружбы Фердинанда,
Сей небольшой фиал. Иссечен он
Из горного кристалла и оправлен
Искуснейшим из наших мастеров:
Ему Челлини имя.

Борис.

Будет мне

Двояко дорог этот дар. Поведай
Великому Флоренции вождю,
Что если есть в земле моей русской
Что б ни было пригодное ему —
Оно его!

Люс отходит. Трубы и литавры. Входят ганзейские купцы: Гермерс и два ратсгерра – и подходят вместе к престолу. За ними идут слуги с дарами.

Салтыков.

Любчанский бургомистер,
От всех имперских вольных городов!

Гермерс.

Земли русской светлый император
И славный царь! Любчанские купцы
От имени Ганзы высокохвальной
На государстве здравствуют тебе!
Усердье наше ведомо Руси:
Когда еще голландцы, и французы,
И англичан пронырливый народ
В твой славный край не знали и дороги,
Уже Ганза исправно, аккуратно
И дешево все лучшие ему

Товары доставляла; и за то
Она была русийскими князьями
Избавлена от пошлин. Государь!
Вели ж и ты, чтоб неприличных пошлин
Не брали с нас! А мы, в усердьи нашем,
Тебе дары посильные несем.
Из серебра литого вот фигуры:
Фортуна вот – в ней двадцать фунтов
с лишком —
А это вот богиня Венус – в ней
Есть тридцать фунтов – это птица струс —
А вот павлин – вот лев – вот два еленя —
Вот два коня – петух – и славный бог
Меркуриус – всего сто десять фунтов
И двадцать три золотника!

Борис.

Издавна

Нам другом был почтенный город Любск.
Благодарю Ганзú за поздравленьи
И за дары. Имперских городов
Избавить мы от пошрины не можем,
Зане у нас купцы иных земель
Ее несут. Но, в уваженьи древней
С любчанами приязни, мы велим

С них пошлин брать отныне половину,
Товары ж их избавим от осмотра,
С тем чтоб они, по совести, их сами
Нам объявляли.

Гермерс и прочие (махая шапками).

Виват царь Борис!

Купцы уходят. Трубы играют туш другого характера. Из других дверей входит посол персидский; перед ним идет Семен Годунов, которому Салтыков уступает место. За послом слуги его несут драгоценный престол.

Семен Годунов.

Великий государь! От шах Аббаса
К тебе посол персидский, Лачин-Бек!

Лачин – Бек.

Великий, грозный и пресветлый царь!
Твой друг и брат, Аббас, владыка перский,
Здоровает тебе на государстве
И братский шлет поклон. Ты держишь

Русь

Единою могучею рукой —
Простри, о царь, с любовью другую

На моего владыку и прими
От шах Аббаса, в знак его приязни,
Сей кованный из золота престол,
В камнях самоцветных и в алмазах.
Наследье древних шахов – изо всех
Ценнейшее Аббасовых сокровищ!

Борис.

Благодарю великого Аббаса.
Его приязнь тем более ценю,
Что слышал я, быть может ложно, будто
Он хочет мир с султаном заключить,
Иверию ж, подвластную нам землю,
И Александра, подданного нам
Ее царя, теснит.

Лачин – Бек.

Великий царь,
То клевета! Тебе сказал неправду
Царь Александр. Он сам дружит султану,
Как твоему, так нашему врагу!

Борис.

Впустить сюда султанского посла!
Трубы и литавры. Входит посол турецкий

и становится рядом с персидским. Слуги его несут за ним дары.

Семен Годунов.

К царю посол султанский, Челибей!

Челибей.

Всея Руси могучий повелитель!

Султан Махмет, твой друг и брат, тебе

Через меня на воцаренье шлет

Приветствие и, в знак своей приязни,

Седло и златом кованную сбрую

В каменьях драгоценных. Государь!

Султан Махмет, добра тебе желая,

Предостеречь тебя велит, что твой

Неверный раб, царь Александр, замыслил

Тебя предать и к перскому Аббасу

В поддánство переходит!

Борис.

Пусть войдет

От Александра присланный посол!

Входит архимандрит Кирилл и падает на колени перед Борисом.

Арх. Кирилл.

Великий, благоверный государь!
Царь Александр, твой ревностный слуга,
Тебе на царстве кланяется зёмно.
Не попусти, о царь всея Руси,
Ему вконец погибнуть! Шах Аббас
Безжалостно, безбожно разоряет
Иверию! Султан Махмет турецкий
Обрек ее пожарам и мечу!
Ограблены жилища наши – жены
Поруганы – семейства избиенны —
Монастыри в развалинах – и церкви
Христовые пылают!

Челибей.

Славный царь!
Не верь тому – не мы, а персы грабят
Иверию!

Лачин – Бек.

Великий государь!
Не верь послу суннитского султана!
На языке суннитов клевета,
Обман и ложь! Не разоряют персы
Иверию – они лишь турок гонят

Вон из нее и только лишь твоих
Изменников карают!

Арх. Кирилл.
Боже правый —
Иверия моя!

Челибей (к Лачин-Беку).
Шеит неверный!
Султан тебе покажет в Испагане,
Как гоните вы нас!

Лачин – Бек.
Суннитский пес!
В Стамбуле мы с тобою разочтемся!

Арх. Кирилл.
О государь, от злобы их обоих
Будь нам защитой!

Борис.
Слушайте! Кто б ни был
Подвластной нам Иверии теснитель —
Шах иль султан, – клянусь, не попущу
Ничьей руке касаться русских граней!

Дьяк Афанасий! Ты напишешь ныне ж
Бутурлину с Плещеевым приказ
Вести полки на Терек. Лачин-Бек!
Тебе был путь немалый к нам от моря
Хвалынского. Ты видел нашим войском
Покрытый край от Волги до Москвы.
Пятьсот и с лишком тысяч поднялося
На мой призыв. Когда я захочу,
Я вдвое их могу поставить в поле.
С Аббасом рад я в дружбе пребывать,
Но должен ты в моей Боярской думе
Дать за него нам клятвенный обет:
От перских войск Иверию очистить.
А ты, султана турецкого посол,
Неси ему дары его обратно!
Нам ведомо, на нас кем поднят, шел
Казы-Гирей, кичася силой ратной!
Но он бежал! Прошли те времена,
Когда Руси шатание и беды
Врагам над ней готовили победы!
Она стоит, спокойна и сильна,
Законному внутри послушна строю,
Друзьям щитом, а недругам грозою!
Челибей уходит. Звон дворцовых колоко-
лов. Входят боярыни, в большом наряде, по

две в ряд. За ними царица Марья Григорьевна и царица Ксения. Все кланяются им в пояс. Они садятся по обе стороны престола.

Борис.

Наш царский долг окончен. Вот царица С царевною пришли принять, бояре, Здравствие ваше!

Бояре.

Бьем челом
Царице и царевне! Им на царском
Здравуем венчанье! Много лет
Вам, матушки вы наши!

Царица (с поклоном).

Государь,
Благодарим за ваше пожеланье!
Прошу любить и жаловать меня
С царевною!

Бояре.

Господь благослови
Тебя, царевна наша! Божья пташка!
Весенний цветик наш!

Ксения (с поклоном).

Не заслужила
Великой вашей ласки я, бояре,
И не себе любовь примаю вашу,
Но батюшке-царю!

Голоса.

Касатка наша!
Кто за царя не рад бы умереть?
Но любим мы тебя не за него —
За разум твой! За ласковый обычай!
За тишину! За ангельские очи!
Господь с тобой!
Шум за дверьми. Входит стрелецкий голова.

Стрелецкий голова.

Великий государь!
Народа мы не можем удержать!
Врываются насильно, голосят:
«Хотим царю Борису поклониться,
Царя Бориса видеть!»

Борис.

Настежь двери!
Между народом русским и царем
Преграды нет!
Толпа народа вваливается в палату.

Народ.

Отец родной! Поволь
Нам светлые твои повидеть очи!

Борис.

Друзья мои, входите! Дорогие
Вы гости мне! Зови, царевна Ксения,
Зови мирян к почестному столу!

Ксения (кланяясь).

Пожалуйте, миряне! Просим всех
К нам на́-хлеб на́-соль!

Народ.

Матушка-царевна!
Дай на тебя полюбоваться! Очи
Порадовать!

Стрелецкий голова (у дверей).

Назад! Не будет места!

И нищие полезли!

Борис.

Всем сегодня

Свободный вход! Кто нищим вступит в те-
рем,

Имущим тот воротится домой!

Входит новая толпа.

Нищие.

Царь праведный! Царь милостивый! Воз-
дай тебе Христос-Бог с Богородицей! Святая
Троица со Варварой-мученицей! Кузьма со Де-
мьяном!

Борис.

Входите, божьи люди! Вы ж, бояре,

Ведите всех к почестному столу!

(Сходя с престола.)

Царица и царевна, – ты, Феодор, —

Гостей моих идите угощать!

Вино и мед чтобы лились река́ми!

Идите все – я следую за вами!

Толпа народа, провожаемая боярами, идет
во внутренние покои. Царевич Федор, царица,

Ксения и боярыни следуют за ними. Палата остается пуста.

Борис (один).

Свершилось! В венце и в бармах я
Держу бразды Русийския державы!
Четырнадцать я спорил долгих лет
Со слепотой, со слабостью, с упорством —
И победил! Кто может осудить
Меня теперь, что не прямой дорогой
Я к цели шел? Кто упрекнет меня,
Что чистотой души не усумнился
Я за Руси величье заплатить?
Кто, вспомня Русь царя Ивана, ныне
Проклятие за то бы мне изрек,
Что для ее защиты и спасенья
Не пожалел ребенка я отдать
Единого? Мне на́ душу не раз
Ложилось камнем темное то дело,
И думал я: что́, если не достигну,
Чего хочу? Что́, если грех тот даром
Я совершил? Но нет! Судьба меня
Не выдала! Я с совестью счета
Сегодня свел – и не боюсь поставить
Моих заслуг и винностей итог!

Могу теперь идти стезею чистой!
Прочь от меня притворство и обман!
Через пропасти и смрадные болота
К престолу днесь меня приведший мост
Ломаю я! Разорвана отныне
С прошедшим связь! Пережитá пора
Кромешной тьмы – сияет солнце снова —
И держит скиптр для правды и добра
Лишь царь Борис – нет боле Годунова!

Келья в Новодевичьем Монастыре

Крилошанка вводит Бориса. За ним входит Семен Годунов.

Борис (к крилошанке).

Ты говоришь: царица на молитве?
Не смей ее тревожить. В этой келье
Мы подождем.

Крилошанка уходит.

Давно ли здесь, в печали,
С сестрою я беседовал вдвоем!

(Смотрит в окно.)

Вот терем тот, где я хотел провести
Остаток дней! Судьба не так решила:
Заместо рясы плечи багряницей
Мне облекла. Чу! Радостные крики,

Сюда нас провожавшие, опять
Послышались! Ты с Шуйским объезжал
Сейчас Москву. Что молвят? Все ль доволь-
ны?

Семен Годунов.

Кому ж не быть довольным, государь?
На перекрестках мед и брага льются,
Все войско ты осыпал серебром;
Нет из бояр ни одного, кому бы
Ты не послал иль блюда золотого,
Иль ценной шубы с своего плеча;
Всех должников ты выкупил из тюрем —
Кому ж не быть довольным? Только, царь,
Не в гнев тебе: ты без разбора начал
Всех жаловать; ни на кого опалы
Не наложил; и даже самых тех,
Которые при Федоре хотели
Тебя сгубить, ты наградил сегодня.
Так, государь, нельзя. Обидно то
Покажется твоим усердным слугам,
Что со врагами в милости своей
Ты смешиваешь их!

Борис.

Врагов уж боле
Нет у меня. Прошла пора борьбы,
И без различья ныне изливаться
Должна на всех царя Руси милость,
Как солнца свет.

Семен Годунов.

И волю языкам
Ты всем даешь. Романовы доселе
Мутят бояр!

Борис.

Что говорят они?

Семен Годунов.

Да то же, что и прежде говорили:
Не дельно, мол, при Федоре крестьян
Ты прикрепил; боярам недочет-де
В работниках; пустуют-де их земли
От той поры, как некого к себе
Им сманивать!

Борис.

Я жалобу ту знаю.
Дворяне мыслят как?

Семен Годунов.

В огонь и в воду
Готовы эти за тебя; немало
Поправились с тех пор, как Юрьев день
Ты отменил. А тоже бить челом
Сбираются тебе, что в лес от них
Бегут крестьяне.

Борис.

Сами виноваты;
Сверх моготы с них требуют они;
Крестьяне не рабы; не в кабалу
Я отдал их. На днях указ объявят:
Что за какой надел кому нести.

Семен Годунов.

Владельцы, царь, роптать начнут.

Борис.

Пусть ропщут,
Всем угодить не властен человек;
И если целой выгода земли
В ущерб пришлася стороне единой,
Ту сторону не вправе я беречь.

Семен Годунов.

Начни же, царь, с Романовых. Строптив
Их больно род. Феодор вот Никитич
Ведет такие речи...

Борис.

Он в отца:

Не может мысли утаить. Тем лучше!
Я не боюсь того, кто говорит,
Что́ думает. Охотно я прощаю
Их речи тем, чьи у меня в руках
Теперь дела. Уже не нужно мне
И день и ночь, без отдыха, как прежде,
За каждым словом каждого следить.
К иным теперь могу я начинаньям
Мысль обратить. Иван Васильич Третий
Русь от Орды татарской свободил
И государству сильному начало
Поставил вновь. Но в двести лет нас иго
Татарское от прочих христиан
Отрезало. Разорванную цепь
Я с Западом связать намерен снова;
Для Ксении из многих женихов
Недаром мною датский королевич

Уже избрán. С державами Европы
Земля должна по-прежнему стать рядом,
А в будущем их, с помощью Божьей,
Опередить.

Семен Годунов.

Великий государь,
Ты смотришь вдаль и царственной высоко
Ты мыслию паришь, а между тем
Вокруг тебя не все идет так гладко,
Как кажется. Романовых за речи
Их дерзкие ты трогать не велишь;
Но есть другой, опасливый на речи,
На вид покорный, преданный слуга,
Который вряд ли милости твоей
Усердствует в душе: Василий Шуйский...

Борис.

Не мнишь ли ты, усердию его
Я веру дал? Он служит мне исправно
Затем, что знает выгоду свою;
Я ж в нем ценю не преданность, а разум.
Не может царь по сердцу избирать
Окольных слуг и по любви к себе
Их жаловать. Оказывать он ласку

Обязан тем, кто всех разумней волю
Его вершит, быть к каждому приветлив
И милостив и слепо никому
Не доверять.

Крилошанка (докладывает).

Боярин князь Василий
Иваныч Шуйский!

Борис.

Милости прошу.

Шуйский входит.

С объезда ты заехал, князь Василий?
Что нового?

Шуйский.

Да что, царь-государь,

Не знаю, как тебе и доложить!

На Балчуге двух смердов захватили

Во кружечном дворе. Они тебя

Перед толпой негодными словами

Осмелилися поносить.

Борис.

За что?

Шуйский.

За Юрьев день.

Борис.

Что сделала толпа?

Шуйский.

Накинулась на них; чуть-чуть на ключья
Не разнесла; стрельцы едва отбили.

Борис.

Где ж эти люди?

Шуйский.

Вкинуты пока
Обои в яму.

Борис.

Выпустить обоих!

Растолковать им, что на время только
Прикреплены они, затем что всюду
Шаталися крестьяне и скудела
Через то земля. Когда же приобькнут
Сидеть на месте, снимется запрет.

Семен Годунов.

Помилуй, царь!

Шуйский.

Помилуй, государь!

Семен Годунов.

Дозволь пытатъ их, государь! Должно
быть,

Подучены они; другие могут

Найтись еще!

Борис.

Не трогать никого.

Хотели б вы, чтоб омрачил я день

Венчанья моего? День этот должен

Началом быть поры для царства новой;

Светить Руси, как утро, должен он

И возвещать ей времена иные

И ряд благих, безоблачных годов!

Шуйский.

Царь-государь, дозволь по правде молвить,

По простоте: ведь страху-то ни в ком

Не будет так!

Борис.

Надеюсь, не будет.

Не страхом я – любовьию хочу
Держать людей. Прослыть боится слабым
Лишь тот, кто слаб; а я силён довольно,
Чтоб не бояться милостивым быть.

Вернитесь к народу, повестите
Прощенье всем – не только кто словами
Меня язвил, но кто виновен делом
Передо мной – хотя б он умышлял
На жизнь мою или мое здоровье!

Семен Годунов и Шуйский уходят. Дверь
отворяется. Две инокини становятся по обе ее
стороны. За ними входит царица Ирина, во
иночестве Александра.

Ирина.

Прости меня, великий государь,
Я не ждала тебя сегодня. В церкви
В день твоего венчанья за тебя
Молилась я.

Инокини уходят.

Борис.

Царица и сестра!

По твоему, ты знаешь, настоянью,
Не без борьбы душевной, я решился
Исполнить волю земскую и царский
Приять венец. Но, раз его прияв,
Почуял я, помазанный от Бога,
Что от него ж и сила мне дана
Владыкой быть и что восторг народа
Вокруг себя недаром слышу я.
Надеждой сердце полнится мое,
Спокойное доверие и бодрость
Вошли в него – и ими поделиться
Оно с тобою хочет!

Ирина.

Мир тебе!

Борис.

Да, мирен дух мой. В бармы я облекся
На тишину земли, на счастье всем;
Мой светел путь, и как ночной туман
Лежит за мной пережитое время.
Отраднo мне сознание это, но
Еще полней была б моя отрада,

Когда б из уст твоих услышал я,
Что делишь ты ее со мною!

Ирина.

Брат,

Я радуюсь, что всей земли желанье
Исполнил ты. Я никого не знаю,
Опричь тебя, кто мог венец бы царский
Достойно несть.

Борис.

В годину тяжких смут,
Когда в борьбе отчаянной с врагами
Я не щадил их, часто ты за то
Меня винила. Но, перед собой
Одной Руси всегда величье видя,
Я шел вперед и не страшился все
Преграды опрокинуть. Пред одной
В сомнении остановился я...
Но мысль о царстве одержала верх
Над колебанием моим... Преграда
Та рушилась... Не произнесено
До дня сего о том меж нас ни слова.
Но с той поры как будто бездны зев
Нас разделил... В то время, может быть,

Ты не могла судить иначе, но
Сегодня я перед тобой, Ирина,
Очистился. Ты слышишь эти клики?
В величии, невиданном поныне,
Ликует Русь. Ее дивится силе
И друг и враг. Сегодня я оправдан
Любовию народной и успехом
Моих забот о царстве. Я хотел бы
Услышать оправдание мое
И от тебя, Ирина!

Ирина.

Оправданья

Ты ожидаешь, брат? В тот страшный день,

Когда твой грех я сердцем отгадала,

К тебе глубокой жалости оно

Исполнилось. Я поняла тогда,

Что, схваченный неудержимой страстью,

Из собственной природы ею ты

Исхищен был. Противникам так часто

Железную являя непреклонность,

Круша их силу разумом своим,

Ты был дотоль согласен сам с собою.

Но здесь, Борис, нежданный, новый,
страшный

В тебе раздор свершился. Высоту
Твоей души я ведала; твои
Я поняла страданья. Не холодность —
Нет, лишь боязнь твоей коснуться раны
Меня вдали держала от тебя.
Когда б ты мне открылся – утешеньем,
Любовию тебе б я отвечала,
Не поздними упреками. Но ты
Молчал тогда – теперь же хочешь мною
Оправдан быть? Брат, я за каждым днем
Твоим слежу, моля всечасно Бога,
Чтоб каждый день твой искупленьем был
Великого, ужасного греха,
Неправды той, через нее же ныне
Ты стал царем!

Борис.

Отврати свой взор
От прошлого. Широкая река,
Несущая от края и до края
Судов громады, менее ль светла
Тем, что ее источники, быть может,
В болотах дальних кроются? Ирина,
Гляди вперед! Гляди на светлый путь
Передо мной! Чтó в совести моей

Схоронено, что́ для других незримо —
Не может то мне помешать на славу
Руси царить!

Ирина.

Цари на славу ей!

Будь окружен любовью и почетом!

Будь праведен в неправости своей —

Но не моги простить себе! Не лги

Перед собой! Пусть будет только жизнь

Запятнана твоя – но дух бессмертный

Пусть будет чист – не провинись пред ним!

Не захоти от мысли отдохнуть,

Что искупать своим ты каждым мигом,

Дыханьем каждым, бьеньем каждым серд-

ца

Свой должен грех! И если изнеможешь

Под бременем тяжелым – в эту келью

Тогда приди...

Борис.

Твой приговор жесток.

Безвинным я себя не мню. Безвинен

Не может быть, кто с жизнью ведет

Всегда борьбу; кто хоть какую цель

Перед собой поставил; хоть какое
Желание в груди несет. В ущерб
Другому лишь желанья своего
Достигнет он! То место, где я стал,
Оно мое затем лишь, что другого
Я вытеснил! Не прав перед другими
Всяк, кто живет! Вся разница меж нас:
Кто для чего не прав бывает. Если,
Чтоб тьмы людей счастливыми соделать,
Я бóльшую неправость совершил,
Чем тот, который блага никакого
Им не принес, – кто ж, он иль я, виновней
Пред Господом? Ирина, от тебя
Мое принять пришел я оправданье —
Я жду его – тебе до дна я душу
Мою открыл – еще ли не оправдан
Я пред тобой?

Ирина.

Все ту же на тебе
Я вижу тень. Куда бы ни пошел ты,
Везде, всегда, зловещая, она
Идет с тобой. Не властны мы уйти
От прошлого, Борис!

Борис.

Постричься должен,
Кто мыслит так! От дела отказаться!
Отшельником в пустыню отойти!
То не мое призвание. Мой грех
Я сознаю; но ведаю, что им лишь
Русь велика! Оплакивать его
Я не могу! Мне некогда крушиться!
Не под ярмом раскаянья согбен,
Но полный сил, с поднятою главою,
Идти вперед я должен, чтоб Руси
Путь расчищать! Прости, сестра. Кто прав

Ты или я, – то времени теченье
Покажет нам. Злодейство ль совершил
Иль заплатил Руси величью дань я —
Решит земля в годину испытанья!

Действие второе

Покой во дворце

Царевич Федор, царевна Ксения и герцог Христиан датский.

Федор.

Вот уж который день, брат Христиан,
Мы сходимся с тех пор, как ты помолвлен
Со Ксенией, и каждый раз тебя,
Мне кажется, мы оба больше любим,
Могли б тебя мы слушать без конца,
Но ты досель о родине нам только
Рассказывал своей...

Ксения.

Да, королевич,
Пора, чтоб ты нам о себе поведал.
Уже давно спросить тебя хочу я:
Как вырос ты? И как доселе жил?
И как во Фландрии сражался?

Федор.

Все,
Все расскажи нам, Христиан. Мы стали

Теперь с тобой родные; вместе нам
Пришлось жить, так надо знать друг друга!

Ксения.

Начни с начала. Детство нам свое
Сперва скажи!

Христиан.

Несложная то повесть,
Царевна, будет: мой отец, король,
Со мной простясь, усладил меня ребенком
Из города в норвежский дальний замок
И указал там жить – зачем? не знаю.
Мрачны картины первых лет моих:
Среди туманов северной природы,
Под шум валов и сосен вековых
Прошли мои младенческие годы.
Мне помнятся раскаты непогоды,
Громады гор, что к небу вознеслись,
С гранитных скал струящиеся воды
И крутизна, где замок наш повис.
Ребенком там, в мечтанье одиноком,
Прибою моря часто я внимал
Или следил за ним веселым оком,
Когда в грозу катил за валом вал

И, разбиваясь о крутые стены,
Отпрядывал потоком белой пены.
И с ранних пор сказанья старины,
Морских бойцов походы и сраженья,
Отважные мне навевали сны,
И вдаль меня манили приключенья.
В один покой случайно я проник;
Висели латы там под слоем пыли,
А на столе лежало много книг —
Норвежские то летописи были.
Я стал читать – и ими, как огнем,
Охвачен был сильнее с каждым днем,
И ярче все являлись мне виденья:
Богатыри, и схватки, и сраженья.
Так время шло. Четырнадцать лет
Я призван был в столицу. Новый свет
Открылся мне. Я с радостью детской
Предался жизни суетной и светской —
Но ненадолго. Праздности моей
Стыдиться стал я скоро. Прежних дней
Воскресли сны и прежние виденья:
Все те же сечи, схватки и сраженья.
И думал я: настанет ли тот день,
Когда мечта, которую с любовью
Я все ловлю, как веющую тень,

Оденется и плотию и кровью?
И он настал. Вскипел великий бой,
Священный бой за веру и свободу:
Испании владыка встал войной,
Грозя цепями вольному народу.
Во Фландрию тогда Европы всей
Стекались единовѣрных рати —
И из тюрьмы я вырвался моей
На выручку преследуемых братьий.

Федор.

Да, Христиан, мы слышали про то,
Как ты с испанцем бился под Остендом.
Счастли́в же ты! Тебе уж двадцать лет!
Ты мог уже свои изведать силы,
Ты сам себя на деле испытал —
А я!

Христиан.

Тебе, царевич, суждена
Блистательнее доля. Ты стоишь
Близ своего отца, чтоб у него
Державою учиться управлять,
Как те князья, которые отвсюду
Съезжались в испанский стан учиться

У Спiнолы, у пармского вождя,
Как управлять осадой.

Федор.

Ты прав;

Отца пример перед собою видеть,
То счастье для меня, и лучшей доли
Я б не желал, как только научиться
Ему в великом деле помогать.

Но не легко дается та наука,
А праздным быть несносно. Ты ж успел
Узнать войну, ты отражал осаду,
Ты слышал пушек гром, пицалей треск,
Вокруг тебя летали ядра...

Христиан.

Да,

И я узнал, что мужество и сила
Должны теперь искусству уступать;
Что не они уже решают битвы,
Как в славные былые времена,
И грустно мне то стало. Но меня
Поддерживала мысль, что я служу
Святому делу.

Ксения.

И за это мне
Ты, королевич...

Федор.

Сразу полюбился?
Так, Ксенья?

Ксения.

Так. Но я бы знать хотела,
Его спросить хотела б я: как он
Чужую мог заочно полюбить?

Христиан.

Легко мне дать ответ тебе, царевна:
Ты не была чужая для меня!
Царя Бориса чтит весь мир. Далеко
О нем молва в Европе разнеслась;
Кому ж его вблизи случилось видеть,
Обвороженный возвращался тот
На родину; но прославлял он столь же
Величие правителя Руси,
Сколь совершенства дочери его.
Кто б ни был то, посланник, или пленный,
Или купец ганзэ́йский – ни один

Не забывал царевну Ксенью славить,
Ее красу, и ум превозносить,
И неземную, ангельскую кротость.
Рассказы те в мою запали душу;
А дальний твой, несхожий с нашим край,
Все, что молва о нем к нам приносила:
Разливы рек, безбережные степи,
Снега и льды, обычай, столь отличный
От нашего; державы христианской
Азийский блеск, с преданьями отцов
Нам общими – все это, как нарочно,
Набросило волшебный некий свет
На образ твой. Ты мне предстала тою,
С кем связан я таинственной судьбою...
Тебя добыть не мыслил я тогда,
Но образ твой светил мне, как звезда,
Приковывал мои невольно взоры —
И в шуме битв, в пылу кипящих сил,
Я, рыцаря заслуживая шпоры,
Тебе, царевна, мысленно служил!

Федор.

Брат Христиан, как странно и как ново
Мне речь твоя звучит! Не думал я,
Чтоб можно было полюбить кого,

Не знаючи иль не видав. Но правда
Мне слышится в твоих словах, и вместе
В них будто что-то чуется родное;
И хорошо с тобой мне, Христиан,
Так хорошо, как будто после долгой
Разлуки я на родину вернулся.
И Ксения вот задумалась, смотри!

Ксения.

Задумалась я вправду. Новый мир
Ты, королевич, мне открыл. У нас
Не любят так. У нас отцы детей
Посватают, не спрашивая их,
И без любви друг к другу под венец
Они идут. Я, признаюсь, всегда
Дивилась тому.

Федор.

Обычай этот
К нам от татар привился, а до них
Вольна была невеста жениха
Сама избрать.

Христиан.

Гаральд норвежский наш

Дочь Ярослава русского посватал.
Но не был он в ту пору знаменит
И получил отказ от Ярославны.
Тогда, в печали, бросился он в сечи,
В Сицилии рубился много лет
И в Африке и наконец вернулся
В град Киев он, победами богат
И несказанной славою, и Эльса
Гаральда полюбила.

Федор.

Да, в то время
Стекалось в Киев много женихов.
Другая Ярославна за Индріка
Французского пошла, а третья дочь —
За короля венгерского Андрея.
Всем трем отец дал волю выбирать.
Тогда у нас свободней, Христиан,
И лучше было. В те поры у немцев
Был мрак еще, а в Киеве считалось
Уж сорок школ. Татары все сгубили.

Христиан.

Отец твой то, царевич, воскресит,
Вознаградит потерянное время!

Ксения.

Да, Христиан. Но, верь мне, ты не знаешь
Еще отца! Доселе видел ты
Его дела; но если б видеть мог ты
Его любовь к земле, его заботу,
Его печаль о том, чего свершить
Он не успел, его негодование
На тех людей, которые б хотели
Опять идти по-старому – и вместе
Терпенье к ним, и милость без конца —
Тогда бы ты узнал его!

Христиан.

Хотя бы
Его не знал я вовсе – и тогда
Он за любовь великую твою
Мне б дорог стал!

Ксения.

Не потому его
Люблю я, Христиан, что он отец мне;
Нет, я за то люблю его, что он
Так мало мыслит о себе!

Федор.

То правда;
Лишь об одной земле его забота:
Татарщину у нас он вывести хочет,
В родное хочет нас вернуть русло.
Подумаешь: и сами ведь породой
Мы хвастаться не можем; от татар ведь
Начало мы ведем!

Христиан.

Но двести лет
Вы русские. Татарской крови мало
Осталось в вас.

Федор.

Ни капли не осталось!
И вряд ли бы нашелся на Руси,
Кто б ненавидел более татар,
Чем мы с отцом.

Христиан.

Они навряд ли также
Царя Бориса любят с той поры,
Как он разбил, при Федоре, их силу!

Федор.

Ведь вот теперь сидим мы здесь втроем
И говорим свободно, а в народе
Ведь думают, что Ксеньи и доселе
Ты не видал, что ты ее увидишь
Лишь под венцом! А вместе показаться
И думать вам нельзя, того обычай,
Вишь, не велит! Хотелось бы мне знать:
Когда она не пряталась, пока
Невестой не была, зачем теперь
Ей прятаться!

Ксения.

Нельзя, сказал отец,
Все разом переделать; глубоко
Пустил у нас чужой обычай корни
И медленно выводится.

Федор.

К прискорбью!
И матушка вот следует ему.
Ей нелюбо, что видеться дозволил
Вам двум отец. Она бы под замком
Тебя держать хотела!

Ксения.

Не вини

Ты нашу мать за это, королевич.

Не всякому дано так ясно видеть,

Как батюшке.

Федор.

Не то одно. Что грех

Уж нам таить! Еще за то косится

На Христиана наша мать, что он

Не нашей веры.

Ксения (к Христиану).

Но ведь нашу веру,

Не правда ль, примешь ты?

Христиан.

Не торопи

Меня, царевна. В этом Бог волён.

Учителей я ваших обещал

С благоговеньем выслушать, но только

По убежденью откажусь от веры

Моих отцов.

Ксения.

Тогда спокойна я.

Не можешь, королевич, не принять
Ты нашей веры. Без греха могу я
Тебя любить.

Федор.

А я уж и подавно!

Дадим же мы втроем обет друг другу
Любить друг друга, помогать друг другу,
Не мыслить врозь и вместе жить всегда!
Ты, Ксения, согласна?

Ксения.

Всей душой!

Федор.

Ты, Христиан?

Христиан.

И сердцем и душою!

Федор.

Но в тайне пусть союз наш остается!
Тем крепче будет он. Подумай только,
Чего не сможем сделать мы втроем!

Ты нас учи всему, чем превосходна
Твоя земля, а мы со Ксеньей будем
Тебя знакомить с Русью!

Христиан.

Дай мне Бог

Ей вместе с вами послужить!

Федор.

Втроем

Мы воскресим то время, о котором
В старинных книгах ты читал, когда
Так близки были наши деды. Боже!

Продли отцу его надолго дни,

Чтоб Русью стала снова Русь!

Ксения.

Господь

Услышь тебя, Феодор!

Стольник (отворяя дверь).

Царь идет!

Борис (входя).

Я перервал ваш, дети, разговор.

Вы горячо о чем-то толковали.
Что, Христиан? Успел ты на Руси
Обжиться с нами?

Федор.

Да, отец! Он русский!
И русский он обычай перенял:
Он на пути к Москве, себе в забаву,
Смирял неезженных коней!

Борис.

Нам Власьев
И Салтыков так донесли. Ты любишь
Искать везде опасность, Христиан,
То укрощать коней, то по волнам
Ладьею править в бурю?

Христиан.

Государь,
Я датчанин. Нам, как и русским, любо,
Когда не трúбит бранная труба,
Изведывать уменье или силу
Над чем пришлось.

Борис.

Но Ксении моей
Твоя отвага даровая может
Не по сердцу прийтись.

Христиан.

Царевна Ксенья!
Скажи сама, по правде: жениха
Ты робкого могла ли б полюбить?

Ксения.

Нет, королевич.

Борис.

Если бы у нас
Была война, тогда бы, Христиан,
Ты удаль мог свою нам показать!

Христиан.

О, помяни ж ты это слово, царь!
И если кто войну тебе объявит,
Дай русскую вести мне рать! Клянусь,
Я победить врагов твоих сумею
Иль умереть, отец мой, за тебя!

Федор.

А мне, отец, дозволю иди с ним вместе!
Обоим нам дай кровью послужить
Родной земле!

Борис.

Любезен мне ваш пыл
И ваша доблесть, юноши, но Русь
Ограждена от войн теперь надолго.
Не чаем мы вторжения врагов;
Соседние наперерыв державы
Нам предлагают дружбу и союз;
Совместников на царство мы не знаем;
Незыблем наш и тверд стоит престол —
И мирными придется вам делами
Довольным быть.

Стольник (входит).

Великий государь, —
Боярин Годунов, Семен Никитич!

Борис.

Пускай войдет!

Федор.

Пойдем, брат Христиан,

Пойдем, сестра. У батюшки дела!
Все трое уходят. Входит Семен Годунов.

Борис (смотрит на него с удивлением).
Что случилось с тобой? Чем так, Никитич,
Встревожен ты?

Семен Годунов.
Великий государь,
Есть чем тревожиться! Возникнул слух:
Царевич жив!

Борис.
Жив кто?

Семен Годунов.
Царевич Дмитрий!

Борис.
С ума ты, что ль, сошел?

Семен Годунов.
И сам бы рад
Так думать, царь; но с разных к нам сторон
Все та же весть приходит: жив Димитрий!

Борис.

Кто слышал эту весть?

Семен Годунов.

На площадях,

В корчмах, везде, где только два иль три

Сойдутся человека, тотчас шепчут

Они о том промеж себя.

Борис.

И что ж

По-ихнему? Как тот царевич Дмитрий

Воскреснуть мог?

Семен Годунов.

Все та же басня, царь!

Борис.

Какая басня? Говори!

Семен Годунов.

Ты помнишь —

Когда, падучим схваченный недугом,

Упал на нож и закололся он —

Ты помнишь...

Борис.

Ну?

Семен Годунов.

Нагие оболгали
Тебя, что будто...

Борис.

Помню басню их.

Ну, что ж? Когда б и вправду так случи-
лось,

Как мог воскреснуть он?

Семен Годунов.

Убийцы, мол,

Ошиблися – зарезали другого.

Борис (вставая).

Кто смеет это говорить? Его

Весь Углич мертвым видел! Ошибиться

Не мог никто! Клешнин и Шуйский, оба

Его в соборе видели! Нет, нет,

То слух пустой; рассеется он скоро,

Как ветром дым. Но злостным на меня
Я вижу умысел. Опять в том деле
Меня винят. Забытую ту ложь
Из пыли кто-то выкопал, чтоб ею
Ко мне любовь России подорвать!

Семен Годунов.

Романовы Черкасских угощали
Вчерашний день. За ужином у них
Шла речь о том же. Слуги донесли.

Борис.

Романовы? Которых я щадил?
Они молву ту распускают? Нет —
Нет, этого терпеть нельзя!

Семен Годунов.

Давно бы
Так, государь!

Борис.

Не будем торопиться —
Их чтит народ...

Семен Годунов.

Лишь развяжи мне руки!

Борис (про себя).

Преступником в глазах народа царь
Не может быть. Чист и безгрешен должен
Являться он, чтобы не только воля
Вершилася его без препинанья,
Но чтоб в сердцах послушных как святыня
Она жила!

(К Семену Годунову.)

С Романовыми я
Повременю. Но если кто в народе
Дерзнет о слухе том лишь заикнуться —
В тюрьму его! Ступай, разведай, как
И кем тот слух посеян на Москве?
До корня докопайся – и о всем
Мне донеси!

Семен Годунов уходит.

(Один.)

Нет, этого нельзя,
Нельзя терпеть! Хоть я не царь Иван,
Но и не Федор также. Против воли
Пришлось быть строгим. Человек не вла-
стен

Идти всегда избранным им путем.

Не можем мы предвидеть, что с дороги
Отклонит нас. Решился твердо я
Одной любовью править; но когда
Держать людей мне невозможно ею —
Им гнев явить и кару я сумею!

Покой царицы Марии Григорьевны

Царица и дьяк Власьев.

Царица.

Скажи мне все; не бойся молвить правду;
Твои слова не выйдут из покоя
Из этого. Когда ты с Салтыковым
Был в датскую посылан землю сватом,
Что ты узнал о женихе?

Власьев.

Все вести
О нем я, матушка-царица, прямо
Как слышал, так и отписал к царю,
Не утаил ни слова.

Царица.

Не хитри
Со мной, голубчик. Ты, чай, боле знаешь,
Чем отписал. Зачем король покойный

Услал его ребенком от себя?

Власьев.

Не ведаю, великая царица.

Царица.

Я ведаю. Король не почитал
Его за сына. Так ли?

Власьев.

Видит Бог,
О том не знаю.

Царица.

Афанасий Власьич,
Тебе со мной ломаться не расчет.
Ты думный дьяк, да только ведь и мы
Не из простых. Иным словечком нашим
Тебе не след бы брезгать. В гору может
Оно поднять, да и с горы содвинуть!
Ну, говори ж, да не утай, дружок:
Ведь до рожденья этого Хрестьяна
В совете быть король уж перестал
С своею королевой?

Власьев.

Были толки.

Царица.

Ну, видишь ли!

Власьев.

Великая царица,

Где ж толков не бывает? Мало ль что

Болтает люд! По смерти королевы

Король вернул его к себе; и жил же

Он при дворе с своим со старшим братом,

Как королевский сын!

Царица.

Не зауряд ли?

И старший брат, теперешний король,

Кажись, не больно жаловал его.

Так, что ли?

Власьев.

Всяко люди говорят;

Язык-то, благо, без костей. Не знаю,

Как было прежде, ноне же они

В согласии; король его зовет

Своим любезным братом.

Царица.

А когда

Захочет царь, как он уже задумал,

Его эстонским сделать королем,

Тогда его как братец будет звать?

Дороже, чай, эстонская земля

Ему родства покажется с царем!

Найдутся и улики. Ксения ж наша

Очутится за неким басурманом

Без племени и роду!

Власьев.

Эх, царица!

Бояться волка – не ходить и в лес!

Что толковать, когда царевна Ксения

Помолвлена!

Царица.

Помолвка не венец.

Когда бы ты, голубчик, согласился

Сказать царю, что мне ты повестил...

Власьев.

Побойся Бога, матушка-царица,
Я ничего не говорил тебе!

Царица.

Ну, ну, добро! Мы знаем то, что знаем;
Ступай, дружок, не бойся ничего!
Власьев уходит.

(Обращаясь к двери.)

Дементьевна!

Дементьевна (входя).

Здесь, матушка-царица!

Царица.

Ну, что ты там про них узнала?

Дементьевна.

Встали

Ранехонько; на Воробьевы горы

Поехали; с царевичем жених

Все ехал рядом; много говорили

Промеж собой; смеялись; потом

Скакались вместе; обскакал жених

Царевича; но этот ничего,

Сам будто рад; души, вишь, в нареченном

Не чаёт зяте!

Царица.

С толку вовсе нёмчин
Его уж сбил.

Дементьевна.

Вернулись к закуске;
Откушавши с царевною втроем,
В покое царском вместе оставались,
Как царь поволлил.

Царица.

Новые порядки
Заводит царь. Он с ними, что ль, сидел?

Дементьевна.

Нет, матушка; спустя часок изволил
Войти в покой; пришел Семен Никитич,
Они ж ушли: царевич с женихом,
Царевна во светлицу.

Царица.

А часок
Таки сидели вместе? Ну, конечно,

Коль выдают за нѣмчина ее,
Так и обычай надо ей немецкий
Перенимать. Что слышала еще?

Дементьевна.

Боярыня вернулась Василиса
Из Киева. Твои повидеть очи
Ждет позволенья.

Царица.

Милости прошу.
Пускай войдет.

Дементьевна уходит. Входит Волохова и
кланяется в землю.

Здорово, Василиса!
Вернулась с богомолья своего?
Ну что, голубушка? Как можешь?

Волохова.

Терпит
Господь грехам, великая царица!

Царица.

Что ж? Видела Печерскую ты лавру?
Чай, хорошо?

Волохова.

Ох, матушка-царица,
Как хорошо! Ох, ох, как хорошо!
Просвирку вот там вынула во здравье
Твое, царица; а вот эту вот
За упокой родителя твоего,
Григория Лукьяныча!

Царица.

Спасибо,
Голубушка. Ну, что путем-дорогой
Узнала ты?

Волохова.

Чудесное настало,
Царица, время. Знаменья являет
Везде Господь: всходили три луны
Намедни враз; теленком двухголовым
Корова отелилась; колокольни
От ветра падают. И все то мне
Печерский некий старец толковал:
Великие настанут перемены,

И скоро-де совсем не будет можно
Узнать Руси!

Царица.

Да. И теперь ее,
Пожалуй, не узнаешь. Чай, слыхала?
Посватали царевну!

Волохова.

Как не слышать!
От радости, поверишь ли, царица,
И ноги подкосились!

Царица.

Ну, немного
Тут радости.

Волохова.

Как, матушка?

Царица.

Да разве
Своих князей-то не было? Не то
В Литве князей довольно православных!
Чай, каждый рад бы выехать к царю,

Аксиньюшку посватать!

Волохова.

А еще бы!

Еще б не рад!

Царица.

Чем нѣмчина Бог вѣсть

Отколь выписывать.

Волохова.

Ах, свет-царица!

Сказать ли правду? Как узнала я,

Что нѣмчин он, так и кольнуло в сердце!

Ей-богу, право!

Царица.

Слушай, Василиса:

Вѣдь неспроста оно могло случиться!

Волохова.

А именно, что неспроста, царица!

Не с ветру, матушка!

Царица.

Он, окаянный,
Приворожил царевну. И царя
С царевичем, должно быть, обошел.
Я Федора не узнаю с тех пор,
Как на Москву жених приехал. Смотрит
Ему в глаза, и только!

Волохова.

Право дело,
Царица-матушка! Вестимо, так!
Признаться, я о том лишь услышала,
И говорю: Владычица святая!
Тут приворот!

Царица.

А как по-твоему?
Помочь нельзя?

Волохова.

Как, матушка-царица,
Как не помочь! Разведать только надо:
В чем сила-то его? Да эту силу
И сокрушить. Следок его, царица,
Дай вынуть мне и погадать на нем.

Царица.

Ну, а потом?

Волохова.

Потом его и силу

Мы сокрушим. Есть корешок такой.

Царица.

Спасибо, мать. Прости ж теперь. Об этом
С тобою после потолкуем мы.

Волохова уходит.

(Одна.)

Спесив уж больно стал со мной Борис
Феодорыч. Дочь вздумал, не спросясь
У матери, за басурмана выдать!

Нет, погоди! Еще поспорим вместе!

Лес. Разбойничий стан

Атаман Хлопко-Косолап сидит на колоде.
Перед ним есаул Решето. Другие разбойники
стоят или сидят отдельными кружками.

Хлопко.

Хорош бы день, да некого бить. Кто сегодня
на Калужской засеке?

Решето.

Саранча с десятью молодцами.

Хлопко.

А у Красного Столба?

Решето.

Шестопер с Поддубным. Митька сидит коло московской дороги.

Хлопко.

Один, что ли?

Решето.

Кого ему еще? Он и один десятерых стоит!
Подходит есаул Наковальня.

Наковальня.

Атаман! Обходчики еще пять человек крестьян привели; к тебе просятся. Вот уж третья артель на этой неделе.

Хлопко.

Эк их подваливает! Кажинный день новые! Давай сюда.

Наковальня уходит.

(К Решету.)

А повесили тех молодцов, что к нам воевода вчера подослал?

Решето.

Чем свет обоих вздернули.

Хлопко.

Ладно.

Наковальня возвращается с пятью крестьянами. Они кланяются Хлопку в пояс.

Голоса.

В ноги! В ноги!

Крестьяне кланяются в ноги.

Хлопко.

Зачем пришли?

Крестьяне.

К твоей милости!

Хлопко.

Чего просите?

Один крестьянин.

Защити, отец родной. От вотчинников своих утекли. Хотим служить тебе вольными людьми!

Хлопко.

Что, солоно, чай, на привязи пришлось?

Другой крестьянин.

Невмоготу, родимый. Работы ну-тебе, а уходить не смей. Наперед того, бывало, нелюбо тебе у кого – иди куда хошь! Который вотчинник будет пощедливей, к тому и иди! А ноне, каков ни будь, где тебя указ тот застал, там и сиди; хошь волком вой, а сиди!

Хлопко.

Спасибо царю: о нас постарался; нашего полку прибыло.

Все крестьяне.

Защити, отец! Прими к себе!

Хлопко.

Много вас приходит; да так уж быть, при-
му. А уговор такой: что прикажу – то, не раз-
говаривая, делать. А кто что не так – одна рас-
права: петля на шею. Согласны?

Крестьяне.

Согласны, батюшка! Будем служить тебе!

Хлопко.

Ну, ступайте в курень!

Крестьяне уходят. Является посадский.

Посадский.

Кто здесь Хлопко?

Разбойники.

Этот откуда выскочил? – Кто он такой? С
неба свалился? – Да ты знаешь ли, куда по-
пал? – Смотри, и шапки не ломает!

Посадский.

Глухи вы, что ли? Где атаман ваш?

Один разбойник.

Вишь, какой шустрый! Да ты разве о двух головах?

Посадский.

А вы, чай, с придурью? Да я и без вас найду его! *(Осматривается и идет прямо на атамана.)* Ты Хлопко-Косолап!

Хлопко.

Косолап и есть. Неладно скроен, да крепко сшит. Побываешь в моих лапах – узнаешь меня!

Посадский.

Хаживали на медведя, не в диковину нам. Ропот.

А коли ты атаман, так чего смотришь? За полверсты отсель меня с двумя товарищи остановил тюлень какой-то, здоровее тебя будет. Я ему толкую: мы к тебе; а он, увалень, не говоря ни слова, сгреб их двух да и потащил.

Разбойники.

Ха-ха-ха! Да это они на Митьку наткнулись!

Посадский.

Я бы разбил ему череп, да с тобой ссориться не хотел.

Хлопко.

Эй, милый человек! Да ты, я вижу, без чинов!

Посадский.

Не в моем обычае.

Хлопко.

А вот я тебя, душа моя, сперва на сук вздерну, а потом спрошу об имени-прозвище.

Посадский.

Ну, нет, шутишь. Раздумаешь вздернуть!

Хлопко.

Да кто ж ты такой?

Посадский.

Сперва пошли свободить товарищей, а пока дай горло промочить. *(К разбойникам.)* Эй!

Вина! *(Садится рядом с Хлопком.)* Я к тебе за делом, дядя; ты нужен мне. Как по-твоему, кто у нас царь на Руси?

Хлопко.

Да ты и вправду не шутишь ли со мной?

Посадский.

Я не шучу. А ты не отлынивай, говори: кто царь на Руси?

Хлопко.

Как кто? Борис Федорыч!

Посадский.

Неправда! Не отгадал! Дмитрий Иваныч.

Хлопко.

Какой, шут, Дмитрий Иваныч?

Посадский.

Да разве их два? Вестимо какой! Сын царя Ивана! Тот, кого вор Годунов хотел извести, да не извел! Тот, кто собирает рать удальцов, на Москву вернуться, свой отцовский стол за-

воевать! Не веришь? Я от него к тебе прислан. Он жалеет вас; зовет тебя, со всеми людьми, к литовскому рубежу!

Разбойники столпляются вокруг посадского.

Говор.

Слышь, слышь! Царевич зовет! Недаром шла молва, что жив царевич!

Хлопко.

Молву-то мы знаем, да кто ж мне порукой, что этот к нам не подослан?

Посадский.

Какой тебе поруки? Через месяц, много через два услышишь о Дмитриии. Чем тебе здесь от Борисовых воевод отстреливаться, иди ко Брянску лесными путями, становись под царский стяг! Великий государь пожалует тебя; у него с тобой один супостат – вор Годунов!

Хлопко.

А, черт возьми, пожалуй, и правда!

Шум за сценой. Является Митька, таща за

шиворот одной рукой Мисаила Повадина, другой – Григория Отрепьева.

Разбойники.

Вот он и Митька! Ай да Митька! Ай да тюлень! Тащи, тащи! Не давай им упираться! Тащи их сюда, посмотрим, что они за́ люди!

Митька (подтащив обоих к Хлопку).

Пуцать, что ли?

Хлопко.

Погоди пуцать: допросим их сперва. Кто вы такие? Ты кто?

Мисаил.

Смиренный инок Мисаил!

Хлопко.

А ты?

Григорий.

Смиренный инок Григорий!

Хлопко.

Зачем пришли?

Мисаил.

Не сами пришли, пресветлый и многославный воевода! Влекомы есмы силою хищника сего!

Хлопко.

Да в лес-то мой как вы попали?

Григорий.

От немощи человеческия плотскими боримые похоти, из монастыря пречестного Чуда, что на Москве-реце, бежахом!

Мисаил.

А простыми словами: из-под начала ушли; яви нам милость, повелитель, дай у себя пристанище!

Хлопко.

Биться дубинами умеете?

Мисаил.

Не сподобил Господь.

Хлопко.

А на кулаках деретесь?

Григорий.

И сей не вразумлены мудрости.

Хлопко.

Так на кой вы мне прах?

Мисаил.

Прими нас, славный витязь, душеспасения ради!

Григорий.

Насыти нас, гладных, паче же утоли жажду нашу соком гроздия виноградного, сиречь: вели пеннику поднести!

Хлопко.

Пеннику вам поднесут; только у меня такой обычай: кого к себе принимаю, тот сперва должен свою удаль показать. Выходите оба с Митькой на кулачки. Коли вдвоем побьете его, будет вам и пристанище.

Хохот между разбойниками.

Митька.

Пуцать, что ли?

Хлопко.

Пуцай!

Мисаил.

Умилосердись, повелитель!

Григорий.

Не обреки, воевода, членов наших сокращения!

Хлопко.

Да разве он один вам двоим не под силу?

Мисаил.

Свиреп и страховиден!

Григорий.

Дикообразен и скотоподобен!

Посадский (вставая).

Оставь их, дядя Косолап! Где инокам смиренным кулáчиться? Вот я, пожалуй, выйду вместо их!

Хлопко.

Ты?

Посадский.

Ну да, я.

Хлопко.

На Митьку?

Посадский.

На Митьку, коли он Митька.

Хлопко.

Один?

Посадский.

А то как же еще?

Хлопко.

Да ты знаешь ли Митьку? Ведь коли ты послан, я успею повесить тебя, а коли ты

вправду от царевича, так не след тебе убиту
быть.

Посадский.

За меня не бойся!

Хлопко.

Ой ли? Ну, как знаешь, посмотрим. Становись, Митька!

Митька.

Чаво становиться-то?

Хлопко.

Ну, собачий поп, не разговаривай, становись!

Посадский.

Померяемся, тезка! Побей меня.

Митька.

А что ты мне сделал?

Посадский.

Так тебе надо что сделать сперва? Изволь!

(Сшибает с него шапку.)

Митька.

Что ж ты это?

Посадский.

Мало с тебя?

(Толкает его в бок.)

Митька.

Не замай – тресну!

Посадский.

А я тебя!

Митька.

А ну, подойди!

Разбойники хохочут. Бой начинается. Митька и посадский, став друг против друга, ходят кругом, левая рука на тычку, правая на маху. Мисаил и Григорий садятся на землю и смотрят.

Посадский.

Что ж не бьешь?

Митька.

А вот постой!

(Хочет ударить посадского; тот увертывается и бьет его в плечо.)

Мисаил.

Эх!

Григорий.

Раз!

Разбойники хохочут.

Митька.

Ты чаво вертишься?

Посадский.

Не буду, тезка. Изловчись, я подожду.

Митька (размахнувшись).

Так на ж тебе!

(Бьет сплеча, посадский сторонится,

Митька с размаху падает оземь.)

Посадский (притиснув его коленом).

Убить аль жива оставить?

Разбойники.

Ай да молодец! Вот лихо было! Невиданное дело! Митьку оседлал!

Посадский (отпуская Митьку).

Кого люблю, того и бью. Вставай, тезка, помиримся! Приходи в Северскую землю, под царский стяг! Царевич Дмитрий пожалует тебя!

Хлопко.

Так ты, что ли, вправду от царевича? Побожись!

Посадский.

Как Бог свят, сам Дмитрий зовет вас! Много ль у тебя беглых крестьян, дядя Косолап?

Хлопко.

Довольно есть, да мне все не верится...

Посадский (к толпе).

Православные! Когда сядет Дмитрий на свой отцовский стол, всем Юрьев день отдаст, все кабалы порешит, всем свобода по-старому!

Крики.

Воздай ему Господь! Помоги ему на престол!

Посадский.

Казну Борисову меж вас разделит!

Крики.

Живет Дмитрий Иваныч!

Посадский.

А теперь, ребята, атаман велит про его царское здоровье допьяна напиться! Выставляйте чаны! Выкачивайте какие там у вас бочки! Дядя Косолап угощает!

Общее смятение, шум и крики. Посадский незаметно скрывается.

Хлопко.

Эй ты, пострел! Да где ж это он?

Один разбойник.

Кто?

Хлопко.

Как кто? Тот, что взбудоражил нас!

Разбойник.

Он сейчас тут стоял.

Хлопко.

Куда ж он пропал? Насатанил да и прова-
лился! Эй вы, отцы святые, кто это был?

Мисаил.

Не вем.

Григорий.

Не сказался ми.

Хлопко.

Как, черти, не сказался? Ведь вы с ним
пришли, наплешники?

Мисаил.

На исходище путей стеклися, повелитель!
Сладкоречием мужа сего прельщены есмы!

Григорий.

Он же убеди нас купно с ним пред очеса
предстати твоя, имени же своего не объяви!

Хлопко.

Ну, диковина!

Крики.

Эхма! Царевич в Северскую землю зовет!
На Москву хочет вести! Нам Борисову казну
отдает! К царевичу! К царевичу! Веди нас,
атаман! Когда к царевичу поведешь?

Хлопко.

Ну, добро, добро, дьяволы! Завтра тронем-
ся!

Шум и смятение.

Действие третье

Покой во дворце

Борис сидит перед столом, покрытым бумагами.

Борис.

Нелепая, безумная та вестъ —
Не выдумка! Неведомый обманщик,
Под именем Димитрия, на нас
Идет войной; литовскую он шляхту
С собой ведет, и воеводы наши
Передаются в ужасе ему!
Кто этот вор, неслыханный и дерзкий?
Селения к нему перебегают —
Молвой Москва встревожена – его
Нам презирать нельзя! Доколь не сможем
Назвать его по имени, он будет
Димитрием в глазах толпы! Возможно ль?
Меня бродяга изменить заставит
Исконное решение мое!
Не благостью, но страхом уже начал
Я царствовать. Где ж свет тот лучезарный,
В котором мне являлся мой престол,
Когда к нему я темной шел стезею?

Где светлый мир, ценою преступленья
Мной купленный? Вступить на путь крова-
вый

Я должен был или признать, что даром
Прошедшее свершилось. Колебаться
Теперь нельзя. Чем это зло скорей
Я пресеку, тем мне скорее можно
Вернуться будет к милости.
Входит Семен Годунов.

Ну, что?

Что ты узнал? Кто этот человек?

Семен Годунов.

Сам сатана, я думаю! Нигде
Я до следов его не мог добраться.
Под стражу мы людей довольно взяли,
Пытали всех; но ни с огня, ни с дыба
Нам показаний не дал ни один.

Борис.

Мы знать должны, кто он! Во что б ни ста-
ло

Его назвать – хотя пришлось бы имя
Нам выдумать!

Семен Годунов.

Найти такое можно.

Был в Чудове монах, Григорьем звали,
Стрелецкий сын, из Галича. Бежал
Недавно он и, пьяный, похвалялся:
Царем-де буду на Москве!

Борис.

Зачем

Меня не известили?

Семен Годунов.

Государь,

То был пустой, беспутный побродяга,
Хвостун и враль; монахи все ему
В глаза смеялись.

Борис.

Но, может быть,

То он и есть?

Семен Годунов.

Нет, государь, не он.

Тот вор умен, мечом владеть умеет,
А этот только бражничал да лгал.

Борис.

Каких он лет?

Семен Годунов.

Лет двадцати иль боле.

Борис.

Куда бежал?

Семен Годунов.

На Стародуб. Оттоль

Ушел в Литву.

Борис.

Как прозывался он?

Семен Годунов.

Отрепьевым.

Борис.

Он нам пригоден. Им

Того пока мы вора назовем.

Лишь то, что нам является в тумане,

Смущает нас; что осязать мы можем

Или назвать, – свою теряет силу.
Гонца в Литву отправить к королю:
Чтобы скорей свою унял он шляхту;
Что стыдно-де пособие чинить
Негодному, беспутному бродяге;
Что Гришка-де Отрепьев, беглый инок,
Морочит их; что если в мире быть
Со мной хотят – чтоб выдали его!
Разведчиков умножить. Знать я должен,
Что́ говорят, что́ думают бояре.
Им на́ руку пришлася эта весть!
Романовым избрание мое
Досель как нож; ближайшею роднею
Они себя Феодору считают;
А Шуйские мне рады б отомстить
За князь Иван Петровича; все ж вместе
Мне Юрьев день простить они не могут!
Что слышно в городе?

Семен Годунов.

По вечерам
К Романовым съезжаются бояре
И шепчут много, но от слуг они
Хоронятся. И чью-то чашу пили
В молчании.

Борис.

Изменничье гнездо!
Я знаю чью! Награду обещать
Тому, кто мне на них найдет улику!

Семен Годунов.

Улика будет.

Борис.

Голод между тем
Досель еще свирепствует. Напрасно
Народу я все житницы открыл.
Истощены мои запасы. В день,
Когда венец я царский мой приял,
Я обещал: последнюю рубаху
Скорей отдать, чем допустить, чтоб был
Кто-либо нищ иль беден. Слово я
Теперь сдержу. Открыть мою казну
И раздавать народу: царь-де помнит,
Что обещал. Когда казны не станет,
Он серебро и золото отдаст,
Последнюю голодным он одежду
Свою отдаст – но чтоб лихих людей
Не слушали; чтобы ловили всех,

Кто Дмитрия осмелится лишь имя
Произнести!

Входит царевич Федор.

Мстиславскому сказать,

Чтоб воеводство над войсками принял.

Украинским уж боле воеводам

Не верю я. Ступай, исполни все,

Как я велел.

Семен Годунов уходит.

Федор.

Отец, так это правда?

Земле грозит опасность? Этот дерзкий,

Безумный самозванец в самом деле

Мог обмануть украины? Мог рубеж

Переступить? И на тебя войною

Теперь идет?

Борис.

Недолго будет он,

Надеюсь я, торжествовать. Улики

У нас в руках.

Федор.

Но между тем у нас

Он города берет? Отец, пошли,
Пошли меня и брата Христиана
К твоим войскам! Вели, чтоб под начало
Он взял меня!

Борис.

Сын Федор, если б враг
Достойный шел на Русь, быть может, я
Послал бы вас; но с этим темным вором
Царевичу всея Руси сразиться
Не есть хвала. Кто плахе обречен —
Не царскими тот йметя руками.

Федор.

Не княжескими также. Ты, однако,
Мстиславского на этого врага
Сейчас послал. Его ты, стало быть,
Ничтожным не считаешь. Ты велишь
Хватать всех тех, кто произносит имя
Покойного царевича – отец,
Нам правосудье ведомо твое —
Ты мог ли бы то сделать, если б ты
Опасности не чаял? Мы со Ксеньей
Об этом долго толковали; горько
Казалось и непонятно нам,

Что ты, отец, который столько раз
Нам говорил: я лишь дела караю,
Но ни во чью не вмешиваюсь мысль, —
Что начал ты доискиваться мыслей,
Что ты за мысль, за слово посылаешь
Людей на казнь! Но мы решили так:
Насилуешь свое, отец, ты сердце
Затем, что Русь в опасности. И если
Оно так есть – и если в самом деле
Опасность ей грозит, – кому ж, отец,
Встречать ее, кому, коли не мне?

Борис.

Кипит в нас быстро молодости кровь;
Хотел бы ты во что б ни стало доблесть
Свою скорее показать; но разум
Иного требует. Ты призван, сын,
Русийским царством править. Нам неда-
ром

Величие дается. Отказаться
От многого должны мы. Обо мне
Со Ксенией вы вместе толковали —
В одном вы не ошиблись: неохотно
Ко строгости я прибегаю. Сердце
Меня склоняет милостивым быть.

Но если злая мне необходимость
Велит карать – я жалость подавляю
И не боюсь прослыть жестоким.

Федор.

Видишь!

Ты говоришь: необходимость – стало,
Опасность есть!

Борис.

Она явиться может —

И чтоб ее предупредить, я должен
Теперь быть строг. Когда придет пора,
Я к милости вернусь. Где Ксенья? Мы
Не виделись сегодня. Пусть она
Ко мне придет.

Федор уходит.

Мне кажется, когда

Ее услышу голос, легче будет

Мне на душе. Царенья моего

Безоблачна взошла заря. Какую

Она, всходя, мне славу обещала!

Ее не может призрак помрачить!

С минувшим я покончил. Что свершилось,
То кануло в ничто! Какое право

Имеет прах? Земля меня венчала,
А хочет тень войти в мои права!
Я с именем, со звуком спорить должен!
Федор возвращается со Ксенией.
Поди ко мне, дитя мое, садись —
Но что с тобой? Ты плакала?

Ксения.

Отец...

Борис.

Ты так глядишь, как будто ты какую
Утрату понесла?

Ксения.

Да, мой отец,

Ты молвил правду – понесла утрату

Я страшную! Не я одна – мы все —

Все понесли ее! Тебя, отец мой,

Утратили мы все – ты стал не тот!

Куда твоя девалась благость? Ты ли,

Ты ль это предо мной? Когда, бывало,

Народу ты показывался – радость

Во всех очах сияла; на тебя

С любовью смотрели и с доверьем —

Теперь же, – о, какая перемена! —
Теперь со страхом смотрят на тебя!
Взгляни вокруг: везде боязнь и трепет —
Уж были казни – о доносах шепчут,
Которые ты награждать велишь, —
Москва дрожит – так было, говорят,
Во времена царя Ивана...

Борис.

Ксенья...

Ксения.

Ты стал жесток...

Борис.

Опомнись, Ксенья. Ты
Меня довольно знаешь. Если я,
Которого терпение тебе
Так ведомо, решаюся карать —
То, стало быть, я не могу иначе!
Ты то пойми.

Ксения.

Нет, этого понять
Я не могу, нет, не могу, отец!

Зачем твой гнев? Чего боишься ты?
Тебя в убийстве гнусном обвиняют?
Ты чист, как день! Презрением лишь дол-
жен

Ты отвечать на эту клевету!

Борис.

Так на нее доселе отвечал я,
Но, Ксения, презрение мое
Почли за страх. Ты слышала, какую
Они сплели об этом деле басню —
Неведомый воспользовался вор
Молвою той, и ныне...

Христиан (отворяя дверь).

Государь,
Могу ли я?..

Борис.

Войди.

Христиан.

Великий царь —
Дозволишь ли мне молвить?

Борис.

Говори.

Христиан.

Отец и царь! Уверен ли ты в том,
Что человек, который на тебя
Идет войной – не истинный Димитрий?

Борис.

В уме ль ты, королевич? Кто в тебя
Вселил ту мысль?

Христиан.

Молва такая ходит —
За тайну мой советник Гольк сегодня
Мне повестил, что слышал где-то он:
Не сам царевич Дмитрий закололся,
Но был убит. Иные ж говорят,
Что не его убили, но другого,
Ошибкою. Один противоречит
Другому слух. Кто знает, государь,
Не скрыто ль что в сем деле от тебя?
И все ль тебе подробности известны
Димитриевой смерти? Может быть,
В те дни и вправду было покушение

На жизнь его и спасся он? Я тотчас
Подумал, царь, что если в самом деле
Димитрий жив – ты первый поспешишь
Его признать!

Борис.

И ты не обманулся.

Когда б нежданно истинный Димитрий
Явился нам – я первый бы навстречу

Ему пошел и перед ним сложил бы

Я власть мою и царский мой венец.

Но Дмитрий мертв! Он прах! Сомнений
нет!

И лишь одни враги Руси, одни

Изменники тот распускают слух!

Забудь о нем. В Димитриевой смерти

Уверен я.

Федор.

Но так ли он погиб,

Как донесли тебе, отец? В том слухе

Об углицком убийстве часто правда

Мне чуялась. Со дня ж, как мамку ту

Увидел я...

Борис.

Где встретился ты с ней?

Федор.

У матушки.

Борис.

Ей во дворце не место.

За клевету Нагих ее в ту пору

Я щедро наградил; с нее довольно —

Ей здесь не место!

Федор.

Стало быть, и ты,

Отец, ее подозреваешь?

Борис.

Нет!

Нет, никого подозревать не могу.

Доказано мне верно: закололся

В недуге он!

Стольник (входя).

Великий государь,

Царица к милости твоей идет!

Борис.

Что надо ей? Мне некогда!

Стольник.

Она

Уж у дверей.

Борис.

Оставьте, дети, нас!

Федор, Ксения и Христиан уходят. Входят боярыни, а за ними царица.

Царица (с поклоном).

Не прогневись, свет-государь Борис
Феодорыч, и на свою рабу

Не наложи опалы за доuku!

(К боярыням.)

А вы, голубушки, ступайте в сени,

Пождите там.

Боярыни уходят.

Борис.

Какой тебя, царица,

Приводит спех?

Царица.

Ох, свет мой государь,
Мы все спешим! Ты Ксеньюшку посватать
Вот поспешил, а королевич твой
Спешит проведать, как пропал царенок
Там в Угличе. И нѣмчины его
Промеж себя толкуют: уж не вправду ль
Зарезан был царенок? Как оно
По-твоему? По-моему, негоже;
Им толковать не след.

Борис.

Их толкам я
Не властен помешать; все ж речи их
Мне ведомы.

Царица.

Все ль, свет мой? А вот мне
Оно не так сдается. Не смекнул ли
Чего жених? Он эти дни с чего-то
Стал пасмурен.

Борис.

Не мнишь ли ты, он слухам

Поверил тем?

Царица.

Где мнить мне, государь!
Ты лучше знаешь. Не хотел ты слушать,
Что про его рождение тебе
Сказала я. Когда ты положил,
Чтоб этот безотецкий сын детей
Сбил с разума – твоя святая воля!
Так, значит, быть должно!

Борис.

Царица Марья —
Куда ты гнешь? Коли что знаешь ты,
Скажи мне прямо!

Царица.

Батюшки мои!
Что ж я скажу? Ты разве сам не видишь?
Жених с детьми толкует целый день;
Те слушают; сомнение на них
Уж он навел. Пожди еще немного,
И скоро всё они узнают.

Борис.

Марья!

Я запретил тебе напоминать
Об этом мне!

Царица.

Я, батюшка, молчу;
Четырнадцать вот скоро лет молчала,
Да не пришла ль пора заговорить?
Не поздно ль будет, если нѣмчин твой
Доищется улики на тебя?

Борис.

Чего ж ты хочешь?

Царица.

Мне ль чего хотеть,
Свет-государь! Свое я место знаю.
Мне, бестолковой бабе, и негоже
Советовать тебе. Ты дочь посватал
Без моего совета; без меня же
Ты сам найдешь что́ сделать!

Борис.

В Христиане
Уверен я.

Царица.

Уверен, так и ладно.

По моему ж, по бабьему, уму,
Не от народа ждать беды нам надо,
Не от бояр – не в городе для нас
Опасность есть, а в тереме твоём.
Доколе в нём останется твой нѣмчин —
Спокойно спать не можем мы!

Борис.

Довольно!

Молчи о том. Царю Руси нет дела,
Что дочери Скуратова Малюты
Не по́ сердцу жених, избранный им.
Не твоему то племени понять,
Что для Руси величия пригодно!

Царица.

Где, батюшка, нам это понимать!
Родитель мой служил царю Ивану
По простоте. Усердие его
Царь жаловал. А ты меня посватал,
Чтобы к царю Ивану ближе стать.
Что ж? Удалось. Ты царским свояком,

Ты шурином стал царским, а потом
Правителем, а ныне государем.
Где ж дочери Скуратова Малюты
Указывать тебе! Перед тобой
Поклонную я голову держать
Всегда должна. Прости же, государь,
Прости меня за глупую мою,
За бабью речь. Вперед, отец, не буду!
(Уходит.)

Входит Семен Годунов.

Борис.

Какие вести? Ну?

Семен Годунов.

Чернигов взят!

Борис.

Не может быть!

Семен Годунов.

Изменники связали

В нем воевод и к вору привели.

Путивль, Валуйки, Белгород, Воронеж

Ему сдались, Елец и Кромы также.

Один лишь Северск держится. Басманов
Засел в нем на́смерть. Лаской и угрозой
Старался вор склонить его, но он
На увещанья отвечал ему
Картечию.

Борис.

Я не ошибся в нем!

Семен Годунов.

Я говорил тебе: не верь боярам!
Верь только тем, кто, как и мы с тобой,
Не древней крови!

Борис.

Что еще принес ты?

Семен Годунов.

Мятежный дух как будто обуял
Не только край, но самые войска.
Что день, к врагу они перебегают,
Скудеет рать...

Борис.

О чем же воеводы

Там думают? От страху ль потеряли
Рассудок свой? Наказ послать им строгий,
Чтоб вешали изменников! Чтоб всех,
Кто лишь помыслит к вору перейти,
Всех, без пощады, смертью казнили!
Не то – я сам явлюся между них!

Стольник (входя).

Боярин князь Василь Иваныч Шуйский!

Семен Годунов.

С чем старая лисица приплелась?

Борис.

Пускай войдет!

Шуйский входит. Борис смотрит на него пристально.

Ты слышал вести?

Шуйский.

Слышал,

Царь-государь.

Борис.

Что скажешь ты на это?

Шуйский.

Неладно, царь.

Борис.

Неладно – вижу я!

А кто виной? Бояре продают —

Да, продают меня!

Шуйский.

Суди их Бог!

Борис.

Им Божьего суда не миновать.

Но до того я в скорых числах буду

Их сам судить. Мстиславского меж тем

Я к рати шлю.

Шуйский.

Ему и книги в руки.

Он старше всех. Голов там больно много.

Не прогнеvisь, великий государь,

За простоту, дозвошь мне слово молвить.

Борис.

Скажи.

Шуйский.

Когда б ты захотел туда
Поехать сам – все снял бы как рукою.

Борис.

А вам Москву оставить? Знаем это.
Нет, оставлять Москву царю не час.
Придумай лучше.

Шуйский.

А не то еще
Вот что, пожалуй: вдовая царица,
Димитриева мать, теперь на Выксе,
Пострижена сидит. Ее бы, царь,
Ты выписал. Пускай перед народом
Свидетельствует крестно, что Димитрий
Во гробе спит.

Борис.

Послать за ней! Но долог
До Выксы путь. Восстановить покорность
Мы здесь должны. Пример я над иными
Уж показал. Что? Утихают толки?

Шуйский.

Нет, государь. Уж и не знаешь, право,
Кого хватать, кого не трогать? Все
Одно наладили. Куда ни сунься,
Все та же песня: царь Борис хотел-де
Димитрия-царевича извести,
Но Божиим он спасся неким чудом
И будет скоро...

Борис.

Рвать им языки!

Иль утратить тем думают меня,
Что много их? Но если б сотни тысяч
Меня в глаза убийцей называли —
Их всех молчать и предо мной смириться
Заставлю я! Меня царем Иваном
Они зовут? Так я ж его не в шутку
Напомню им! Меня винят упорно —
Так я ж упорно буду их казнить!
Увидим, кто из нас устанет прежде!

Дом Федора Никитича Романова

Федор Никитич, Александр Никитич,
князь Сицкий, князь Репнин и князь Черкас-
ский за столом.

Федор Никитич (наливая им вина).

Ну, гости дорогие, перед сном —
По чарочке! Во здравье государя!

Черкасский.

Которого?

Федор Никитич.

Ну, вот еще! Вестимо,
Законного!

Черкасский.

Не осуди, боярин,
Не разберешь. Разымчиво уж больно
Твое вино.

Сицкий.

Законному царю
Мы служим все, да только не умеем
По имени назвать.

Александр Никитич.

А коли так —
И называть не нужно. Про себя

Его пусть каждый разумеет. Ну те ж:
Во здравие царя и государя
Всея Руси!

Черкасский.

Храни его Господь!

Репнин.

Дай всякого врага и супостата
Под нозе покорить!

Сицкий.

А уж немало
Он покорил.

Черкасский.

Ты о татарах, что ли?

Репнин.

Аль, может, о татарине?

Сицкий.

Нет, этот
Еще крепóк.

Александр Никитич.

Чернигов, слышно, взят.

Федор Никитич.

Еще по чарочке!

Все.

Про государя!

Входит Шуйский.

Шуйский.

Челом, бояре, вам! Чью пьете чару?

Федор Никитич.

Царя и государя, князь Василий

Иванович. На, выпей!

Шуйский.

Эх, Феодор

Никитич, чай, указ-то государев

Ты позабыл? Не так, бояре, пьете.

(Подымает чару.)

«Великому, избранному от Бога,

Им чтимому и Им превознесенну,

И скифетры полночныя страны

Самодержащему царю Борису,
С царицею, с царевичем его
И всеми дома царского ветвями,
Мы, сущие в палате сей, воздвигли,
В душевное спасенье и во здравье
Телесное, сию с молитвой чашу.
Чтоб славилось от моря и до моря,
И до конец вселенныя, его
Пресветлое, царя Бориса, имя,
На честь ему, а русским славным царствам
На прибавленья; чтобы государи
Послушливо ему служили все
И все бы трепетали посеченья
Его меча; на нас же, на рабех
Величества его, чтоб без урыву
Щедрот лилися реки неоскудно
От милосердия его пучины
И разума!» – Ух, утомился. Вот,
Бояре, как указано нам пить.
(Не пьет, а ставит чару на стол.)

Федор Никитич.

Уж больно кудревато; не запомнишь.

Шуйский.

Я выдолбил.

Репнин.

Не все его меча,
Кажись, трепещут.

Сицкий.

Да и не на всех
Его щедроты льются.

Черкасский.

Исчерпал
Пучину милосердия.

Федор Никитич (к Шуйскому).

Ты с Вёрху?

Шуйский.

Был на Вёрху́.

Федор Никитич.

Ну, что ж?

Шуйский.

Все слава Богу.

Рвать языки велел.

Черкасский.

Что ты? Кому?

Сицкий.

Помилуй Бог, кому?

Шуйский.

Да всем, кто скажет,
Что Дмитрия извел он аль что Дмитрий
Не изведен, а жив.

Репнин.

Так как же быть?

Черкасский.

Что ж надо говорить?

Шуйский.

А то, что было
При Федоре приказано: что Дмитрий
В недуге закололся.

Репнин.

Вот как! Видно,
Уж он чиниться перестал. Да разве
Он казнями кого переуверит?

Шуйский.

Пускай казнит; мешать ему не надо.

Сицкий.

Как не смекнет он, что, когда к Москве
Подступит *тот*, ему несдобровать?

Шуйский.

На каждого на мудреца довольно
Есть простоты. Когда ж мудрец считал,
Да все считал, да видит, что обчелся,
Тут и пошел плутать.

Черкасский.

Ты, князь Василий
Иванович, ты в Углич был посылан
На розыск тот. Скажи хоть раз по правде,
По совести: убит аль нет царевич?

Шуйский.

Убитого ребенка видел я.

Черкасский.

Да Дмитрия ль?

Шуйский.

Сказали мне, что Дмитрий.

Черкасский.

Да сам-то ты?

Шуйский.

А где ж его мне знать?

Черкасский.

Что ж мыслишь ты о том, который ныне
На нас идет?

Шуйский.

А то же, что и вы.

Язык нам враг. И батюшка Борис
Феодорыч, должно быть, это знает;
Нас от врага он избавлять велит.

Репнин (к Федору Никитичу).

Хозяин ласковый, да так, пожалуй,

И до тебя он доберется?

Федор Никитич.

Трудно.

Что скажет он? Романовы признали
Димитрия царем? Да вся Москва
Того лишь ждет, чтоб мы его признали.
Аль что его убийцей мы зовем?
Да пусть о том лишь слух пройдет в народе

Его каменьями побьют!

Александр Никитич.

А мы

Пока молчим. Народ же говорит:
Романовы поближе Годунова
К Феодору-царю стояли. Если б
Романов сел на царство – Юрьев день
Нам отдал бы!

Федор Никитич.

Романовым не нужно б
Заискивать у меньших у дворян;
Народ боярство любит родовое
За то, что выгоды у них одни.

Александр Никитич.

А мелких он не терпит. Нет, до нас
Добраться трудно.
Входит Семен Годунов со стрельцами.

Семен Годунов.

Бьем челом, бояре!
Вы, государи, Федор с Александром
Никитичи, по царскому указу
Под стражу взяты!

Федор Никитич.

Мы? Под стражу взяты?
За что?

Семен Годунов.

За то, что извести хотели
Царя и государя колдовством.
Довел на вас ваш казначей Бортенев.
Коренья те, что вы уж припасли,
Он предъявил. У патриарха вам
Допрос немедля учинят. Вы также,
Князь Черкасский, Сицкий и Репнин,
Обвинены.

Сицкий.

Мы в чем же?

Семен Годунов.

Заодно

С Романовыми были. Вас под стражу

Беру я с ними.

(К Шуйскому.)

Князь Василь Иваныч!

Тебе велит великий государь

Вести допрос над ними.

Федор Никитич.

Видит Бог,

Насилие и клевета!

Александр Никитич.

Возможно ль?

По одному извету казначея,

Которого за кражу я прогнал

Тому три дня?

Черкасский.

Вот он тебе и платит!

Сицкий.

А царь ему, должно быть? Боже правый!
Да это в точь, как при царе Иване!

Шуйский.

Негоже так, бояре, говорить!
Царь милостив. А мне Господь свидетель,
Я вашего не ведал воровства!
Помыслить сметь на батюшку царя!
Ах, грех какой! Пойдем, Семен Никитич,
Пойдем к владыке начинать допрос.
Помилуй Бог царя и государя!
Уводят бояр, окруженных стрельцами.

Покой во дворце

Борис (один).

«Убит, но жив»! Свершилось предсказанье!
Загадка разъяснилася: мой враг
Встал на меня из гроба грозной тенью!
Я ждал невзгод; возможные все беды
Предусмотрел: войну, и мор, и голод,
И мятежи – и всем им дать отпор
Я был готов. Но чтоб воскрес убитый —
Я ждать не мог! Меня без обороны
Застал удар. Державным кораблем

В моей спокойной управляя силе,
Я в ясный день на бег его глядел.
Вдруг грянул гром. С налету взрыла буря
Морскую гладь – крутит и ломит древо
И парус рвет... Не время разбирать,
Чей небо грех крушением карает —
Долг кормчего скорей спасти корабль!
Беда грозит – рубить я должен снасти!
Нет выбора – прошла пора медлений
И кротости! Кто враг царю Борису —
Тот царству враг! Пощады никому!
Казнь кличет казнь – власть требовала
жертв —

И первых кровь чтоб не лилася даром,
Топор все вновь подьется к ударам!
Входит Шуйский.

Шуйский.

По твоему, великий государь,
Являюся указу.

Борис.

Князь Василий!

Ты избран мной быть старшим у допроса
Романовых. Мне верность показать

Даю тебе я случай.

Шуйский.

Заслужу,
Царь-государь, великое твое
Доверие!

Борис.

Издавна злоба их
Мне ведома. Но за мое терпенье
Я ожидал раскаянья от них;
Они ж бояр с собою на меня
Замыслили поднять, а мне погибель
Готовили.

Шуйский.

Недаром от меня
Таилися они!

Борис.

Твой розыск ныне
Явит: как мыслишь ты ко мне.

Шуйский.

Помилуй,

Царь-государь! Уж на мое раденье,
Кажись, ты можешь положиться...

Борис.

Прежде ж

Чем Дмитриева мать, царица Марфа,

Свидетельствовать будет на Москве,

Что сын ее до смерти закололся

И погребен, ты выедешь на площадь

И с Лобного объявишь места: сам-де,

Своими-де очами видел ты

Труп Дмитрия – и крестным целованьем

То утвердишь. Меж тем я со владыкой

Велел везде Отрепьеву гласить

Анафему; в церквах, в монастырях,

На перекрестках всех его с анвонов

Велел клясти! Быть может, вразумится

Чрез то народ.

Шуйский.

Навряд ли, государь.

Не в гнев тебе, а диву я даюся,

Как мало страху на Москве!

Борис.

Досель?

Шуйский.

Ты кой-кого и пристрастил, пожалуй,
А все же...

Борис.

Ну?

Шуйский.

Да что, царь-государь!
Хоть бы теперь: Романовых под стражу
Ты взять велел. И поделом. Да разве
Они одни?

Борис.

Другие также взяты.

Шуйский.

Кто, государь? Черкасский с Репниным?
Да Сицкий-князь? Всего три человека!
А мало ль их? И думают они:
Всех не забрать!

Борис.

Так думают у вас?

Так ведайте ж: что сделано досель —

Одно лишь вам остереженье было,

Острастка то лишь малая была —

Гнев впереди!

(Уходит.)

Шуйский (один).

Святая простота!

Дает понять: «тебя насквозь я вижу,

Ты заодно с другими!» А меж тем,

Что ни скажу, за правду все примаает.

Боятся нас, а нам грозит. Борис

Феодорыч, ты ль это? Я тебя

Не узнаю. Куда девалась ловкость

Твоя, отец? И нравом стал не тот,

Ей-богу! То уж чересчур опаслив,

То вдруг вспылишь и ломишь напрямик,

Ни дать ни взять, как мой покойный дядя,

Которого в тюрьме ты удавил.

Когда кто так становится неровен,

То знак плохой!

(Уходит.)

Входит Христиан; за ним Гольк и Браге.

Гольк.

Высочество! Подумай:

Сомнений нет, исход в сем деле ясен:

Царем Димитрий будет, а Борису

Погибели не миновать. Что нўжды,

Что ложный то Димитрий? Он победно

Идет к Москве – и Русь его встречает!

Браге.

А в преступлении Бориса, принц,

Достаточно теперь ты убежден:

Нам присланные тайно показанья

Тех в Данию бежавших угличан,

Все, что мы здесь узнали стороною,

Чего не мог ты не заметить сам —

А сверх всего народный громкий голос

И казни те жестокие – все, все

Его винит, ему уликой служит!

Гольк.

До короля ж дошла молва, что царь

Эстонию, короны датской лену,

Не Дании намерен возвратить,

Но дать тебе. Король за это гневен.
Спеши его умилоствивить, принц!
Ждать от Бориса нечего нам боле —
Его звезда зашла!

Браге.

Земли русской
Царевну ты, высочество, посватал,
Не дочь слуги, злодейством на престол
Взошедшего. Когда законный царь
Иль тот, кого земля таким признала,
С него венец срывает – обещаньем
Не связан ты. От брака отказаться
Ты должен, принц!

Христиан.

Довольно! Все, что вы
О нем сказали, сам себе сказал я —
Но я не в силах слушать вас... моя
Кружится голова...

Гольк.

Ты бледен, принц, —
Ты нездоров...

Христиан.

Да, да, я нездоров...

Вы совершенно правы – точно так —

Убийца он... Мне холодно сегодня...

Она не знает ни о чем.

Браге.

Дозволь

Позвать врача, высочество!

Христиан.

Не надо.

Оно пройдет. Но отчего сегодня

Зеленое такое небо?

Гольк.

Принц,

Ты вправду болен...

Христиан.

Вы сказать хотите,

Что брежу я? Нет, я здоров. Оставьте

Меня теперь – я дам ответ вам скоро.

Гольк и Браге уходят.

(Один.)

Под этим кровом доле оставаться
Не должен я. Мне детский крик предсмерт-
ный

Здесь слышится – я вижу пятна крови
На этих тканях... я ее люблю!
Да, я люблю ее! Теперь меж нами
Все кончено.

Входит Ксения и останавливается в дверях.

Ксения.

Один ты, Христиан?
С кем говорил ты?

Христиан.

Ксения, постой —
Не уходи – тебе сказать мне надо —
Ведь ты еще не знаешь? Мы должны
Расстаться, Ксенья!

Ксения.

Что с тобой? Зачем

Расстаться нам?

Христиан.

Да, да, зачем расстаться?
Кто хочет нас с тобою разлучить?
Ты не моя ль? Кто говорит, чтоб душу
Я разорвал? Нет, требовать того
Не может честь!

Ксения.

Опомнись, Христиан;
Твои слова без смысла. Что случилось?

Христиан.

Беги со мной!

Ксения.

Святая Матерь Божья!
Ужель я отгадала? Христиан —
Кто виделся с тобой? Чьей клевете
Ты на отца поверил?

Христиан.

Ксения, Ксения!
И жизнь и душу я б хотел отдать,

Чтоб эту скорбь, чтоб эту злую боль
Взять от тебя!

Ксения.

И ты поверил? Ты?
Ты, Христиан?

Христиан.

Нельзя остаться мне —
Нельзя – ты видишь!

Ксения.

Выброси скорей
Из сердца эту мысль! Она тебя,
Тебя чернит, а не отца! Как мог ты
Поверить ей!

Христиан.

Не правда ль? Ей поверить
Я сам не мог? Она вошла насильно!
От лобных мест кровавыми ручьями
В меня влилась!

Ксения.

Да, он жесток во гневе!

Я не хочу – я не могу его
Оправдывать! Но разве ты не видишь?
Негодованием гнев его рожден
На клевету! Таким он не был прежде!
Ты знал его! Ужели ты забыл,
Как был высок, как милостив душою
Он был всегда! Как мог – как мог – как мог
Поверить ты! О Христиан, какую
Ты пропасть вырыл между нами!

Христиан.

Нет!

Разъединить чужое преступленье
Нас не должно! Душа моя с твоею
В одно слилась! Когда б земля под нами
Расселась – когда бы это небо
Обрушилось на нас – не врозь, а вместе
Погибли б мы!

Ксения.

Уж мы разлучены!

Да, Христиан! Иль мнишь ты, не должна я
Мою любовь из сердца вырвать вон?
Когда отца кругом теснят враги,
Друзья ж бегут – ты также переходишь

К его врагам!

Входит царевич Федор, ими не замечае-
мый.

Но если б от него

И все ушли и если б целый мир

Его винил – одна бы я сказала:

Неправда то! Одна бы я осталась

С моим отцом!

Христиан.

Нет у тебя отца!

Твоим отцом убийца быть не может!

Ты сирота! Как я, ты сирота!

Беги со мной! Я не на счастье, Ксения,

Тебя зову, не на престол! Быть может,

Я осужден к лишению и к нужде —

Быть может, я скитаться буду – но

Где б я ни стал, то место, где я стану,

Оно всегда достойно будет нас!

А этот терем, Ксения...

Федор (выступает вперед).

Королевич!

Христиан.

А, ты был здесь? Ты слышал все? Тем лучше!

Я не скрываюсь от тебя – ты должен
Меня понять!

Федор.

Тебя я понял. Ты
Царя Бориса оскорбил смертельно —
Ты наглый лжец!

Христиан.

Брат Федор...

Федор.

Гнусный ты,
Бесстыдный лжец и клеветник!

Христиан.

Царевич!
Войди в себя!

Федор.

Предатель! Переметчик!
Иуда ты!

Христиан.

Войди в себя, царевич!

Опомнися! Когда ты оскорблен —

Не бранью мстить ты должен! На Руси

Так в старину не делали!

Федор.

Ты прав —

Спасибо, что напомнил...

(Срывает со стены две сабли и подает одну

Христиану.)

Бейся на смерть!

Ксения.

Побойтесь Бога! Что вы, что вы? Стойте!

Как? Брат на брата!

Христиан (бросая саблю).

Нет, не стану биться!

Ты брат ее!

Ксения.

О, до чего дошли мы!

Давно ли мы втроем, в покое этом,

Так мирно говорили, так хотели

Служить Руси – а ныне!

Христиан.

Что со мной?

Кругом меня все потемнело вдруг —

Меня не держат ноги...

(Садится.)

Федор (бросая саблю).

Христиан,

Ты нездоров?

Христиан (озираясь).

Вы оба здесь? Со мною?

Как счастлив я! Друзья, скажите, что

Случилось?

Ксения.

Он болен!..

Федор.

Слава Богу,

То был лишь бред! Сестра, останься с ним,

Я за врачом пойду!

Христиан.

Не уходи —

Мне хорошо. Но что-то надо мною

Как облако внезапно пронеслось —

Был шум в ушах – так, говорят, бывает,

Когда дурману выпьешь... я припомнить

Стараюсь что-то... сам не знаю что...

Ловлю, ловлю... и все теряю...

(Вскакивая.)

Вспомнил!

Бежим отсель!

(Падает в кресла.)

У пристани корабль

Норвежский ждет – уж якорь поднимают —

Скорей на палубу, скорей!

Ксения.

Он бредит!

Христиан.

Я говорю вам всем: неправда то!

Всех, кто дерзнет подумать, что царевна

Убийцы дочь, на бой я вызываю!

Прижмись ко мне – не бойся, Ксения, этих

Зеленых волн! – Я слушать вас устал —

Я знаю сам – прибавьте парусов!
Какое дело нам, что на Руси
Убийца царь! – Вот берег, берег! Ксения, —
Мы спасены!

Ксения.

Брат, брат, что случилось с ним?

Христиан.

Друзья мои, мне кажется, я бредил?
Мне очень дурно. Голова моя
Так кружится, а сердце то забьется,
То вдруг замрет...

Ксения.

Ты болен, Христиан!
Встань, обоприся на́ руку мою...

Федор.

Я поведу его!

Христиан.

Спасибо, брат —
Спасибо, Ксения – это все пройдет —
Как хорошо мне между вас обоих!

(Уходит, поддерживаемый Федором и Ксенией.)

Действие четвертое

Красная Площадь с Лобным местом

Несколько переодетых сыщиков.

Главный сыщик (наряженный дьячком).

Сейчас народ повалит из церквей!

Вмешайтесь в толпу; глаза и уши

Насторожить! Сегодня панихида

Царевичу Димитрию идет,

Отрепьева ж клянут; так будут толки!

Второй сыщик (в одежде купца).

Какие толки! Всяк теперь боится

Промолвиться.

Первый.

А мы на что? Зачем

Двойную нам награду обещал

Семен Никитич? Зачинайте смело

Тот с тем, тот с этим разговор, прикинь-
тесь,

Что вы к Москве Отрепьевым тем тайно

Подосланы; когда ж кто проболтнется —
Хвать за́ ворот его! А если будет
Кому из вас нужна подмога – свистом
Подать маяк! Ну, живо, рассыпайтесь!
Идет народ!
Толпа выходит из церкви.

Один посадский.

Великий грех служить
Живому человеку панихиду!

Другой.

Тяжелый грех!

Третий.

А кто же тот Отрепьев,
Кому они анафему гласили?

Первый.

Монах какой-то подвернулся.

Второй.

Что ж,
Какое дело до того монаха
Царевичу Димитрию?

Первый.

Молчи!

Нас слушают.

Същик.

О чем вы, государи,

Ведете речь?

Первый.

Да говорим: дай Бог

Изменщика, Отрепьева того,

Что Дмитрием осмелился назваться,

Поймать скорей!

Същик (про себя).

Гм! Эти-то с чутьем!

Подходят несколько других.

Один.

Вишь, изворот затеяли какой!

Безбожники!

Другой.

Знать, плохо им пришлось,

Губителям!

Третий.

Романовы в тюрьму
Посажены.

Четвертый.

Помилуй Бог, за что?

Пятый.

Боятся их за то, что много знают!
Проходят.

Одна баба (догоняет другую).

Да постой, голубушка, куда ж ты спе-
шишь?

Вторая.

В собор, в собор, матушка! Панафиду,
вишь, служат и большую анафему поют!

Первая.

Да кто ж это скончался?

Вторая.

Никак, Гришка Отрепьев какой-то! Ох, боюсь опоздать!

Третья баба (пристает к ним).

Не Гришка, не Гришка, матушка! Царевича Дмитрием зовут!

Первая.

Так ему, стало, анафему служат? А панафида по ком же?

Вторая.

По Гришке, должно быть!

Четвертая баба (догоняет их).

Постойте, кормилицы, и я с вами! По какому Гришке царевич панафиду служит?

Все четверо вместе.

Да пойми ты, мать. Я в толк не возьму. Ахти, опоздаем! – Да побойтесь Бога – кто же скончался-то? Пойдем, пойдем! Анафема скончался, Гришка-царевич служит панафиду! *(Уходят.)*

Сыщик (глядя им в след).

Проваливай, бабье! от вас ни шерсти,
Ни молока!

Подходят два мужика.

Первый (указывая на сыщика).

Федюха! А Федюха!

Смотри, у энтого какая сзади

Коса болтается! Чай, из духовных?

Второй.

Божественный, должно быть, человек.

Покажем лист ему!

Первый.

Нештó, покажем!

(К сыщику.)

Отец родной, позволь тебя спросить:

Ты грамотный, никак?

Сыщик.

Господь сподобил.

Первый.

Так сделай божескую милость: вот

Какой-то лист нашли у подворотни;
Прочти его, родимый!

Сьщик.

Предъяви!

(Читает.)

«Мы, Божию милостью, Димитрий
Иванович, царь и великий князь
Всея Руси, ко всем русийским людям:
Господним неким превеликим чудом
Сохранены и спасены...» Гм, гм!

(Читает про себя, потом громко.)

«И первых тех, которые навстречу
Со хлебом-солью к нам придут, тех первых
Пожалуем». Эй, люди, говорите:
Кто дал вам лист?

Первый.

Нашли под воротами,
Ей-богу-ну!

Второй.

Под самой подворотней!

Сьщик.

А кто подкинул?

Первый.

Видит Бог, не знаем!

Сыщик.

Не знаете? (*Свистит.*)

Несколько сыщиков подбегают.

Хватайте этих двух!

В застенок их!

Первый.

Отец родной, за что?

Второй.

За что, помилуй?

Сыщик.

Вам в застенке скажут!

Мужиков уводят среди общего ропота. Подходит купец в разговоре со вторым сыщиком.

Сыщик.

Да что, почтенный, что за торг у нас?

Себе в наклад ведь продаем сегодня.

А с немцев пошлин половину снял!
Какой тут торг!

Купец.

Так, так, родимый; сами
Концов свести не можем. Разоренье
Пришло на нас!

Сьщик (таинственно).

Одна надежда ноне —
Царь Дмитрий Иоаннович. Не терпит
Ни немцев он, ни англичан. Пусть только
Пожалует!

Купец.

А что?

Сьщик.

Подметный лист
Попался мне: всех, говорит, купцов
От пошлин свободу!

Купец.

Поддай-то Бог!

Сыщик (хватает его заворот).

Так вот ты как! Так ты стоишь за вора?
Эй, наши! Эй!

Сыщики бросаются на купца.

Посадские и народ.

Да что вы! Бойтесь Бога!
За что его?

Первый сыщик.

А вы чего вступились?
Хватай их всех!

Народ.

Нет, всех-то не перехватаешь! Бей их, ребята!
Довольно нам терпеть от сыщиков!

Звон бубен. Пешие бубенчики. Перед нами пристав.

Пристав.

Раздайтесь! Место! Место!
Боярин князь Василь Иваныч Шуйский!

Шуйский (в сопровождении двух дьяков).

С чего, миряне, подняли вы шум?
Грех вам мутиться!

Народ.

Батюшка, Василий Иванович! Вступись, отец родной! Твой род ведь всегда за нас стоял, а ноне нам от сыщиков житья нет! Вступись, батюшка!

Шуйский.

Опомнитесь, миряне. Царь Борис Феодорыч так приказал. Он знает, Кого хватать. А вы пройти мне дайте До Лобного до места; по указу По царскому я речь скажу.
(Идет к Лобному месту.)

Один из народа.

Нет, этот
Не вступится!

Другой.

Да, не чета Иван

Петровичу!

Третий.

Какую ж речь он скажет?

Первый.

А вот послушаем.

Шуйский (с Лобного места).

Народ московский!

Вам всем: гостям и всем торговым людям,
Всем воинским, посадским, и слободским,
Митрополичьим всем, и монастырским,
И вольным, и кабальным всяким людям,
Я, князь Василь Иваныч Шуйский, бью
Наперед челом!

(Кланяется на все стороны.)

Вам ведомо, что некий
Еретик злой, расстрига, чернокнижник
И явный вор, Отрепьев Гришка, Бога
Не убоясь, диаволу в угоду,
Дерзнул себя царевичем покойным,
Димитрием Иванычем назвать...

Ропот.

И с помощью литовской рати ныне
Идет к Москве, а с ним немало наших...
Из Северской земли...

Один.

Слышь, с ним и наши!

Шуйский.

Изменников. И хочет он, расстрига,
Великого, почтенного от Бога
Царя Бориса Федорыча свергнуть,
И церковь православную попрасть,
И вовлекти в латинскую нас ересь.
Что́ ведая, великий государь
Мне повелел вам повестить сегодня
Все, что своими видел я очами,
Когда, при Федоре-царе, послан
Я в Углич был, чтоб розыск учинить:
Как там царевич Дмитрий Иоанныч
Упал на нож и закололся.

Другой.

Знаем!

Третий.

Слыхали то!

Шуйский.

И по приезде мы,
С Андреем со Петровичем, в собор
Отправились, с Луп-Клешниным, и там
Увидели младенца бездыханна,
Пред алтарем лежаща, и его
Пресечена была гортань.

Третий (вполголоса).

Да кто же
Младенец был?

Шуйский.

Что Гришка же Отрепьев
Не Дмитрий есть, а некий беглый вор,
От церкви отлученный и проклятый, —
В том я клянусь и крест на том целую,
И не видать мне Царствия Небесна,
И быть на Страшном Божиим суде
Мне прокляту, и в огонь идти мне вечный,

Когда солгал!

(Целует свой тельный крест.)

Первый.

Да в чем же он клянется?

Второй.

Что Дмитрий не Отрепьев.

Третий.

Без него

Мы знаем то!

Первый.

Постой, он говорит!

Шуйский.

И ведомый еретик тот и вор

Великого, почтенного от Бога

И милосердного царя Бориса

Кусательно язвит, а от себя

Вам милостей немало обещает

И Юрьев день обратно вам сулит.

И вам велит великий государь

Тому расстриге веры не давать;

А кто поверит или кто посмеет
Сказать, что он есть истинный Димитрий

Великий царь тому немедля вырвать
Велит язык. Я все сказал – простите!
(Кланяется и сходит с Лобного места.)
Молчание в народе.

Один.
Вот те и речь!

Другой.
К чему он вел ее?

Третий.
Знать, близко тот.

Первый.
И наших с ним довольно.

Четвертый.
И милости, слышь, обещает нам.

Второй.
Да, Юрьев день, слышь, отдает.

Пятый.

Так что же?

Первый.

А то, что, слышь, язык свой береги.

Четвертый.

Побережем.

Пятый.

А не идти ль туда?

Второй.

Куда туда?

Пятый.

Навстречу-то?

Третий.

Ну, ну,

Чай, подождем.

Пятый.

Да долго ль ждать?

Второй.

А здесь-то
Спужались, чай!

Третий.

Да, есть с чего спужаться:
Ведь тот-то прирожденный!

Четвертый.

Подождем!

Второй.

Ну, подождем.

Первый.

И вправду подождем.

Народ расходится, разговаривая вполголо-
са.

Покой во дворце с низким сводом и решетчатым окном

Вдовая царица Мария Нагая, во иночестве
Марфа, одна.

Марфа.

Четырнадцать минуло долгих лет
Со дня, как ты, мой сын, мой ангел Божий,
Димитрий мой, упал, окровавленный,
И на моих руках последний вздох
Свой испустил, как голубь трепеща!
Четырнадцать я лет все плачу, плачу,
И выплакать горючих слез моих
Я не могу. Дитя мое, Димитрий!
Доколь дышу, все плакать, плакать буду
И клясть убийцу твоего! Он ждет,
Чтоб крестным целованьем смерть твою
Я пред народом русским утвердила —
Но кто б ни был неведомый твой мститель,
Идущий на Бориса, – да хранит
Его Господь! Я ни единым словом
Не обличу его! Лгать буду я!
Моим его я сыном буду звать!
Кто б ни был он – он враг тебе, убийца, —
Он мне союзник будет! Торжество
Небесные ему пошлите силы,
Его полки ведите на Москву!
Иди, иди, каратель Годунова!
Сорви с него украденный венец!
Низринь его! Попри его ногами!
Чтоб он, как зверь во прахе издыхая,

Тот вспомнил день, когда в мое дитя
Он нож вонзил! Но слышатся шаги —
Идут! Меня забила дрожь – и холод
Проникнул в мозг моих костей – то он!
Убийца тут – он близко – Мать Божья!
Дай мне владеть собой! Притворством
сердце

Исполни мне – изгладь печаль с лица —
Перероди меня – соделай схожей
Коварством с ним, чтоб на моих чертах
Изобразить сумела бы я радость
О мнимом сыне, возвращенном мне!
Входит Борис со свечой, которую ставит на
стол.

Борис (с поклоном).

Царица Марья Федоровна, бью
Тебе челом!

Марфа.

Пострижена царица
По твоему указу. Пред тобой
Лишь инокиня Марфа.

Борис.

Твой обет
Не умаляет званья твоего.
Я пред тобой благоговею ныне,
Как некогда благоговел, когда
Сидела ты с царем Иваном рядом.

Марфа.
Благодарю.

Борис.
Царица, до тебя
Уж весть дошла...

Марфа.
Что сын мой отыскался?
Дошла, дошла! Благословен Господь!
Когда его увижу я?

Борис.
Царица,
В уме ли ты? Твой сын, сама ты знаешь,
Четырнадцать уж лет тому, в недуге
Упал на нож...

Марфа.

Зарезан был. Ты то́ ли
Хотел сказать? Но я лишилась чувств,
Когда та вестъ достигла до меня —
Его я мертвым не видала!

Борис.

Но

Он мертв, царица, – он убился – в том
Сомнений нет...

Марфа.

Так мнила я сама...

Борис.

Его весь Углич мертвым видел...

Марфа.

Я

Не видала его!

Борис.

На панихиде

Ты у его молилась трупа...

Марфа.

Слезы

Мои глаза мрачили; я другого
За сына приняла. Теперь я знаю,
Димитрий жив! Приметы мне его
Все сказаны – он жив, он жив, мой ДМИТ-
рий!

Он жив, мой сын!

Борис.

Возможно ль? Радость блещет
В твоих очах? Ужель ты вправду веришь,
Что жив твой сын? Ужель мне сомневаться?

Ужели был и Клешниным и Шуйским
Обманут я?

Входит царица Мария Григорьевна.

Царица.

Не прогневишь, Борис
Феодорыч. Твой разговор с царицей
Я слышала за дверью. Невтерпеж,
Свет-государь, мне стало: поклониться
Царице Марфе захотелось.

(Кланяется.)

Зёмно

Тебе я, матушка-царица Марфа
Феодоровна, кланяюсь. Слышу:
Царевича ты мертвым не считаешь?
Так, стало, тот, кто в Угличе убился,
Тебе не сын?

Марфа.

Не знаю, кто убился, —
Димитрий жив! От ваших рук он Божьим
Неведомо был промыслом спасен!
Хвала Творцу и Матери Пречистой,
Мой сын спасен!

Борис.

Царица, – если веришь
Ты истинно тому, что говоришь, —
Поведай мне: кто подменил его?
Кем он и как из Углича похищен?
Где он досель скрывался? Чтобы веру
Тебе я дал, я должен ведать все!

Марфа.

Какое дело мне, ты веришь, нет ли?
Верь или нет – довольно: жив мой сын —
Не удалось твое злодейство!

Борис.

Нет!

Не может быть! Неправда! Быть не может!
Как спасся он?

Марфа.

Дрожишь ты наконец!

Борис.

Как спасся он? Царица, берегися —
Тебя могу заставить я сказать
Всю правду мне!

Царица.

Свет-государь Борис
Феодорыч, быть может, обойдемся
Без пытки мы! Ты, матушка-царица,
Его убитым не видала?

Марфа.

Нет!

Царица.

А полно, так ли, матушка? Подумай.

Марфа.

Могла ль его убитым видеть я,
Когда убит он не был?

Царица.

А посмотрим.

(Отворяя дверь.)

Войди, голубка!

Входит Волохова.

(К Марфе.)

Знаешь ты ее?

Марфа.

Она! Она! Прочь, прочь ее возьмите!
Возьмите прочь!

Царица.

Что, матушка, с тобой?

Что взволновалась ты так? Зачем
Тебя приводит в ужас Василиса?

Марфа.

Прочь! Прочь ее! Кровь на ее руках!
Кровь Дмитрия! Будь проклята вовеки!

Будь проклята!

Царица (к Волоховой).

Довольно, Василиса,

Ступай себе.

Волохова уходит.

Ну, батюшка Борис

Феодорыч? Уверился теперь,

Что нет в живых ее царенка? То-то!

Уж ты за пытку было! Ты умен,

А я простая баба, дочь Малюты,

Да знаю то, что пытки есть иные

Чувствительней и дыба и когтей.

Чего ж ты, свет, задумался? Забыл ли,

Зачем пришел?

(Дергает Марфу за руку.)

Опомнися, царица!

Опомнись, мать. Ну, государь?

Борис.

Царица,

Ты выдала себя. Теперь мы знаем,

Не можешь ты за сына почитать

Обманщика, дерзнувшего назваться

Димитрием. Как ни погиб царевич —

Хотя б о том мне ложно донесли, —
Но он погиб. Твоя печаль, поверь,
Почтенна для меня, и тяжело
Мне на́ душу твое ложится горе.
Я б много дал, чтоб прошлое вернуть, —
Но прошлое не в нашей власти. Мы
Должны теперь о настоящем думать.
Великую, царица, можешь ты
Беду от царства отвратить: лишь сто́ит
Перед народом клятву дать тебе,
Что Дмитрий мертв и погребен. Согласна
ль

На это ты?

Марфа.

Я выдала себя —
Мой сын убит. Но как о том народу
Я повещу? Ты в том ли мне велишь
Крест целовать, что на моих глазах
Тобою купленная мамка сына
Убийцам в руки предала?

Борис.

Клянусь,
Я не приказывал того!

Марфа.

Мой сын

Тобой убит. Судьба другого сына

Послала мне – его я принимаю!

Димитрием его зову! Приди,

Приди ко мне, воскресший мой Димитрий!

Приди убийцу свергнуть твоего!

Да, он придет! Он близко, близко – вижу,

Победные его уж блещут стяги —

Он под Москвой – пред именем его

Отверзлися кремлевские ворота —

Без бою он вступает в город свой —

Народный плеск я слышу – льются слезы —

Димитрий царь! И к конскому хвосту

Примкнутого тебя, его убийцу,

Влекут на казнь!

Царица.

Пророчит гибель нам

Твоя гортань?

(Схватывает зажженную свечу и бросается с нею на Марфу.)

Так подавись же, сука!

Борис (удерживая ее, к Марфе).

Отчаянью прощаю твоему.

Размыслишь ты, что месть твоя не может

Царевича вернуть, но что в твоей,

Царица, власти помешать потокам

Кровавым течь и брату встать на брата.

Не мысли ты, что до Москвы без боя

Дойдет тот вор! Нет, он лишь чужеземцев

К нам приведет! Раздор лишь воспалит он!

Утраченный тебе твой дорог сын;

Но менее ль тебе, царица, дорог

Покой земли? Молчанием своим

Усобице откроешь ты затворы.

Тьма бед, царица, по твоей вине

Падет на Русь! За них пред Богом будешь

Ты отвечать. О том раздумать время

Даю тебе – прости! Свети мне, Марья!

(Уходит с царицей.)

Марфа (одна).

Ушли – и жало жгучее уносят

В своих сердцах! Я ранила их насмерть,

Я, Дмитриева мать! Теперь их дни

Отравлены! Без сна их будут ночи!

Лишь от меня спасения он ждал —

Я не спасу его! Пусть занесенный
Топор падет на голову ему!
Прости, мой сын, что именем твоим
Я буду звать безвестного бродягу!
Чтоб отомстить злодею твоему,
На твой престол он должен сесть; венец
ТВОЙ

Наденет он; в твой терем он войдет;
Нарядится он в золото и в жемчуг —
А ты, мой сын, мое дитя, меж тем
В сырой земле ждать будешь воскресенья,
Во гробике! О Господи! Последний
Ребенок нищего на Божьем солнце
Волён играть — ты ж, для венца рожден-
НЫЙ,

Лежишь во тьме и в холоде! Не время
Твои пресекло дни! Ты мог бы жить!
Ты вырос бы! На славу всей земле
Ты б царствовал теперь! Но ты убит!
Убит мой сын! Убит, убит мой Дмитрий!
(Падает наземь и рыдает.)

Покой во дворце

Борис сидит в креслах. Перед ним стоит
врач.

Борис.

Не легче королевичу?

Врач.

Увы,

Великий царь, припадки стали чаще!

Борис.

Надежда есть?

Врач.

Не много, государь.

Борис.

Но чем он так внезапно заболел?

Врач.

Неведомые признаки сбивают

Нас с толку, царь.

Борис.

Послушай! Жизнь его

Мне собственной моей дороже жизни!

Сокровища не знаю я такого,

Которого б не отдал за него!

Скажи своим товарищам, скажи им —
И помни сам – нет почестей таких,
Какими бы я щедро не осыпал
Спасителя его!

Врач.

Великий царь,
Не почести нам знанья придадут.
По долгу мы служить тебе готовы;
Награда нам не деньги, а успех.
Но случая подобного ни разу
Никто из нас не встретил.

Борис.

Воротись
К нему скорей. Блюда его; науку
Всю истощи свою! Во что б ни стало
Спаси его! Скажи другим: пределов
Не будет благодарности моей!
Ступай, ступай!
Врач уходит.
(Один.)
Ужели нас Господь
Еще накажет этою потерей!
Он то звено, которым вновь связал бы

Я древнюю, расторгнутую цепь
Меж Западом и русскою державой!
Через него ей возвратил бы море
Варяжское! Что́ Ярослав стяжал,
Что́ под чужим мы игом потеряли —
Без боя то, без спора возвратил бы
Я вновь Руси! Со смертью его
Все рушится. А Ксения моя!
Чем чистая душа ее виновна,
Что преступленье некогда свершил
Ее отец? Ты, бедная! Легко
Жилось тебе, и понаслышке только
Ты ведала о горестях людских.
Ужели их на деле испытать
Так рано ты осуждена? Ужели
Все беды съединятся, чтобы разом
На нас упасть? Здесь умирает зять,
А там растет тот враг непостижимый —
Моя вина, которой утвердить
Навеки я хотел работу жизни,
Она ж тяжелой рушится скалой
На здание мое!
Входит Семен Годунов со свертком в руках.

Семен Годунов.

Великий царь...

Борис.

Какую новую беду еще
Ты мне принес?

Семен Годунов.

То не беда, а дерзость,
Великий государь; к тебе писать
Осмелился тот вор...

Борис.

Подай сюда.
Вид царской грамоты имеет сверток,
И царская привешена печать...
Искусно все подделано. Прочти!

Семен Годунов (читает).

«Великий князь и царь всея Руси
Димитрий Иоаннович тебе,
Борису Годунову! От ножа
Быв твоего избавлены чудесно,
Идем воссесть на царский наш престол
И суд держать великий над тобою.
И казни злой тебе не миновать,

Когда примем наши государства.
Но если ты, свою познавши мерзость,
До нашего прихода с головы,
Со скверныя со своея, сам сложишь
Наш воровски похищенный венец,
И в схиму облечешься, и смиренно
Во монастырь оплакивать свой грех
Затворишься, – мы, в жалости души,
Тебя на казнь не обречем, но милость
Тебе, Борису, царскую мы нашу
Тогда явим. Путивль, осьмого марта».
Борис закрывает лицо руками.
Тебя кручинит этот дерзкий лист?

Борис.

Не оттого, что после всех трудов
И напряженья целой жизни тяжко
Лишиться было б мне венца! Всегда
Я был готов судьбы удары встретить.
Но если он мне *милость* предлагает,
Рассчитывать он должен, что вся Русь
Отпасть готова от меня! И он,
Быть может, прав. Те самые, кто слезно
Меня взойти молили на престол,
Они ж теперь, без нуды и без боя,

Ему предать меня спешат! И здесь,
Здесь, на Москве, покорные наружно,
В душе врагу усердствуют они!
А что́ я сделал для земли, что́ я
Для государства сделал – то забыто!
Мне это горько.

Семен Годунов.

Государь, что может
Тот наглый вор?..

Борис.

Таким его считал я,
Таким считать велит его рассудок —
Но после всех невзгод моих невольно
Сомнения рождаются во мне.
Свидетеля мне надо, кто бы видел
Димитрия умершим!

Семен Годунов.

Но царица
Созналася...

Борис.

Сознание ее

Могло испугом вынуждено быть.
Я ведаю, что было покушенье,
Но знать хочу: была ли смерть?

Семен Годунов.

Его
Василий Шуйский мертвым видел...

Борис.

Шуйский!
Могу ли верить я ему?

Семен Годунов.

Тогда
Вели призвать Андрея Клешнина.
Он схиму принял, Богу отдался,
Он не солжет.

Борис.

Послать за ним! Но тайно
Пусть он придет. И говорить ни с кем
Чтобы не смел!

Стольник (отворяя дверь).

Великий государь!

Врачи тебе прислали повестить:
Отходит королевич!

Борис.

Боже правый!

(Уходит с Годуновым.)

Царевич Федор отворяет дверь, осматривается и говорит за кулисы.

Федор.

Нет никого – войди, сестра!

Ксения (входя).

Как мне

Наедине с тобою быть хотелось!

Что ты узнал о нем?

Федор.

Не допустили

Меня к нему; но я у двери слушал:

Тебя зовет с собою громко он

В Норвегию и то же обвиненье

Твердит о нашем об отце...

Ксения.

Ужасный,
Ужасный бред!

Федор.
Бред, говоришь ты?

Ксения.
Как?
Ты думаешь, он вправду верит?

Федор.
Ксения, —
Когда б одно лишь это мог я думать!

Ксения.
Но что ж еще?

Федор.
Нет, нет, об этом знать
Ты не должна! Не спрашивай меня!

Ксения (взяв его за руку).
Брат, слышишь?

Федор.

Что?

Ксения.

На половине той
Забегали!..

Федор.

Отец идет сюда...

Ксения.

Мне страшно, Федор!

Борис (входя).

Ксения моя...

Ксения.

Отец, что там случилось?

Борис.

Будь тверда —
Крепись, Ксенья!

Федор (к Борису).

Пощади ее!

Ксения.

Да, я тверда! Я все могу услышать —
Надежды нет? Нет никакой? Скажи!

Борис.

Все кончено!

Ксения шатается и падает.

(Поддерживая ее.)

Господь с тобою, Ксенья!

Действие пятое

Престольная палата

Ночь. Луна играет на стенах и на полу. Двое
часовых.

Первый.

Что, долго ли до смены?

Второй.

Чай, устал?

Первый.

Нет, жутко как-то.

Второй.

Да и мне, признаться,
Не по́ сердцу в палате этой. Все
Как будто ходит кто-то. Поглядишь —
Нет никого!

Первый.

Ну, бог с тобой! Не к ночи
Об этом речь.

Второй.

Часок еще, пожалуй,
Стоять придется.

Первый.

То-то. А ей-богу,
Двойную смену на дворе бы лучше
Я простоял!

Второй.

Вишь, сам заводишь речь!

Первый.

Нет, чур меня! О чем-нибудь другом
Заговорим. Заметил ты сегодня,
Как пасмурен был царь?

Второй.

И впрямь, он был
Еще мрачней, чем эти дни.

Первый.

Кручина...

Второй.

Да, есть о чем. А говорят, Басманов
Того разбил недавно вора.

Первый.

Что же
Все мрачен царь? Не верит, что ли?

Второй.

Лик-то
Как страшен стал!

Первый.

Глядит и не глядит...

Второй.

Я б не хотел теперь его увидеть!

Первый.

Избави Бог!

Второй.

Постой – ты слышал?

Первый.

Что?

Второй.

Дверь скрипнула!..

Первый.

Ну, ври себе!

Второй.

Шаги!..

Первый.

И впрямь шаги...

Второй.

То из покоев царских
Сюда идут... все ближе...

Первый (с испугом).

Кто идет?

Второй.

Молчи, молчи! Он сам!

Борис, в рубахе, поверх которой накинута
опахень, входит, их не замечая.

Борис (про себя).

«Убит, но жив»!

Меня с одра все тот же призрак гонит.

Даны часы покоя всякой твари;

Растение и то покой находит,

В росе купая пыльные листы!

Так быть нельзя. Чтобы вести борьбу,

Я разумом владеть свободным должен.

Мне нужен сон. Не может без наклада

Никто вращать в себе и день и ночь

Все ту же мысль. И жернов изотрется,

Кружась без отдыха... «Убит, но жив»!

Я совершил без пользы преступленье!

Проклятья даром на себя навлек!

Когда судьбой так был обманут я —

Когда он жив – зачем же я, как Каин,

Брожу теперь? Безвинностью моей
Я заплатил за эту смерть – душою
Ее купил! Я требую, чтоб торг
Исполнен был! Я честно отдал плату —
Так пусть же мой противник вправду сги-
нет

Иль пусть опять безвиновен буду я!

(Осматривается.)

Куда зашел я? Это тот престол,
Где в день венчанья моего я в блеске
Невиданном дотоле восседал!

Он мой еще. С помáзанной главы
Тень не сорвет венца!

(Подходит и отступает в ужасе.)

Престол мой занят!

(Приходит в себя.)

Нет, это там играет лунный луч!..

Безумный бред! Все та же мысль! Рожденье

Бессонницы! Но нет – я точно вижу —

Вновь что-то там колеблется, как дым, —

Сгущается – и образом стать хочет!

Ты – ты! Я знаю, чем ты хочешь стать, —

Сгинь! Пропади!

Первый часовой.

Святая сила с нами!

Второй.

Помилуй Бог нас!

Борис.

Кто здесь говорит?

(Увидев часовых.)

Кто вы? Зачем вы здесь? Как смели вы
Подслушивать?

Второй.

Великий государь —

Наряжены мы терем караулить!..

Борис.

Вы на часах? Так где же ваши очи?

Смотри туда! Что на престоле там?

Второй.

Царь-государь... я ничего не вижу!..

Борис.

Так подойди ж и бердышом своим

Ударь в престол! Чего дрожишь? Иди —

Ударь в престол!
Часовой подходит к престолу.
Стой! Воротись – не надо!
Я над тобой смеялся! Разве ты
Не видишь, трус, что это месяц светит
Так от окна? Тебе и невесть что
Почудилось?.. Смотрите же вы оба:
О том, что здесь вы слышали сейчас
Иль видели, – молчать под смертной каз-
нью!

Вы знаете меня!

(Вздвoгнув.)

Кто там?

Входит Семен Годунов.

Семен Годунов.

То я,

Великий государь! Тебя ищущ я...

Борис.

Кто право дал тебе за мной следовать?

Семен Годунов (тихо).

Андрей Клешнин по твоему велению
К тебе пришел.

Борис (к часовым).

Ступайте оба прочь!

Часовые уходят.

Никто не видел Клешнина?

Семен Годунов.

Никто.

По тайному крыльцу его я в терем

Сам проводил.

Борис.

Впусти его!

Семен Годунов уходит.

Под схимой

Он от мирских укрылся треволнений,

А я, как грозный некогда Иван,

Без отдыха мятусь. Как он, средь ночи

Жду схимника, чтобы сомненье мне

Он разрешил. И как при нем, так ныне

При мне грозит Руси распаденье!

Ужель судьба минувшие те дни

Над нею повторяет? Или в двадцать

Протекших лет не двинулся я с места?

И что́ я прожил, был пустой лишь сон?

Сдается мне, я шел, все шел вперед
И мнил пройти великое пространство,
Но только круг огромный очертил
И, утомлен, на то ж вернулся место,
Откуда шел. Лишь имена сменились,
Преграда та ж осталась предо мной —
Противник жив – венец мой лишь на-
смешка,

А истина – злодейство есть мое —
И за него проклятья!

Входит Клешнин в схиме и в веригах.

Это ты?

Клешнин.

Я сам. Зачем меня ты потревожил?
Спокойно не дал умереть? В чем дело?

Борис.

Давно с тобою не видались мы.

Клешнин.

И лучше бы нам вовсе не видаться.

Борис.

Ты нужен мне.

Клешнин.

Еще? Кого зарезать

Задумал ты?

Борис.

Твоя не в пору дерзость,

Ее терпеть я не хочу!

Клешнин.

А я

Хочу быть дерзок. Или, мнишь ты, после

Того, что я выдаю по ночам,

Ты страшен мне?

Борис.

Оставь обычай свой.

Дай мне ответ по правде: в Углич ты

На розыск тот послан с Шуйским был,

Дай мне ответ – и Царствием Небесным

Мне поклянись: убит иль нет Димитрий?

Клешнин.

Убит ли он? Дивлюся я тебе.
Или мою не разглядел ты схиму?
Так посмотри же на мое лицо!
Зачем бы я постился столько лет?
Зачем бы я носил вериги эти?
Зачем живой зарылся б в землю я,
Когда б убит он не был?

Борис.

Ты его
Сам видел мертвым?

Клешнин.

Будь спокоен. Мы
Его убийц названье не украли —
Оно, по праву, наше: на гортани
Зияет рана в целую ладонь!

Борис.

И не было подмена?

Клешнин.

Нет. Когда бы
Его черты забыть я мог – мне их
Мои бы сны напомнили...

Борис.

Кто ж тот,

Кто называет Дмитрием себя?

Клешнин.

Почем мне знать! Дух, может быть, иль ху-
же,

Но говорить с тобой об этом ночью

Я не хочу. Об эту пору чуток

Бывает тот!

Борис.

Андрей...

Клешнин.

Забудь Андрея!

Четырнадцать уж лет в болоте черти

Играют им. Брат Левкий пред тобой.

Борис.

Постригся ты, но схима не смирила

Твой злобный дух. Не кротостию речь

Твоя звучит.

Клешнин.

Не в кротости спасенье.

Ты мягко стлал, но не помог себе
Медовой речью в горькую годину.

Не помогли и казни. Над тобой
Проклятье Божье. Мерзость ты свою
Познай, как я; прими такую ж схему;
Сложи венец; молися и постись;
Заприся в келье...

Борис.

Русскою землею,

Блюсти ее, на царство я избран!

В невзгоды час с престола моего

Я не сойду, как скоморох с подмосток!

С мечом в руках, не с четками, я встречу

Врага земли!

Клешнин.

Земля тебя клянет!

А враг у нас с тобой один: оружием

Он твоему смеется! С ним сразиться

Ты можешь, только павши ниц во прах

Перед крестом!

Борис.

Когда придет мой час,
Я принесу за грех мой покаянье.
Теперь грозу я должен встретить. Если
Тебе еще что ведомо в сем деле,
Скажи мне все!

Клешнин.

Я все тебе сказал.
Убийца ты. Волхвы тебе когда-то
Семь лет царенья предсказали. Близок
Твой смертный час. Прости – я ухожу.
От инока от Левкия прими
Благословенье днесь.

Борис.

Перед твоей
Священною склоняюсь я схимой —
Не пред тобой, монах!

Клешнин.

Лобзай же руку,
Благословляющую тя!

Борис.

Твою?

Клешнин.

Она в крови? Так что ж? Ты разве чище?
Сложи венец!

Борис.

С судьбой бороться буду
Я до конца!

Клешнин.

Так умирай как пес!

(Уходит.)

Утро. Покой перед царской опочивальной

Спальник слушает у дверей. Входит Семен Годунов.

Семен Годунов.

Что государь? Каков он?

Спальник.

До рассвета
В постелю не ложился. Все ходил
По-прежнему и сам с собою все

Как будто разговаривал.

Семен Годунов.

Басманов

Сей ночью прибыл; о своей победе
Царю отчет привез он. Царь его
Не принимал?

Спальник.

Нет. Грамоту к себе

Потребовал; прочтя, перекрестился,
Ему ж велел быть к лобному столу.

Семен Годунов.

И лег в постель?

Спальник.

Лег, только ненадолго;

Через краткий час встал снова и велел
Царевича позвать; а нам дал строгий
Запрет за два покоя никого
К ним не пускать.

Семен Годунов.

Они доселе вместе?

Спальник.

Досель... но вот, кажись, идут!

Семен Годунов.

Уйдем!

Оба уходят. Борис входит в разговоре с царевичем Федором.

Борис.

Мы трудные с тобою времена
Проходим, сын. Предвидеть мы не можем,
Какой борьба примет оборот
С врагом Руси. Мои слабеют силы;
Престол мой нов; опасна смерть моя
Для нашего теперь была бы рода;
Предупредить волненья мы должны.
Я положил: торжественною клятвой
Связать бояр в их верности тебе.
Сегодня, сын, тебя венчать на царство
Я положил!

Федор.

Отец, помилуй! Как?

В тот самый день, когда ты честь воздать
Басманову за славную победу
Готовишься?

Борис.

Изменчива судьба.

Мы на лету ее всечасно ласку
Ловить должны. Усердые к нам людей
С ней заодно. Сегодня прежним блеском
Мой светит скиптр. В Бориса счастье снова
Поверили. Сегодня уклониться
От царской воли никому не может
И в мысль войти. Но знаем ли мы, что
Нас завтра ждет? Я на обеде царском
От всех бояр хочу тебе присяги
Потребовать.

Федор.

Прошу тебя, отец,
Уволь меня!

Борис.

Приять венец русский
Назначен ты в тот самый час, когда
На царство я взведен был Земской думой.

Себе и роду своему престол
Упрочить ты обязан.

Федор.

Нет, отец!

Я не могу – увольь меня!

Борис.

Сын Федор, —

Что значит это?

Федор.

Не гневись, отец, —

Венчаться не могу я! На престол —

Я не имею права!

Борис.

Как?

Федор.

Отец,

Прости меня! Ты борешься упорно —

Я ж не уверен, что противник твой —

Не истинный Димитрий!

Борис.

Не уверен?

Ты, Федор, – ты?

Федор.

Я углицкое дело

Читал, отец, и Шуйского тот розыск.

Бессовестно допрос был учинен!

Отыскивать не так бы должен правду,

Кто б искренно хотел ее узнать!

Борис.

Но правда та мне ведома!

Федор.

Ты мог

Обманут быть!

Борис.

Нет, не был я обманут!

Федор.

От Шуйского лишь углицкое дело

Ты то узнал!

Борис.

Я прежде знал его!

Федор.

Ты?

Борис.

Я!

Федор.

Отец! Как мог его ты знать?

Борис.

Когда тебе улики дам я в руки,

Что Дмитрий мертв...

Федор.

Как? У тебя иные

Улики есть, чем те, что собрал Шуйский?

Борис.

Иные – да!

Федор.

И ты доселе их

Не предъявил!

Борис.

Я их не предъявлю!

Мне на́ слово поверить должен ты!

Димитрий мертв!

Федор.

Нет, прежде не поверю,

Чем сам увижу те улики!

Борис.

Ты —

Их требуешь? Ты хочешь их, сын Федор?

Так знай же все!

Федор.

Нет, нет, отец! Молчи!

Поверил я! Не говори ни слова —

Поверил я!

Молчание.

Борис.

Недолго мне осталось

На свете жить. Земли мне русской слава,
Свидетель Бог, была дороже власти.
Но, вижу я, на мне благословенья
Быть не могло.

Федор.

Нет, нет! Оно не может
Быть на тебе!

Борис.

Ты чист и бел. Тебя
От прикасання зла предохранить
Мне удалось. Господь твою державу
Благословит.

Федор.

О, если б не пришлось мне
Ее принять!

Борис.

Неизлечим недуг
Душевный мой. Он разрушает тело —
И быстро я, усильям вопреки,
Иду к концу. В страданье человек
Бывает слаб. Мне ведать тяжело,

Что все меня клянут... Услышать слово
Приветное я был бы рад...

Молчание.

Федор.
Прости!

(Уходит.)

Столовая палата

Великолепно убранные столы в несколько рядов. За ними, в ожидании, сидят бояре. На правой стороне просцениума царский стол с пятью приборами. Несколько лиц разговаривают на просцениуме.

Салтыков.
Нам не везет!

Голицын.
Победу над собою
Мы празднуем!

Салтыков.
Неволей торжествуем!

Голицын.

Да полно, так ли плохо? Ведь виной
В победе этой лишь один Басманов;
Не будь его, Димитрий смял бы нас!

Салтыков.

Он нас и смял. Уж наши отступали,
Как враг того Басманова принес.
Окрысился, уперся – а к нему
Как раз на помощь немцы подоспели.

Голицын.

Проклятые!

Салтыков.

Какое горе им!
Борису присягали, за Бориса
Кладут живот!

Голицын.

Басманов за него же!

Салтыков.

А то небось за нас? Собака знает,

Чей ела корм!

Шуйский (подходит).

О чем, бояре, вы?

Салтыков.

Да все о том же, князь Василь Иваныч,
О радости великой.

Шуйский.

Как бы только

Не горевать пришлось нам! Мне пишут:
Он вновь собрать успел свои дружины,
К нему идет подмога от Литвы,
А Роща-Долгорукий со Змеёвым
Передались ему; Мосальский также,
И Татев тож!

Голицын.

Ты шутишь, князь?

Шуйский.

Ей-богу!

Салтыков.

Царь ведает?

Шуйский.

Зачем его тревожить?

Пожалуй, пир сегодняшней та весть

Испортила б.

Голицын.

Ну, слава Богу! Лишь бы

Басманова царь не послал опять!

Шуйский.

Нет, нет, зачем! Нельзя нам на Москве

Быть без него!

Салтыков.

Признайся, князь Василий,

Ведь это *ты* царя-то надумил

Басманова призвать?

Шуйский (смеясь).

А кто ж еще?

Ведь он себе награду заслужил!

Голицын.

Хитер же ты!

Шуйский.

Ну, где уж нам хитрить!

Салтыков.

А вот и он!

Входит Басманов, все раздаются.

Шуйский (идет ему на встречу).

Челом, боярин Петр

Феодорыч, тебе от всей от Думы!

Утешил нас, ей-богу-ну! А то

И батюшке-царю кручинно стало;

Как с вором, мол, не справиться-то с тем,

С расстригою!

Басманов.

Навряд ли он расстрига.

Шуйский.

Расстрига, нет ли – тот же вор. Теперь,

Чай, не начнет!

Басманов.

Нет, князь Василь Иваныч,
Боюсь, начнет. Хоть он и вор, а удаль
Нам показал свою. И любо видеть,
Как рубится! В беде не унывает:
Когда его войска погнали мы,
Последний он, и шаг за шагом только
Нам уступил. Так, говорят, косматый,
Осиленный ловцами, покидает
Добычу лев!

Шуйский (смеясь).

Да ты, никак, боярин,
Не в шутку хвалишь вора!

Басманов.

Не таюсь,
Мне по сердцу и вражая отвага!

Шуйский.

А за твою тебе сегодня царь
Воздаст почет!

Басманов.

Храни его Господь!
Но лучше бы меня теперь у войска

Оставил он. Не надо б дать врагу
Опомниться.

Шуйский.

И без тебя, боярин,
Его добьют. Ты ж для совета нам
Здесь надобен.

Салтыков.

Недаром государь
Пожаловал тебя в бояре. Будешь
Нас разуму учить!

Голицын.

Нам будешь в Думе
Указывать!

Басманов.

Боюсь, не сумею
Вам быть под стать.

Голицын.

Мы славимся породой,
А ты умом!

Басманов.

Кто чем богат!

Входит Семен Годунов. Все ему кланяются.
За ним два стольника несут богатую шубу.

Семен Годунов (к Басманову).

Боярин

Петр Федорыч! Великий государь,
До своего до царского прихода,
Мне приказал приветствовать тебя
И эту шубу, с своего плеча,
Прислал тебе в подарок!

Все (кланяясь Басманову).

С царской лаской!

Стольники надевают на него шубу.

Басманов.

Не заслужил я милости великой!

Семен Годунов.

То лишь почин. Угодно государю
Тебе такие почести воздать,
Каких еще он никому доселе
Не воздавал!

Шуйский.

Мое взыграло сердце!

Кому ж и честь, когда не воеводе,

Что от врага лютейшего вконец

Избавил нас!

(К Семену Годунову.)

Но успокой, родимый,

Скажи, Семен Никитич, правда ль: ночью

Недужал царь?

Семен Годунов.

Нет, миловал Господь,

Одна была усталость.

Шуйский.

Богу слава!

И то сказать, ни день ни ночь покоя

Нет милости его. Зато теперь

Он от хлопот уж может отдохнуть!

Звон дворцовых колоколов. Входит Борис в царском облачении. За ним царевич Федор, царица и Ксения.

Салтыков (к Голицыну).

Как бледен он!

Голицын.

Мертвец!

Борис (к Басманову).

Боярин Петр

Феодорыч!

Басманов опускается на колени, Борис его подымает.

За доблесть за твою,
За славную за службу и за кровь —
Прими от нас великий наш поклон
И от земли русской челобитье!

(Берет у стольника золотое блюдо, насыщенное червонцами, и подает Басманову.)

Басманов (принимая блюдо).

Великий царь! За малую ты службу
Через меру мне сегодня воздаешь!

Дозволь мне, царь, вернуться к войску.
Там,

Быть может, мне твою удастся милость
И вправду заслужить!

(Передает блюдо стольнику.)

Борис.

Пожди еще.

Тяжелое принудило нас время
Быть строгими. Москва все эти дни
Опал довольно видела и казней.
Она должна увидеть на тебе,
Как верных слуг, за правду их, умеет
Царь награждать. Садись со мною рядом.

(Садится за стол.)

По правую его руку царица, Федор и Ксения; по левую Басманов. Бояре размещаются за другими столами. Слуги разносят блюда.

Один боярин (за крайним столом налево).

Мне на царевну Ксенью жаль смотреть;
Вошла в палату, на ногах едва
Держалася.

Другой.

По женихе тоскует.
Чай, нелегко сидеть в алмазах ей
Да в жемчуге, когда на сердце смерть!

Первый.

Царевич также невесёл.

Другой.

А царь-то!

Борис (к Басманову).

Не в радостный ты час к нам прибыл,
Петр.

Семейное меня постигло горе;
Затем порой задумчив я кажусь;
Но славная твоя победа нас
Оправила.

Басманов.

Великий государь,

Дай Бог тебе веселья и здоровья
И всех врагов подлоги покорить!

Салтыков (за другим столом налево).
Мы похоронный точно пир справляем.
Смотри, как он веселым хочет быть,
А сам не свой!

Голицын.
Ему недуг, быть может,
Невозмоготу.

Салтыков.
Кабы да тот недуг
Нам впрок пошел! Царевны Ксеньи жаль.

Голицын.
Да, жаль ее.

Салтыков.
Что с братом и с сестрой
Мы сделаем, когда на царство тот
Пожалует?

Борис.

Царевна Ксения, встань
И дорогому гостю поднеси
Заздравную стопу!

**Ксения (обходит стол и подносит стопу
Басманову, с поклоном).**

Уважь, боярин!

Басманов (принимая стопу).

Во здравие царя и государя!

Все.

Во здравие царя и государя!

Борис (вставая).

Во здравие боярина Петра
Басманова! Пусть долго он живет,
На образец другим, земле на славу,
Врагам на страх!

Все.

Во здравие его
И много лет!

Борис.

Да славится вовеки
Святая Русь и да погибнут все
Ее враги!

Все.

Анафема врагам!

Борис (садясь).

Семь лет прошло, что я земли русской
Приял венец. Господня благодать
Была над ней – доколь, подобно язве
Египетской, тот не явился враг,
Над ним же мы победу торжествуем.
Час недалек, когда, проклятый Богом,
Он на земле достойную себе
Приимет мзду. Господь дела карает
Неправые; в сердцах читает он,
И суд его, как громовая туча,
Всегда висит над головою тех,
Что злое в сердце держат умышленье.
Бояре все! Что заслужили б те,
Что, сидя здесь, за царскою трапезой,
В душе своей усердствовали б тайно
Разбитому Басмановым врагу?

Голоса.

Помилуй, царь!

Борис.

Моей бы ждали смерти,
Чтоб перейти к тому лихому вору,
Наследника ж хотели б моего
Ему предать?

Голоса (с разных сторон).

Царь-государь, помилуй!
Возможно ли! – И в мысль то не вместится!

Нет между нас предателей!

Борис.

Пусть встанет,
Кто верен мне!

Все (вставая).

Мы все тебе верны!

Голицын (к Салтыкову).

Что, встал небось?

Салтыков.

А ты-то?

Голицын.

Поневоле

Подымешься. Не выдать же себя!

Борис.

Клянись мне, что будете служить
Феодору по вере и по правде!

Все.

Клянемся, царь!

Борис.

Что будете его

Оберегать до смерти и до крови,

Когда меня не станет!

Все.

Все клянемся!

Борис.

Клянись мне, что если между вас
Кто-либо держит злобу на меня,

Он злобы той на сына не захочет
Перенести!

Все.

Во всем тебе клянемся!

Шуйский.

Уж положися на своих рабов,
Царь-батюшка!

Борис.

В соборе вашу клятву

Вы целованьем крестным утвердите.

Мы в животе и смерти не вольны —

Я Федора хочу еще при жизни

Моей венчать. От младости он мной

Наставлен был в науке государевой.

Господь ему превыше лет его

Дал светлый ум и с духом твердым кро-

тость

В нем сочетал – и правоты любовь,

Нетронутую мудрствованьем ложным,

В него вложил. Его царенье будет

На радость вам, на славу всей земле!

Чего я сделать не успел для царства —

То он свершит —
(Выступает вперед.)
И за него теперь
Заздравный сей я кубок подымаю!

Все.

Да здравствует царевич! Много лет
Царевичу Феодору!

Один боярин (указывая на Бориса).
Что с ним?

Другой.
Шатается!

Борис.
Басманов...

Басманов (подхватывает его).
Государь!
Смятение между боярами.

Ксения.
Отец! Отец!

Борис.

Мне дурно...

Федор.

За врачом

Бежать скорей!

Борис.

Не надо... смертный час

Мой настает...

Его сажают в кресла.

Царица.

Ах, Господи! Не просто

Случился грех! Знать, тут была отрава!

Несколько голосов.

Отравлен царь!

Борис.

Нет – не было отравы!

Иль мните вы, бессильна скорбь одна

Разрушить плоть?

Федор.

О, велика твоя
Пред Богом скорбь!

Борис.

Сын Федор, Ксения, дети!
Храни вас Бог! Князь Шуйский, подойди!
Друг друга мы довольно знаем. Помни:
В мой смертный час я Господа молю:
Как ты мне клятву соблюдешь, пусть так
И он тебя помилует! Басманов, —
Спеши к войскам! Тебе я завещаю
Престол спасти! О Господи, тяжел,
Тяжел твой гнев! Грехи мои ты не дал
Мне заслужить!

Федор.

Клянусь тебе, отец,
Не забывать, что искупить я должен
Их жизнью всей!

Борис (к боярам).

Блюдайте вашу клятву!
Вам ясен долг – Господь карает ложь —
От зла лишь зло рождается – все едино:
Себе ль мы им служить хотим иль царству

Оно ни нам, ни царству впрок нейдет!

Царица (кланяясь в ноги).

Свет-государь! Прости меня, в чем я
Грешна перед тобой!

Борис.

Мой меркнет взор...

Ксения.

О Господи! Будь милостив к нему!

Борис.

Простите все! Я отхожу, сын Федор,
(встает)

Дай руку мне! Бояре! Вот ваш царь!
(Падает в кресла.)

Занавес опускается.

1868–1869